

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

**Материалы конференции
молодых ученых**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

23–24 мая
2023 г.

МОСКВА
2023

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

Ответственные редакторы:

Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова

Редколлегия:

*С.А. Борисов,
А.В. Грасько,
А.М. Дронов,
Н.В. Евстафьев,
П.В. Мошечков*

Редактор:

Л.А. Авакова

Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 350 с.

ISSN 2619-0869

DOI 10.31168/2619-0869.2023

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2023 г. участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Казани, Калининграда, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Смоленска, а также Белоруссии, Венгрии, Китая, Польши, Словакии и Чехии продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов, начиная со Средних веков и до наших дней в национальном, региональном, этноконфессиональном и международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)

ISSN 2619-0869
DOI 10.31168/2619-0869.2023

© Коллектив авторов, текст, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023

Секция
«**ИСТОРИЯ**»

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В XIX–XX ВВ.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.01

Участие Петра Афанасьевича Шеншина в событиях, связанных с Восточным кризисом (1875–1878 гг.)

Денис Игоревич Никифоров

МГИМО (У) МИД РФ

Москва, Российская Федерация; e-mail: denisen1@mail.ru

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., русские добровольцы на Балканах, Афанасий Афанасьевич Фет, Михаил Федорович Раевский

Participation of Petr Afanasievich Shenshin in the Events of the Eastern Crisis (1875–1878)

Denis I. Nikiforov

MGIMO-University (State Institute of International Relations),
Moscow, Russian Federation; e-mail: denisen1@mail.ru

Keywords: Russian-Turkish War 1877–1878, Russian volunteers on the Balkans, Afanasiy Afanasievich Fet, Mikhail Fedorovich Raevskiy

Теме русского добровольчества посвящено множество отечественных и зарубежных работ. Но, на сегодняшний день, в научной литературе, посвященной Восточному кризису 1875–1878 гг. отдельно не рассматривался вопрос участия Петра Афанасьевича Шеншина (1834–1881), брата русско-

го поэта Афанасия Афанасьевича Фета (1820–1892). Данное исследование основано на материалах фонда А.А. Фета Российской государственной библиотеки, в котором хранится переписка А.А. Фета с братом в период его пребывания на Балканах, а также письма Михаила Федоровича Раевского (1811–1884), Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) и др. Эти материалы содержат информацию об участии Петра Афанасьевича в событиях, связанных с Восточным кризисом 1875–1878 гг.

До поездки на Балканы Петр Афанасьевич Шеншин проживал в Мценском уезде Орловской губернии. Одно время он учился в Харьковском университете на филолога, но, по словам А.А. Фета, «не окончил и курса»¹. Зимой 1876 г. Петр Шеншин был арестован в Варшаве, в полицейском протоколе приведен его словесный портрет: «Более 30 лет, брюнет, среднего роста»². А.А. Фет вспоминал, что брат носил эспаньолку на французский манер и очки «по крайней близорукости»³. Несмотря на попытки старшего брата привить младшему интерес к гуманитарным наукам, у Петра Афанасьевича проявились другие таланты: он любил охоту и на этой почве даже сошелся с братьями Львом Николаевичем и Николаем Николаевичем Толстыми, а также был «тонким знатоком сельскохозяйственного обихода» и преуспел в коневодстве⁴. Поэт также отмечал упрямство брата и писал, что ему были свойственны «несоразмерность порывов воли с остальным организмом»⁵.

Петр Афанасьевич Шеншин уехал на Балканы в ноябре 1875 г. Сам Шеншин так описал свою первую поездку: «Пишу тебе из Боки Которской, <...> куда прибыл после почти тяжкого странствия через Одессу, Вену и Триест по железной дороге и из Триеста на пароходе»⁶. Шеншин также отметил давнее желание покинуть Россию: «Мысль об удалении, как ты знаешь, я давно имел, но не проводил в исполнение, так как не хотелось, чтобы с одной стороны хорошие языки не выдумывали чего»⁷. 22 декабря 1875 г.⁸ И.С. Аксаков написал о судьбе Петра Шеншина генеральному консулу в Рагузе Александру Семеновичу Ионину: «Вы ведь знаете поэта

Фета. Его настоящая фамилия Шеншин. У него есть родной брат Петр, должно быть, несколько тронутый или, по крайней мере, удрученный сплином, который решил покончить собою посредством Герцеговины <...>. Он уехал из дома так себе, налегке, никто из домашних не верил в серьезность его намерения, и вдруг они, то есть поэт Фет, получает от него письмо уже из Бокки Катторской: “Прощай, сейчас иду в Цетинье”⁹. В этом же письме Аксаков интересуется у Ионина жив ли Петр Афанасьевич и, если жив, просит выдать ему кредит до 500 рублей¹⁰.

27 января 1876 г. Афанасию Афанасьевичу написал видный панславист, священнослужитель Русской православной церкви, М.Ф. Раевский. Он сообщил Фету о том, что его брат к нему «не рассудил прийти <...>, от того вся беда приключилась»¹¹. По словам Раевского, он узнал, что на момент написания письма Шеншин находился в полиции Вены без паспорта и обратился в посольство, чтобы его освободили¹². Раевский также сообщил, что постарался помочь Шеншину добраться до русской границы.

6 февраля 1876 г. Афанасия Афанасьевича известили из канцелярии Орловского губернатора об аресте Петра Афанасьевича в Варшаве. В Варшаву за братом Фет направил «приютившегося» в богатом магазине немца-кондитера Зальмана, с которым Петр Афанасьевич был в хороших отношениях¹³.

Весной 1876 г. Петр Афанасьевич снова прислал брату письмо, в котором описал свою вторую поездку на Балканы: «Только возвратился из небольшого похода, побывав за это время в довольно задорной перепалке, хотя без орудия <...>. Хотя приходилось привыкать к свисту пуль, но оказывается это не так страшно, так как стрельба производится из-за каменных завалов»¹⁴. Уже в начале сентября Петр Афанасьевич отправился в Белград для участия в сербско-турецкой войне. 17 октября Шеншин участвовал в битве при Джуниесе, в результате которой турецкая армия нанесла серьезное поражение сербам. В ходе битвы Петр Афанасьевич был легко ранен и направлен в Делиград, откуда написал: «Нача-

лись почти ежедневные проводы на вечный покой, русских преимущественно <...>. Знал всех этих жертв, да, тем более что они чуть ли не напрасны. Ни русские, а тем более сербы, кажись, ни к чему не пришли, а что еще за глупости будут впереди так и не придумаешь»¹⁵.

Третья и последняя поездка на Балканы была осуществлена Петром Афанасьевичем в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 10 апреля 1877 г. он сообщил брату, что был определен во владикавказский казачий полк¹⁶. Уже 17 июня он писал, что определен в урядники¹⁷. Владикавказский полк, в составе которого числился Шеншин, участвовал 18 июля 1877 г. в осаде Плевны, а 22 августа в битве при Ловче, в которой был ранен есаул Тимофей Варламович Астахов, принимавший непосредственное участие в судьбе Шеншина¹⁸. Уже в октябре 1877 г. Шеншин писал брату о тяжелых условиях и о том, что оказался в обозном лагере¹⁹.

Говоря о добровольцах в период Русско-турецкой войны, Андрей Леонидович Шемякин привел классификацию Н.В. Максимова, выделив пять групп, на которые можно разделить русских добровольцев: 1. Идеалисты; 2. Честные, но побитые жизнью люди; 3. Приехавшие «под влиянием возбужденных чувств»; 4. Искатели приключений и славы; 5. Праздношатающиеся²⁰. К идеалистам, например, А.Л. Шемякин отнес Н.Н. Раевского, тогда как М.Г. Черняева — к группе «жаждущих славы»²¹. Петра Афанасьевича можно отнести к честным людям, но с поправкой, что он скорее не смог найти себя дома. Петр Афанасьевич Шеншин участвовал почти во всех ключевых конфликтах в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. Тем не менее, разочарованный итогами кризиса, он сначала поселился в Одессе, на короткий период переехал в Воробьевку, где находилась усадьба Шеншиных, но уже в 1879 г. эмигрировал в Соединенные Штаты Америки.

Примечания

- ¹ *Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848–1889. М.: Типография Л.М. Мамонтова и Ко, 1890. Ч. 1. С. 282.
- ² Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 315. К. 14. Ед. хр. 47. Л. 1.
- ³ *Фет А.А.* Мои воспоминания. Ч. 1. С. 248.
- ⁴ Там же. С. 359.
- ⁵ Там же.
- ⁶ ОР РГБ. Ф. 315. К. 12. Ед. хр. 63. Л.3.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Здесь и далее даты в статье приводятся по старому стилю.
- ⁹ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы / под ред. К.В. Никифорова. М.: Индрик, 2008. С. 203.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ОР РГБ. Ф. 315. К. 10. Ед хр. 54. Л. 1.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Фет А.А.* Мои воспоминания. Ч. 2. С. 313.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 315. К. 12. Ед. хр. 63. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 9.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Л. 15.
- ¹⁸ Описание Русско-Турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове и Особое прибавление. СПб: Военная типография, 1903. Т. 5: Действия на Западном фронте с 18 августа по 1 сентября 1877 г.: (сражение под Ловчей и третье сражение под Плевной). С. 259; ОР РГБ. Ф. 315. К. 12. Ед. хр. 63. Л. 15.
- ¹⁹ Строки из этого письма Афанасий Афанасьевич передал Льву Николаевичу Толстому. Из-за того, что в письме не проставлен год, в книге «Толстой Л.Н. Переписка с писателями» письмо ошибочно сгруппировано с письмами 1876 г., хотя из контекста письма явно следует, что письмо не могло быть написано раньше осени 1877 г. См.: *Толстой Л.Н.* Переписка с писателями. М: Художественная литература, 1978. С. 4.
- ²⁰ *Шемякин А.Л.* М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова / сост. В.Б. Каширин. М.: Регнум, 2012. С. 189.
- ²¹ Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.02

Антоний Слонимский открывает пролетарскую культуру: путешествие польского интеллектуала в Страну Советов

Татьяна Рудольфовна Семакина

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: semakinaaa@gmail.com

Ключевые слова: Путевые заметки, публицистика, межвоенный период, польско-советские отношения

Antony Slonimsky Discovers Proletarian Culture: the Journey of a Polish Intellectual to the Soviet Union

Tatiana R. Semakina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: semakinaaa@gmail.com

Keywords: Travel notes, journalism, interwar period, Polish-Soviet relations

Начало 1930-х годов — время, на которое пришелся «прорыв информационной и культурной блокады СССР»¹, что во многом обусловило популярность поездок в Советский Союз в кругах западной интеллигенции. В этот период также распространилась практика отбора Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС) кандидатур для посещения страны: в расчет принимались отношение к новому режиму, желание сотрудничать, а самое главное, возможность в дальнейшем сделать такого туриста проводником советской пропаганды². Одним из первых польских литера-

торов, отправившихся в новую послереволюционную Россию и лично наблюдавших развитие пролетарской культуры социалистического реализма, стал Антоний Слонимский, посетивший СССР в 1932 г.

В очерках, посвященных Стране Советов, публицист делился с читателем ценными наблюдениями о жизни простых людей, культуре и политике. А. Слонимский (1895–1976) — крупный писатель и публицист Второй Речи Посполитой и ПНР, в межвоенный период сотрудничал с варшавским еженедельником *Wiadomości Literackie*, где вышли летом 1932 г. его очерки о поездке в Советский Союз. Стоит сказать, что этот журнал занимал позицию не просто литературного вестника, но полноценного общественно-культурного издания, которое в межвоенный период во многом способствовало популяризации знаний о культурной жизни восточного соседа³.

Заметки Слонимского о советских реалиях — ценный исторический источник, в наблюдениях публицист старался быть объективным. Во многом его подход, по его собственным словам, отличался от подхода многих других западных писателей и публицистов. Показательно, например, уже то, что Слонимский не ограничивался традиционными для интуристов маршрутами и осмотром стандартного перечня объектов. Это весьма примечательно в условиях, когда в СССР активно вырабатывалась технология по приему западных интеллектуалов, в отношении которой позднее был введен термин «техника гостеприимства»⁴.

Слонимский много внимания уделил описанию пролетарской культуры. Он довольно близко познакомился с советским искусством, по его собственному признанию, все вечера проводил в театре, на концертах или литературных вечерах; беседовал об искусстве с музейными работниками, писателями, директорами театров, кинорежиссерами, учеными, однажды даже обсудил советский театр с дипломатом М.П. Аркадьевым. Так, в первый же вечер своего посещения Москвы Слонимский отправился в кино смотреть фильм «Путевка в жизнь», который стал для него ярким примером дидактической, воспитательной роли советского искусства.

О советской прозе польский публицист практически ничего не говорил, его куда больше интересовала поэзия. Лучшим поэтом того времени Слонимский признавал Б.Л. Пастернака⁵, с которым лично беседовал на вечере его поэзии и которого считал наследником великой русской поэзии⁶. Он также общался со многими известными советскими литераторами — они виделись на встрече в ВОКС и на приеме в польском посольстве. Сюжетная составляющая современных советских стихотворений не вызвала у Слонимского особого восторга, как, собственно говоря, и вообще все содержание пролетарского искусства. Во многом бедность сюжетов он объяснял господствующей в стране цензурой, к врагам которой Слонимский себя причислял.

С советским музыкальным искусством Слонимскому, однако, не довелось познакомиться достаточно близко. Он, в частности, лишь видел пару выступлений на поэтическом вечере, которые не произвели на него никакого впечатления. Зато польский публицист присутствовал на выступлении пианиста Льва Оборина. Для Слонимского оказался удивительным феномен последующего публичного «осуждения» игры музыканта, исполнившего Шопена⁷.

Сфера советского искусства, вызывавшая неподдельное восхищение польского публициста — это театр, где Слонимский проводил почти каждый вечер. Он отметил, что «пьесы современных авторов отличаются примитивизмом и докучают постоянным прославлением советского режима»⁸, однако вместе с тем признал, что даже пьесы с откровенно слабым сюжетом производят хорошее впечатление за счет выдающейся актерской игры. В качестве одной из основных проблем современной ему советской драматургии Слонимский считал, что пьесы слишком быстро устаревают, поскольку их сюжет как правило тесно связан с курсом партии, а курс этот имел свойство меняться.

Что касается кинематографа, Слонимский, подобно многим другим иностранцам, отметил высокий технический уровень, хотя и в случае, например, с «Путевкой в жизнь», говорил о недостаточно хорошей работе оператора. В целом

он описал Советскую Россию как страну актеров и режиссеров, о чем нужно «помнить не только в театре, но и в политической жизни»⁹. Хотя советское кино, по его мнению, и находилось на вполне приличном уровне, у зрителя не было выбора из-за отсутствия в прокате иностранных лент. Советская власть стремилась оградить общество от западного влияния: фильм, который приводил зрителя «на улицы больших метрополий и показывал условия жизни американского рабочего, мог иметь деструктивное влияние»¹⁰, по мнению Слонимского.

Таким образом, впечатления Слонимского о Советском Союзе оказались довольно неоднозначными. Как писатель, он попытался разгадать феномен нового для него советского человека. От его взгляда не ускользнула неизвестная ему прежде одухотворенность, которую он объяснил следующим образом: «Чувство конструктивной и целенаправленной работы, осознание важности и достоинства ежедневных усилий — сильный наркотик»¹¹. Вместе с тем, он не увидел в Советской России «никакой сознательной воли работающего народа»¹². Оценивая перспективы польско-советских культурных контактов, А. Слонимский отметил разницу восприятия искусства и его целей. Кроме того, не обошел вниманием он и определенную противоречивость, о которой позже говорила, например, С.М. Фалькович: советское государство хотело продемонстрировать достижения социалистического строя и новой социалистической культуры, польские же власти стремились изолировать общество от «красной заразы»¹³.

Примечания

- ¹ *Анатшева И.А.* Роль всесоюзного общества культурной связи с границей в развитии международного сотрудничества СССР. 1925–1939 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 11.
- ² *Жилинская И.В.* Институциональные основы советской культурной дипломатии в 20-30-е гг. XX в // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: Зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаны 80-годдзю Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы і 65-годдзю гістарычнай адукацыі Гродзенскім дзяржаўным ўніверсітэце імя Янкі Купалы. У 2 частках / гал. рэд.: А.А. Каваленя, І.Ф. Кітурка. Гродна, 2019. Ч. 1. С. 232.

- ³ *Zawiszewska A.* Rosja w oczach polskich liberałów w dwudziestoleciu międzywojennym: na przykładzie “Wiadomości Literackich” (1924–1939) // *Media — Kultura — Komunikacja Społeczna.* 2006. N 2. S. 21.
- ⁴ *Жилинская И.В.* СССР и западная интеллигенция: к вопросу о формировании технологии приема иностранцев в СССР в 1930-е гг. // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки.* 2019. № 19-1. С. 97.
- ⁵ *Słonimski A.* Moja podróż do Rosji. Sztuka // *Wiadomości Literackie.* 1932. N 30 (447) (17.07).
- ⁶ *Słonimski A.* Moja podróż do Rosji. Rozmowy z pisarzami // *Wiadomości Literackie.* 1932. N 32 (449) (31.07).
- ⁷ *Słonimski A.* Moja podróż do Rosji. Sztuka...
- ⁸ *Ibidem.*
- ⁹ *Słonimski A.* Moja podróż do Rosji. Pierwsze spojrzenie // *Wiadomości Literackie.* 1932. N 27 (444) (26.06).
- ¹⁰ *Ibidem.*
- ¹¹ *Słonimski A.* Moja podróż do Rosji. Turyści i gepiści // *Wiadomości Literackie.* 1932. N 28 (445) (3.07).
- ¹² *Ibidem.*
- ¹³ Советско-польские культурные связи в 20–30-е гг. XX в. // *Фалькович С.М.* Исследования по истории Польши и российско-польских общественных и культурных связей. М., 2012. С. 408.

РОЛЬ ГРАНИЦ И ПОГРАНИЧИЙ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И ИХ СОСЕДЕЙ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.03

Франки, авары и мораване на рубеже VIII–IX вв.

Кирилл Алексеевич Юрьев

Воронежский Государственный Университет,
Воронеж, Российская Федерация;
e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru

Ключевые слова: Центральная Европа, Аварский каганат, франко-аварская война, Великая Моравия

Franks, Avars and Moravans at the Turn of the VIII–IX centuries

Kirill A. Yuriev

Voronezh State University,
Voronezh, Russian Federation; e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru

Keywords: Central Europe, the Avar Khaganate, the Avar Wars, Great Moravia

В 790-х гг. произошло важное событие для судьбы Центральной Европы — началась франко-аварская война, в результате которой Аварский каганат был уничтожен. После подчинения Баварии в конце 780-х гг., франки под предводительством Карла Великого расширили свои владения до пределов Аварского каганата, который был не так силен как раньше, но оставался достаточно беспокойным субъектом в регионе¹.

Придя в Центральную Европу, авары столкнулись со славянским населением, переселившимся на эту территорию ранее. Данные группы населения сосуществовали на одной территории, оказывая друг на друга культурное влияние. В некоторых элементах одежды авары испытывали наибольшее влияние со стороны Византии и германцев. Славянское влияние на авар прослеживается в керамике, которую некоторые исследователи даже называли славяно-аварской. При этом, по мнению В.В. Седова, на Дунай с аварами пришли анты из Северного Причерноморья, археологический материал которых немного выделяется на фоне славян пражско-корчакской археологической культуры. По его мнению, славяне Среднего Дуная строили полужемлянки с очагом, а анты — полужемлянки с печами-каменками. В керамике антское влияние достаточно ограничено, так как местные традиции прослеживаются более явно. Обряд трупоположения также отличает антов от Среднедунайских славян, у которых было распространено трупосожжение. При этом, случаи ингумации славян пражско-корчакской группы, по мнению ученого, могли быть вызваны как аварским, так и антским влиянием². И. Штефан, проанализировавший захоронения славян из Центральной Моравии и более близких к аварским поселениям славян из современной Словакии, пришел к выводу, что погребальный обряд славян менялся под влиянием франков, которым славяне пытались подражать, а вот элементы костюма славянами были заимствованы у авар³. Когда на заре появления каганата авары подчинили ближайšie славянские племена, среднедунайские славяне пытались избавиться от аварских властей, но даже после восстания под предводительством Само в VII в. только частично освободились от аварского владычества⁴.

После присоединения Баварии Карлом Великим в 788 г., франкское государство приобрело общую границу с Аварским каганатом. Бывший Баварский герцог Тассило настроил авар против франков, чтобы те помогли ему вернуть власть. Авары согласились, но потерпели поражение. Попытка заключить мир в 790 г. оказалась неудачной, потому что франки решили

не делать уступки, а применить оружие⁵. Ход франко-аварской войны в исторической литературе описан достаточно подробно, поэтому стоит обозначить ключевые моменты. Активные боевые действия шли с 791 по 803 г. После этого аварам уже не хватало сил даже на обеспечение собственной безопасности, поэтому они были вынуждены обращаться за защитой к франкам. После падения Аварского каганата в регионе начался хаос, в котором славянские княжества пытались уничтожить остатки авар, стараясь вытеснить последних из Паннонии, что было предотвращено вмешательством франков. Постепенно сведения об аварах начали исчезать из письменных источников, одно из последних их упоминаний относится к 822 г.⁶ По археологическим данным часть аварского населения смогла дожить до венгерского нашествия в Центральную Европу и была ассимилирована ими⁷.

По письменным источникам сложно сказать, находились ли мораване под властью авар на момент крушения их государства. Однако среднедунайские славяне вели постоянные войны с аварами. Это, видимо, отразилось на том, что к рубежу VII–VIII вв. в Моравии существовал значительный слой князей и конных воинов. Падение Аварского каганата завершило данный процесс, так как в конце VIII в. был разрушен крупный центр Валу около Микульчиц, а также начали происходить изменения в культуре мораван. По мнению Д. Тржептика, в это время шли междоусобные войны, которые привели к появлению Моравского княжества⁸. Более того, в письменных источниках зафиксировано только одно племя в Моравии, населявшее эту территорию, а к моменту его появления на исторической арене в Моравии назывался только один князь⁹. Впервые в исторических источниках мораване встречаются в 822 г. в качестве вассалов франков¹⁰. Окончательное оформление Моравского княжества относится к первой трети IX в., когда появляются упоминания Моравского и Нитранского княжеств. В 833 г. моравский князь Моймир I изгнал нитранского князя Прибину из его владений, что многими исследователями рассматривается как появление ядра будущей Великоморавской державы¹¹.

На рубеже VIII–IX вв. начался процесс оформления восточной границы франков, появились новые марки — приграничные территории, которые создавались с целью защиты новых территорий и их интеграции в состав франкского государства, так возникла Аварская марка в Паннонии. Карл Великий не ожидал бурной реакции славян на падение Аварского каганата, поэтому старался стабилизировать ситуацию в регионе, делая ставку на авар. Однако усилилась славянская колонизация Паннонии, происходившая в том числе с территории Моравии, а также агрессия славян по отношению к аварам, что способствовало вытеснению аварского населения. Авары в Подунавье оставались, но не играли существенной роли. Некоторые исследователи считают, что изначально Аварская марка создавалась для противодействия мораванам, однако на тот момент Моравское княжество не представляло для франков особого интереса или угрозы. Вполне вероятно, что именно присоединение Нитры, князь которой проводил профранкскую политику, заставило франков обратить внимание на Моравское княжество, в связи с чем они начали проводить более агрессивную политику по отношению к нему¹².

Таким образом, не смотря на отсутствие прямых сведений, становится видно, что данные этнические группы оказывали сильное влияние друг на друга. Аварский каганат закалил мораван в сражениях, а франки, окончательно уничтожив его, высвободили силы мораван, заставив перенаправить их с внешней политики на внутреннюю, тем самым способствуя появлению Моравского княжества, которое вскоре стало сильным соперником франков в Центральной Европе.

Примечания

¹ Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872. С. 20.

² Дайм Ф. История и археология авар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / под. ред. А.И. Айбабина. Симферополь, 2001. Вып. IX. С. 276–277, 288, 296–297.; Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 235–239.

- ³ *Štefan I.* Změna pohřebního ritu v raném středověku jako archeologický a kulturně antropologický problém // *Archeologické rozhledy*. 2007. Vol. 59. N 4. S. 814.
- ⁴ *Бромлей Ю.В.* Среднее Подунавье в VI–IX вв. // *История Венгрии* / под. ред. В.П. Шушарина. М., 1971. Т. 1. С. 76, 78.
- ⁵ *Успенский Ф.И.* Первые славянские монархии на северо-западе. С.20.
- ⁶ Подробнее см.: *Дайм Ф.* История и археология авар. С. 279–282.
- ⁷ *Zábojník J.* Slovania a avarský kaganát // *Velká Morava a počátky křesťanství* / ed. P. Kouřil. Brno, 2014. S. 37.
- ⁸ *Раткош П.* Великая Моравия — территория и общество // *Великая Моравия: ее историческое и культурное значение* / под ред. Г.Э. Санчука, Й. Поулика. М., 1985. С. 82.; *Тржештик Д.* Возникновение славянских государств в среднем Подунавье // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* / под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1991. С. 83.
- ⁹ *Грацианская Н.Н.* Этнографические группы Моравии. К этнической истории развития. М., 1975. С. 16.; *Коматина П.* Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 116.
- ¹⁰ *Annales Regni Francorum* // *Magnae Moraviae Fontes Historici*. Brno, 1966. Vol. I. *Annales et chronicae* / ed. D. Bartonkova. S. 49–50.
- ¹¹ *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* // *Magnae Moraviae fontes historici*. Brno, 1969. Vol. III. *Diplomata, epistolae, textus historici varii* / ed. D. Bartonkova. S. 310, 312.; *Раткош П.* Великая Моравия — территория и общество. С. 87.
- ¹² *Тржештик Д.* Возникновение славянских государств в среднем Подунавье. С. 76.; *Ванечек В.* Франкские пограничные марки и их соседи — чехи и моравы в IX веке // *Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты* / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1978. С. 153.; *Успенский Ф.И.* Первые славянские монархии на северо-западе. С. 22–24.; *Pohl W.* The Avars: A Steppe Empire in Central Europe, 567–822. Ithaca, 2018. P. 389; *Zábojník J.* Slovania a avarský kaganát. S. 37–38; *Гавлик Л.* Государство и держава мораван (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы) // *Великая Моравия: ее историческое и культурное значение* / под ред. Г.Э. Санчука, Й. Поулика. М., 1985. С. 97.

Вопрос Срема и проект хорватско-сербской федерации июня 1848 г.

Александр Михайлович Дронов

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: dronov839@gmail.com

Ключевые слова: Революция 1848–1849 гг. в Венгрии, Австрийская империя, Срем, хорватское национальное движение, сербское национальное движение, Й. Елачич, Й. Раячич, Хорватская народная партия, Сербская Воеводина, Майская скупщина, хорватский сабор

The Question of Srem and the Project of the Croatian-Serbian Federation of June 1848

Aleksandr M. Dronov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation; e-mail: dronov839@gmail.com

Keywords: Revolution of 1848–1849 in Hungary, Austrian Empire, Srem, Croatian national movement, Serbian national movement, J. Jelačić, J. Rajajić, Croatian people's party, Serbian Vojvodina, May Assembly, Croatian Sabor

Пограничное положение исторической области Срем берет начало во времена разделения Римской империи на Западную и Восточную. На протяжении веков Срем не раз становился важной частью как вертикального, так и горизонтального пограничий. После Великого переселения сербов 1690 г. из Османской империи в монархию Габсбургов и отвоевания Срема у турок-османов в ходе Великой турецкой войны регион стал местом соприкосновения двух христиан-

ских церквей: Православной и Католической. Целью моей статьи является рассмотрение особенностей возникновения в июне 1848 г. в хорватском парламенте (саборе) проекта хорватско-сербской территориальной федерации и места в нем Срема.

Первый после начала революционных событий в Австрийской империи¹ хорватский сабор был созван 5 июня 1848 г. и не был признан ни императором-королем, ни венгерскими властями. Согласно требованиям состоявшейся в Загребе хорватской Великой народной скупщины от 22–25 марта 1848 г.² и решениям хорватского бана (королевского наместника) Й. Елачича (1801–1859) конца апреля — начала мая 1848 г.³ этот представительный орган из сословного стал, по сути, национальным, что нашло отражение и в новом порядке выборов депутатов⁴. Большинство мест на выборах в этот сабор получила хорватская Народная партия (народняки), придерживавшаяся идей австрославизма, федерализма и правового равноправия Хорватии и Венгрии. Первоочередной задачей контролировавшие сабор народняки видели в парламентской легитимации решений хорватской Великой народной скупщины, а также поддержку политики бана Й. Елачича. Кроме того, на волне политики хорватских властей, взявших курс на перезапуск государственно-правовых отношений Хорватии и Венгрии вплоть до полного разрыва этих отношений, перед народняками встала острая проблема поиска союзников внутри Габсбургской монархии. Такими союзниками им виделись близкие хорватам по языку сербы южной Венгрии, начавшие борьбу за создание собственной территориальной автономии — Сербской Воеводины — на юге Венгерского королевства.

На стадии подготовки государственного сабора хорватские народняки пригласили в Загреб для заключения союзнического договора сербского митрополита-патриарха Й. Раячича (1785–1861), который в начале июня прибыл в хорватскую столицу во главе представительной делегации. 6 июня 1848 г. Й. Раячич представил в хорватском саборе решения сербской Майской скупщины (состоялась в Сремских Кар-

ловцах 1–3 мая 1848 г.)⁵. Большинство голосов после этого хорватские депутаты признали создание провозглашенной на Майской скупщине Сербской Воеводины и ее властей в лице ставшего патриархом Й. Раячича и объявленного воеводой полковника С. Шупликаца (1786–1848)⁶. При этом с Воеводиной королевство Хорватии, Славонии и Далмации (Триединое королевство)⁷ заключало политический союз на «основах свободы и равноправия»⁸. Однако Воеводина создавалась на землях, соседствующих с королевством Хорватии и Славонии, а потому признание этого сербского территориального образования сразу же породило проблему демаркации общей границы.

Положение осложнялось тем, что оба территориальных субъекта претендовали на одну и ту же историческую область — Срем. Причем, речь шла как о гражданской части Срема, так и о военной, то есть входившей в состав Петроварадинского полка Славонской военной границы. Такой важный для венгерских сербов город, как Сремские Карловцы, где находилась резиденция сербских митрополитов, тоже располагался на территории Срема. Кроме того, к лету 1848 г. весь Срем был охвачен сербскими волнениями против венгерских властей. При этом представители сербской делегации в хорватском саборе для обоснования своих притязаний использовали также и исторические аргументы, говоря о владевших частями Срема средневековых сербских правителях, а затем и их преемниках (деспотах и воеводах) периода войн с турками-османами⁹.

Помимо территориального разграничения серьезную дискуссию в стенах хорватского сабора вызвал вопрос компетенций сербского воеводы как главы Воеводины: хорватские политики опасались, что он мог стать «светским патриархом» сербов и начать влиять на православное население хорватских и славонских полков Военной границы.

Депутаты хорватского сабора на заседаниях с 6 по 12 июня 1848 г. предприняли попытки решить вопрос правовых отношений с Воеводиной, осложнявшийся спором о принадлежности Срема. Наибольшую популярность у парламентариев

получил проект компромиссного решения, предполагавшего создание «близкого союза» (федерации) между Триединым королевством Хорватии, Славонии и Далмации с одной стороны и Сербской Воеводиной — с другой, о чем было заявлено в статьях VII и XI решений сабора¹⁰. По сути, этот проект предполагал присоединение Воеводины к Триединому королевству на правах равной (кон)федеративной территориальной единицы, то есть создание дуалистического хорватско-сербского автономного территориального образования в Габсбургской монархии¹¹. В таком случае Срем оказывался в составе такой общей административной единицы¹², а властные полномочия хорватского бана и сербского воеводы не имели бы острой конкуренции.

Проект хорватско-сербского «близкого союза» нашел понимание и осторожную поддержку со стороны сербской делегации на саборе и самого Й. Раячича. Однако у проекта были и противники не только из оппозиционных партий, но и среди хорватских народняков, выступавших категорически против передачи Срема или даже какой-либо его части Сербской Воевдине¹³.

В итоге по вопросам интеграции Триединого королевства и Воеводины было решено создать в хорватском саборе особый комитет¹⁴, но фактически он так и не был учрежден, поэтому до конца революции и национально-освободительной войны в Венгрии 1848–1849 гг. проект «близкого союза» в административно-территориальном ключе так и не получил развития, а затем и вовсе не был реализован.

Такие же союзы хорватские власти планировали заключить и с населенными словенцами землями Габсбургской монархии¹⁵. При этом даже в случае выхода Венгрии из состава монархии хорватские народняки предлагали заключить новый договор с Габсбургами от лица Хорватии¹⁶, а значит, оставались верны выдвинутой Ф. Палацким (1798–1876) идее австрославизма. Такие планы хорватской Народной партии были вполне в духе идей лидеров других славянских национальных движений Габсбургской монархии. Тем более, что ровно в то же время, когда в хорватском саборе

обсуждались проекты «близких союзов» хорватов, сербов и словенцев, в Праге проходили заседания Славянского съезда (2–12 июня 1848 г.), на котором представители всех славянских народов обсуждали федеративное переустройство Австрийской империи.

В отличие от эпохи иллиризма (1830-е — начало 1840-х годов), когда общность хорватов и сербов даже в границах одного вероятного большого государства рассматривалась лишь гипотетически, а потому не вызывала каких-то серьезных территориальных споров, вопрос размежевания между реальными автономными образованиями, королевством Хорватии-Славонии и Сербской Воеводиной, впервые вызвал конфликт между представителями хорватского и сербского национальных движений. Таким образом, исторически обусловленное пограничное положение Срема как дало импульс интеграционным процессам, так и породило непреодолимый на данном этапе конфликт.

Примечания

- 1 О революции 1848 г. в Австрийской империи см.: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. / отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1980.
- 2 1848. ožujak 22. Zagreb. — *Želje naroda (iskazane u 22 točke), donesene na velikoj narodnoj skupštini grada Zagreba* // Hrvatski državni sabor 1848 / ured. J. Kolanović. Zagreb, 2001. Knj. I. S. 95; 1848. ožujak 25. Zagreb. — *Zahtijevanja naroda* // Ibid. S. 115.
- 3 1848. travanj (25) Zagreb. — *Proglas bana Josipa Jelačića narodu u povodu imenovanja banom Trojedne kraljevine i zapovjednikom vojske u hrvatskoj Vojnoj krajini* // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 170; 1848. travanj 25. Zagreb. — *Proglas bana Josipa Jelačića hrvatsko-slavonskim oblastima* // Ibid. S. 168.
- 4 См. распоряжение хорватского правительства (банского веча) «О созыве и представительстве на Саборе Троединого королевства» от 8–11 мая 1848 г. и приглашение бана Й. Елачица регионам Хорватии и Славонии о выборах депутатов в государственный сабор от 13 мая 1848 г.: 1848. svibanj 8.–11. Zagreb. — *Naredba o pozivanju i zastupanju na Saboru Trojedne kraljevine* // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 225; 1848. svibanj 13. Zagreb. — *Poziv bana Josipa Jelačića hrvatsko-slavonskim oblastima da izaberu zastupnike za Sabor koji će se održati 5. lipnja 1848* // Ibid. S. 247.
- 5 *Novine dalmatinsko-hrvatsko-slavonske*. 1848. 8 VI. № 58. О решениях Майской скупщины см.: *Одлуке Мајске скупштине у Сремским Карловцима 1848* // *Му-*

кавица Д., Гавриловић В., Васин Г. Знаменита документа за историју српског народа: 1538–1918. Нови Сад, 2007. С. 241–243.

- ⁶ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. 1848. 8 VI. N 58.
- ⁷ Такое название для королевства было выдвинуто на хорватской Великой народной скупщине в Загребе, а затем узаконено баном Й. Елачицем и его правительством.
- ⁸ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. 1848. 8 VI. N 58.
- ⁹ См. речь секретаря воеводы С. Шупликаца сербского историка А. Стоячковича (1822–1893) в хорватском саборе: 2. saborska sjednica — 6. lipnja 1848 // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 389–391.
- ¹⁰ Članak VII. “U savezu Vojvodine Sèrbske sa Trojednom kraljevinom” // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 541. Članak XI. “O osnovi odnošenja sproću Ugarske i Austrie po odboru člankom VIII. izaslanom podnešenoj” // Ibid. S. 544. Сам термин «близкий союз» используется в ст. XI.
- ¹¹ «Воеводина Сербская с Триединым королевством заключили союз, сливаясь в одно прочное государственное тело». См.: Članak VII. “U savezu Vojvodine Sèrbske sa Trojednom kraljevinom”. S. 541–542.
- ¹² При этом если в ст. VII Решений сабора «Срем с границей» признавался частью сербской Воеводины, то уже в ст. XI Сремская жупания и Петроварадинский полк были признаны в числе других территорий «в полной мере частями Триединого королевства». См.: Članak VII. “U savezu Vojvodine Sèrbske sa Trojednom kraljevinom”. S. 542; Članak XI “O osnovi odnošenja sproću Ugarske i Austrie po odboru člankom VIII. izaslanom podnešenoj”. S. 544.
- ¹³ Например, такую позицию занимал епископ из г. Сень барон М. Ожегович (1775–1869). См.: 2. saborska sjednica — 6. lipnja 1848 // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 395–396.
- ¹⁴ Članak VII. “U savezu Vojvodine Sèrbske”. S. 542.
- ¹⁵ Аналогичные «близкому» с Воеводиной федеративные союзы планировалось заключить также с Нижней Штирией, Каринтией, Крайной, Истрией и Горичией. См.: Članak XI “O osnovi odnošenja sproću Ugarske i Austrie po odboru člankom VIII. izaslanom podnešenoj”. S. 544. О хорватско-словенских контактах в период революции 1848–1849 гг. см.: *Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.
- ¹⁶ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. 1848. 8 VI. № 58.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.05

**«Предать земле
означенное езуитское тело»:
Бюрократия и культы местных
католических святых на территории
Западных губерний Российской империи
(1850-е — начало 1870-х годов)***

Виктор Ильич Короневский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: iliich2000@mail.ru

Ключевые слова: Российская империя, бюрократия, католицизм, Андрей Боболя, Иосафат Кунцевич

**“Commit to the Earth
the Signified Jesuit Body”:
Bureaucracy and Cults of Local Catholic
Saints in the Western Borderlands
of the Russian Empire
(1850s — early 1870s)**

Viktor I. Koronevskii

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: iliich2000@mail.ru

Keywords: Russian Empire, bureaucracy, Catholicism, Andrew Bobola, Josaphat Kuntsewich

В начале 1852 г. полоцкий архиепископ Василий (Лужинский) получил тревожное известие. К.А. Говорский, в будущем широко известный публицист и издатель, сооб-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

шил ему, что в расположенный в Полоцке доминиканский костел было доставлено предписание из Могилева, которое местный католический архиепископ получил от папского нунция. В соответствии с указаниями из Рима полоцким доминиканцам следовало немедленно приступить к сбору сведений о чудесах, совершавшихся по молитвам к Андрею Боболе¹. Сам Боболя при жизни был иезуитом, проповедовавшим учение католицизма на территории Полесья, но убитым православными казаками в 1657 г. В середине XIX в. его мощи пребывали в упомянутом доминиканском костеле в Полоцке. Василий не без оснований расценил инициативу папской курии как признак скорой беатификации Боболи и поспешил сообщить эту новость обер-прокурору Синода Н.А. Протасову, а также попросил последнего принять «зависящие меры против канонизования» иезуита и рассмотреть вопрос о возможности предания его останков земле². Но эта инициатива так и осталась без ответа: никаких мер против причисления Андрея Боболи к лику блаженных власти не предприняли³.

Между тем, в 1853 г. беатификация Боболи состоялась. Издававшиеся тогда же многочисленные тексты, посвященные блаженному иезуиту, содержали отчетливый антироссийский компонент: между умертвившими Боболю «дикими схизматиками» и современными подданными российского императора проводились недвусмысленные параллели⁴. Однако ни это обстоятельство, ни повторные жалобы Василия⁵ на рост популярности Боболи в Полоцке не заставили российских чиновников обратить более пристальное внимание на его культ.

После подавления восстания 1863–1864 гг. отношение бюрократии к местным культам радикально изменилось. Как показывают современные исследования, риторике повстанцев не были чужды апелляции к ликвидации унии и насильственным обращениям грекокатоликов в православие, что, разумеется, ставилось в вину российским властям⁶. Свою нелояльность в ходе Январского восстания проявили многие представители католического духовенства⁷, что ска-

залось на последующем отношении к ним российских чиновников. Как враждебная по отношению к России акция последними была идентифицирована и состоявшаяся в 1867 г. официальная канонизация другого убитого православными в XVII в. католического святого — Иосафата Кунцевича, о подготовке которой стало известно еще в 1865 г.⁸

В целом, середина 1860-х годов стала периодом, когда российская бюрократия на западных окраинах империи вынуждена была обратить более пристальное внимание на религиозность местного населения и, в том числе, на культы местных католических святых, для сбора подробной информации о которых была даже создана специальная комиссия⁹. В течение последующего десятилетия в переписке между чиновниками разного уровня (от холмского полицеймейстера до виленского генерал-губернатора) высказывались различные идеи о том, как можно нейтрализовать «противное русской народности» влияние католических святынь на местное население.

Если позицию российских чиновников по отношению к католическим культам в 1850-е годы можно охарактеризовать как «безразличие», то инициативы, обсуждавшиеся в 1860-е — середине 1870-х годы, свидетельствовали о более глубокой вовлеченности в проблему. Эти проекты можно разделить на четыре основные категории:

1. «Замещение»: попытка вытеснить почитание того или иного католического святого при помощи популярного православного культа. Примером может служить поддержка М.Н. Муравьевым и витебским губернатором П.П. Косаговым идеи о перенесении в Полоцк мощей св. Евфросинии Полоцкой, о чем полоцкое православное духовенство настойчиво просило еще с 1830-х годов¹⁰.

2. «Удаление»: перенесение мощей святого за пределы территории, на которой позиции его культа были наиболее сильны (для Андрея Боболи подобным местом был Полоцк, для Иосафата Кунцевича — Бяла-Подляска). Так, к примеру, долгое время обсуждалась идея о перенесении останков Андрея Боболи в Бялу, к мощам Кунцевича¹¹.

3. «Ликвидация»: захоронение останков святых в земле или замуровывание в склепе под церковью. Подобная судьба оказалась уготована мощам жившего в XVII в. в Столбцах (Минская губерния) святого доминиканца Фабиана Малишовского, культ которого не выходил за пределы самих Столбцов¹². В радикальной форме этот вариант обсуждался и применительно к Иосафату Кунцевичу, мощи которого, по мнению одного из чиновников, «незачем бы было и увозить далеко и просто можно было бы сжечь»¹³.

4. «Дискредитация»: попытка опровергнуть сам факт святости. В частности, высказывалось предложение вскрыть раку с мощами Кунцевича на глазах у почитающих его униатов, засвидетельствовать тление останков и, следовательно, продемонстрировать «обманутым ксендзами» униатам бессмысленность почитания Иосафата в качестве святого¹⁴.

Также следует упомянуть и идеи, сопряженные с «апроприацией» культа, а именно с объявлением самого святого не католиком, а православным, мощи которого потом будто бы присвоили враги Православной церкви. Подобные идеи в бюрократической переписке фиксируются в 1860-е годы применительно к Андрею Боболе¹⁵, однако на тот момент они уже давно занимали маргинальное положение.

В итоге по отношению к разным культам были приняты неодинаковые решения. Легче всего было определиться с судьбой официально не прославленного Римом Малишовского: его мощи были попросту захоронены в земле («ликвидация»). Применительно к культу Иосафата Кунцевича наиболее радикальные идеи (связанные с «дискредитацией» или прямым уничтожением останков) чиновники отвергли, избрав более деликатный путь. Под предлогом ремонта храма, в котором пребывали его мощи, они были вынесены в находящийся рядом склеп и замурованы в нем. Таким образом, святыня формально оставалась на своем месте, однако непосредственное поклонение ей отныне было затруднено. После долгих обсуждений решили также отказаться от «ликвидации» или «удаления» из Полоцка мощей Андрея Боболи, однако чиновники поддержали (хотя и не особенно активно)

развивавшийся местным духовенством культ Евфросинии Полоцкой («замещение»). Степень радикализма чиновников оказывалась напрямую связана с популярностью и официальным статусом того или иного культа. Если по отношению к непрославленному локальному святому бюрократия принимала жесткие меры, то применительно к популярным святым наиболее радикальные идеи были отвергнуты, уступив место более гибкой политике.

Примечания

- ¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 16.
- ² Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47606. Л. 9.
- ³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 821. Оп. 4. Д. 2109. Л. 12–12 об.
- ⁴ *Pieśń na cześć Andreja Bobolego umęczonego za wiarę*. Paryż, 1853. 4 s.
- ⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 35. Л. 407.
- ⁶ *Medišauskienė Z. Religion in the Rhehoric of the 1863–64 Uprising // Entangled Interactions between Religions and National Consciousness in Central and Eastern Europe / ed. by Y. Aoshima. Boston, 2020. P. 57.*
- ⁷ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31261. Л. 3–4.
- ⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 2109. Л. 10.
- ⁹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32780. Л. 6–26 об.; НИАБГр. Ф. 1. Оп. 6. Д. 637. Л. 23–34.
- ¹⁰ ОР РГБ. Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 3–5.
- ¹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1068. Л. 8.
- ¹² Похороны мнимых мощей Фабиана // Витебские губернские ведомости. 1867. № 58. С. 197.
- ¹³ РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 2109. Л. 57.
- ¹⁴ Там же. Л. 73 об.
- ¹⁵ *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 337–338.

Легитимация западных рубежей Польской Народной Республики средствами исторической политики (случай «Возвращенных земель»)

Михаил Александрович Мартыненко

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: mihmar@sfedu.ru

Ключевые слова: В. Гомулка, Грюнвальдская битва, Одер и
Нейсе, воображаемая география

Legitimation of the Western Borders of the Polish People's Republic by Means of Historical Politics (the Case of "Regained Lands")

Mikhail A. Martynenko

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: mihmar@sfedu.ru

Keywords: W. Gomulka, Battle of Grunwald, Oder and Neisse,
imagined geographies

Окончание Второй мировой войны, повлекшее за собой значительные изменения в географии восточноевропейских государств, ознаменовало приращение Польши территориями, проходившими по рекам Одер и Нейсе. Это породило новые противоречия в польско-немецких отношениях и заставляло польское правительство постоянно обозначать свое присутствие на «Возвращенных землях» различными методами, включая коммеморативную деятельность.

Цель настоящего исследования — рассмотреть процесс символической легитимации географических границ Польской Народной Республики в контексте реализации государ-

ственной исторической политики. Следуя мысли Э. Саида, я использовал концепт «воображаемая география», подразумевая, что географическое пространство связано с его дискурсивным восприятием, порождаемым текстами в широком смысле этого слова¹. Исходя из этого, в работе проанализированы речи польских политиков, публицистика, школьные учебники и атласы с точки зрения формирования в них определенных представлений, направленных на распространение государственного нарратива о польской принадлежности «Возвращенных территорий».

Символическая легитимация «Возвращенных земель» неоднократно становилась предметом исследований российских и зарубежных авторов. В работах А.А. Касовича рассмотрена взаимосвязь между юбилеями Грюнвальдской битвы и идентичностью поляков². По словам историка, юбилейные торжества стали «удобным поводом для обоснования польской идентичности на территориях, отошедших Польше после Второй мировой войны»³. Другой российский автор, А.А. Жиров, проанализировал освоение западных границ Польской Народной Республики с точки зрения политики реполонизации⁴. По его словам, «важным направлением деятельности центральных и местных властей в вопросах пропаганды на Воссоединенных землях стала специфическая историческая политика», которая осуществлялась для придания им «польского облика»⁵. Зарубежные авторы указывали на внешнеполитический характер всей коммеморативной деятельности на «Возвращенных землях», акцентируя внимания на польско-немецких противоречиях⁶.

В июле 1945 г. в Польше прошли шествия, посвященные годовщине победы в Грюнвальдской битве. Чаще всего на транспарантах участников (написанных на шести языках: польском, чешском, словенском, литовском, русском и украинском), встречалась фраза: «Одер и Нейсе — стратегическая граница всех славянских народов»⁷. Вскоре после этого были созданы Западный институт в Познани и Мазурский институт в Ольштыне, сотрудники которых обосновывали «славянскую природу» территориальных приращений с точ-

ки зрения исторической науки⁸. Тем самым «воображаемая география» Польской Народной Республики расширялась до «рубежа» всего славянского или социалистического мира.

Следующий шаг на пути символического закрепления Польской Республики на границах с ГДР произошел в 1960-е гг. при первом секретаре ЦК ПОРП В. Гомулке. Он считал, что «на основе исторических материалов следует распространять истину о польском происхождении западных земель и многовековой борьбе их жителей против германизации»⁹. Однако скорое потепление в польско-немецких отношениях на время отодвинуло вопрос символического утверждения поляков на западных рубежах. Тем не менее, ежегодно, скаутские команды поляков встречались на западных границах и условно «отвоевывали» территории у ГДР.

Падение авторитета ПОРП на протяжении 1980-х гг.¹⁰ вынудило польское правительство наложить еще один семантический слой на западную границу, обогатив ее дискурсом о фашистских захватчиках. В этот период конституирование границы осуществлялось посредством триумфалистского дискурса о победе над Тевтонским орденом и гитлеровской армией¹¹. Тогда же на школьные атласы были нанесены специальные отметки, артикулирующие «историческую значимость» западных территорий¹². Вместе с тем, революция 1989 г. отменила всю прежнюю традицию осмысления географических границ, «сделав неизбежным взгляд на Европу как на единое целое»¹³.

Таким образом, после окончания Второй мировой войны польское правительство было вынуждено легитимизировать «возвращенные территории» средствами исторической политики. Западная граница стала играть ключевое значение в «воображаемой географии», которая требовала перманентной коммеморативной деятельности, направленной на конституирование польского присутствия. Одним из главных сюжетов, используемых польскими властями при выполнении этой задачи, была Грюнвальдская битва. Средневековый нарратив добавил новый семантический пласт и позволил использовать его во внешнеполитическом измерении истори-

ческой политики. При этом географическое пространство на линии рек Одер — Нейсе в разные периоды трансформировалось из «западного рубежа» Польши в «славянскую границу» всех стран социалистического лагеря.

Примечания

- ¹ *Said E.* Orientalism. New York, 1979. P. 54–57.
- ² *Касович А.А.* Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 2. С. 79–90; *Он же.* Символика грюнвальдских мечей в исторической памяти польского народа (к 600-летию сражения) // История и историческая память. 2010. № 2. С. 99–102.
- ³ *Касович А.А.* Празднование юбилеев... С. 90.
- ⁴ *Жиров А.А.* Реполонизация культурного ландшафта Воссоединенных земель в составе Польши после Второй мировой войны (1945–1956 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов / Отв. ред. Т.И. Морозова. Новосибирск, 2020. С. 353–361; *Он же.* Политика реполонизации и автохтонное польское население западных и северных земель Польши в 1944–1950 годах // Научный диалог. 2021. № 1. С. 256–266.
- ⁵ *Жиров А.А.* Реполонизация культурного ... С. 358.
- ⁶ *Hackmann J.* Deutschlands Osten — Polens Westen als Problem der Geschichtsschreibung // *Weber M.* Deutschlands Osten — Polens Westen: Vergleichende Studien zur geschichtlichen Landeskunde. Frankfurt am Main, 2001. S. 209–235; *Polak-Springer P.* A German-Polish Conflict over Land and Culture, 1919–1989. New York, 2015.
- ⁷ *Góra W.* Polish revolutionary workers movement in its struggle for national and social liberatio. Warszawa, 1978. P. 54–57.
- ⁸ *Жиров А.А.* Реполонизация культурного... С. 358–359.
- ⁹ *Mick C.* “Den Vorvätern zum Ruhm — den Brüdern zur Ermutigung”. Variationen zum Thema Grunwald / Tannenber / *Zeitenblicke.* 2004 T. 3. N. 1. S. 5–58.
- ¹⁰ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 811–812.
- ¹¹ Из статьи генерала армии В. Ярузельского, опубликованной в журнале «Нове Дроги» // Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: Док. и материалы. М., 1985. С. 593.
- ¹² *Wapiński R.* Historia dla IV liceum ogólnokształcącego oraz klasy III techników. Warszawa, 1984. S. 76–83.
- ¹³ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 34.

ЖЕНЩИНА НА БАЛКАНАХ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.07

Мария Перович (Иогансон) в Герцеговине (1866–1868 гг.). Из истории школы для девочек в Мостаре*

Ксения Валерьевна Мельчакова

Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: kmelchakova@mail.ru

Ключевые слова: русская благотворительность, российское консульство в Мостаре, Серафим Перович, Йово Перович

Maria Perovich (Johanson) in Herzegovina (1866–1868). From the History of the School for Girls in Mostar

Ksenia V. Melchakova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: kmelchakova@mail.ru

Keywords: Russian charity, Russian Consulate in Mostar, Serafim Perovich, Jovo Perovich

Одной из серьезных проблем для славяно-турецкой провинции Герцеговина являлся низкий уровень образования. Для женщин православного вероисповедания получение

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

знаний в стенах школы было практически недоступно. Только в 1860-е годы усилиями православной общины в Мостаре было открыто учебное заведение для девочек. О нем сохранилось довольно мало сведений. Историк М. Папич указал, что здание для школы было построено в 1861 г., однако к 1865 г. школа уже не функционировала¹. С подачи российских консулов в Мостаре на это учебное заведение обратила свой взор покровительница женского образования русская императрица Мария Александровна. Благодаря ее личной финансовой поддержке школу удалось открыть заново. Директрисой в Мостар была назначена русская подданная Мария Иогансон (Йогансон). Документы российского консульства в Герцеговине, хранящиеся в АВП РИ, проливают свет на историю работы русской учительницы в Мостаре.

Как Мария попала в Герцеговину

В 1864 г. архимандрит герцеговинского монастыря Житомыслич Серафим Перович (1827–1903) получил дозволение на совершение поездки по России с целью сбора средств на открытие семинарии при своем монастыре². О. Серафим, по мнению российского консула в Мостаре В.В. Безобразова (1859–1866 гг.), являлся одним из выдающихся деятелей Герцеговины и пользовался большим авторитетом на родине. О. Серафиму удалось устроить своего младшего брата Йово (Йована) на учебу в Киевскую духовную академию на казенный счет. В мае 1865 г. о. Серафим находился в Москве в сопровождении своего брата³. Там он познакомился с Марией Иогансон и сосватал ее за Йово. Свадьба состоялась в России, Мария взяла фамилию мужа⁴.

Судя по всему, брак был заключен по договоренности. О. Серафим обещал Марии «отличный дом, экипаж, рояль, имение, лавки с мехами и всевозможные удовольствия»⁵. Йово же, по словам архимандрита, занимал в Герцеговине место профессора с жалованием в 400 руб. В то же время о. Серафим просил Московский славянский благотворительный комитет о годичном вспомоществовании для брата, которого назначил учителем в монастырь Житомыслич⁶.

31 января 1866 г.* директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов направил В.В. Безобразову предписание, в котором говорилось о назначении Марии Перович (Йогансон) на должность начальницы мостарского девичьего училища⁷. В марте этого же года консул сообщил об этом вернувшемся из России о. Серафиму⁸.

Безобразов доложил Стремоухову, что на путевые расходы для Марии потребуется 150 руб. серебром. Секретарь императрицы Марии Александровны П.А. Мориц консультировался с МИД по вопросу о назначении жалования будущей директрисе. Безобразов по этому поводу писал следующее: «Долгом считаю представить на благоусмотрение Вашего превосходительства, что, незнакомый с характером и привычками этой особы, я не могу принять на себя определения жалования начальницы здешнего девичьего училища, принимая в соображение большую дороговизну на все предметы здесь, равно как и на наем квартир. Привыкли к более или менее удобной жизни, девица Йогансон (Перович. — К. М.) при малом окладе жалования будет подвержена постоянным лишениям и недостаткам, которые не вознаградят ее за принимаемый ей на себя труд»⁹.

14 июня 1866 г. из канцелярии императрицы было отправлено 180 руб. серебром (3 600 пиастров) на полугодовое содержание Марии Йогансон. Предполагалось отпускать ей по 600 пиастров в месяц¹⁰. Императрица обещала оплачивать труд директрисы в течение шести лет¹¹. В консульских донесениях за 1867–1868 гг. указан размер жалования в 480 руб. в год¹², что являлось довольно солидной суммой для Герцеговины.

Приезд в Мостар и работа школы

Мария прибыла с матерью в Мостар в начале марта 1866 г. уже под фамилией Перович. Мостарский архимандрит И. Памучина объявил православным жителям города, что школа для девочек вновь открывается. О ее работе докла-

* Здесь и далее даты даются по старому стилю.

дывал начальству российский консул в Мостаре Н.А. Иларионов (1866–1872 гг.) 27 октября 1866 г.: в начале в школе было 10 учениц, спустя несколько недель их число увеличилось до 30. Он отметил, что Мария продемонстрировала отличные знания в науках и хорошие организаторские способности, но ее владение сербским языком оставляло желать лучшего, что несколько затрудняло работу¹³.

16 октября 1867 г. и.о. российского консула в Мостаре А.Н. Кудрявцев (1867–1868 гг.) также доложил Стремоухову о делах учебного заведения и лестно отозвался о деятельности Марии Перович. Он писал следующее: «Прежняя система не знать азбуки, но выучивать наизусть целые страницы печатных историй, чтобы пленять и удивлять необразованных и безграмотных родителей, заменена новой, такой, какая употребляется в наших школах. Девочки не только читают свободно там, где вы им сами укажете, но и понимают, что читают. Они могут передать без особого напряжения прочитанное и, кроме того, изъяснять все в прекрасных выражениях и формах, без кривляний головы и уродливых движений тела, как это существует во всех герцеговинских школах. На императорское консульство возложена была всегда нравственная обязанность наблюдать за преуспеванием этого училища и оно, ныне, чрез мой орган, свидетельствует об отличных успехах и прекрасном поведении девиц, а равно об усердном рвении и деятельности наставницы г-жи Марии Перович. [...] Как русский, я тем более горжусь этим благоприятным состоянием мостарской женской школы, ибо разумное начало в преподавании впервые введено в образование несчастных наших единоверцев и введено русской женщиной»¹⁴.

Разбитые надежды и суровая реальность

Если дела школы ладились, то семейная жизнь Марии не задалась. О сложных отношениях супругов Перовичей ходило множество слухов, дело приняло такой оборот, что потребовалось вмешательство российского консульства.

Обещанные о. Серафимом блага оказались обманом. В реальности Йово Перович не имел ни работы, ни дома, зато за ним числились долги в несколько сотен рублей. По приезде в Мостар молодоженам отвели две маленькие комнаты в здании школы. «Всюду щели, чрез потолки льет дождь, мебели никакой, два месяца пришлось обедать на русском сундуке» — так описал быт супругов Кудрявцев¹⁵. Только в марте 1867 г. Йово получил место учителя в мостарской школе для мальчиков с жалованием в три червонца в месяц. Все заработанные Марией деньги супруг забирал у нее для уплаты своих долгов¹⁶.

«И вот бедная русская женщина, с родной матерью при себе, попавшая вглубь неблагоприятной Герцеговины, видит ежедневно свои обычаи поруганными, свое воспитание — также, свое образование непонятым, свои чувства — также. Почти что без квартиры и часто без куска хлеба, всегда без денег, лишенная навсегда счастья, а может быть и спокойствия, она потеряла от ужасного обращения мужа трехмесячного ребенка», — докладывал начальству Кудрявцев¹⁷.

В отчаянии Мария написала письмо с просьбой о помощи в российское консульство. Кудрявцев попытался решить дело миром. Для начала он поговорил по отдельности с супругами. Оба заявили, что ненавидят друг друга и более не могут жить под одной крышей. Со слов Марии, Йово грозился лишить ее жизни, пускал в ход кулаки и обещал выгнать ее из дому при помощи турецких солдат¹⁸. Тогда Кудрявцев созвал мостарскую православную общину и предложил расселить супругов, дав им время подумать о будущем своей семьи. Все согласились с таким планом. Однако вскоре Йово Перович запретил Марии посещать российское консульство и видеться с супругой А.Н. Кудрявцева Марией Николаевной. «На русские деньги содержимая русская наставница не может переступить порог русского консульства!?» — сокрушался дипломат¹⁹. После этого Кудрявцев обратился к ходжа-баше с просьбой призвать общину к ответу за такие действия.

Братья Перовичи же распространяли по Мостару свою правду, говорили, что российское консульство не имеет пра-

ва защищать бывшую русскую подданную и уверяли, что никогда не отпустят Марию в Россию²⁰. Кудрявцев полагал, что Перовичи боялись потерять источник дохода, получаемый от директрисы школы. Кроме того, о. Серафим утверждал, что он русский агент, лично состоит в сношениях с российскими министрами и ставил себя выше российского консула²¹.

Кудрявцев обещал Марии и ее матери, что организует их отъезд в Россию и просил у Стремоухова помощи в этом деле²². В донесении российскому посланнику в Константинополе Н.П. Игнатьеву от 11 ноября 1867 г. Кудрявцев вновь сообщил о проблемах Марии Перович. Судя по всему, дело не сдвинулось с мертвой точки²³.

Весной 1868 г. Иларионов вернулся из отпуска и вновь занял место консула. Тогда супругов Перовичей удалось примирить. Однако Иларионов не верил, что этот мир продлится долго. Летом Мария с согласия супруга и общины выехала на время в Россию²⁴. В сентябре уже стало окончательно ясно, что, вырвавшись на родину, в Герцеговину она уже более не вернется. Мария оставила мужа и отказалась от должности начальницы мостарской школы.

Российское консульство и мостарская православная община восприняли такое решение положительно. О реакции братьев Перовичей ничего неизвестно. О том, как сложилась судьба Марии далее, сведений нет. Йово остался в Мостаре, в 1869 г. он продолжал работать в школе для мальчиков. В 1870 г. братья Перовичи были схвачены османскими властями и отправлены в ссылку в Феццан (Северная Африка), где находились до 1876 г.²⁵ О дальнейшей жизни Йово история умалчивает. Серафим же сделал карьеру по церковной линии, в 1889–1903 гг. он занимал кафедру Захумско-Герцеговинского митрополита.

Дальнейшая судьба школы

С отъездом Марии Перович над школой для девочек нависла угроза закрытия. Иларионов предложил обратиться к сербскому митрополиту Михаилу с просьбой подыскать учительницу для этого учебного заведения²⁶. 14 ноября 1868 г.

в Мостар по рекомендации митрополита Михаила из Сербии прибыла Мария Илич. Было решено передать ей жалование, предназначавшееся ранее предшественнице²⁷. Вероятно, императрица Мария Александровна продолжала опекать школу. М. Папич утверждал, что во дворе учебного заведения в ее честь была воздвигнута небольшая капелла²⁸.

* * *

О работе мостарской школы для девочек известно довольно мало. Выявленные документы позволяют не только дополнить страницы истории этого учебного заведения, но и биографии братьев Перовичей. Возможно именно их действия по отношению к Марии Перович (Иогансон) стали одной из причин, по которым Россия не предпринимала активных действий по освобождению Йово и о. Серафима из заключения. Неурядицы в семье Перовичей оказали влияние на работу российского консульства в Мостаре и его авторитет в крае. Этот случай пополнил печальный список проектов помощи местному населению, обернувшихся неудачей. История Марии Перович может быть интересна исследователям гендерной истории, деятельности российских консульств на Балканах, истории русской благотворительности в крае и развития школьного дела в Герцеговине.

Примечания

- ¹ Папич М. Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1978. С. 29.
- ² О поездке Серафима Перовича в Россию см.: Мельчакова К. В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 216–221.
- ³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 17.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2053. 1867 г. Мостар. Л. 58.
- ⁵ Там же. Л. 59об.
- ⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 17.
- ⁷ АВП РИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 619. Мостар. 1866 г. Л. 16.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 16–16об.

- ¹⁰ АВП РИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 6665. Л. 57.
- ¹¹ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2053. 1867 г. Мостар. Л. 58.
- ¹² АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2053. 1867 г. Мостар. Л. 76; АВП РИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 621. 1868 г. Мостар. Л. 81.
- ¹³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 69.
- ¹⁴ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2053. 1867 г. Мостар. Л. 58об.–59.
- ¹⁵ Там же. Л. 59об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 59об.–60.
- ¹⁸ Там же. Л. 60.
- ¹⁹ Там же. Л. 60об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 62.
- ²³ Там же. Л. 78–79.
- ²⁴ АВП РИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 621. 1868 г. Мостар. Л. 80–80об.
- ²⁵ См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 226–228.
- ²⁶ АВП РИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 621. 1868 г. Мостар. Л. 80об.–81об.
- ²⁷ Там же. Л. 84–84об.
- ²⁸ Папић М. Историја српских школа у Босни и Херцеговини. С. 29.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.08

«Идеальное детство» по версии журнала *Жена* (по материалам издания 1911–1914 гг.)

Людмила Константиновна Новосельцева

Институт славяноведения, Российская академия наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: mnovoseltseva91@gmail.com

Ключевые слова: «мир детства», модернизация, педагогическое просвещение, детское здравоохранение, журнал «Жена»

What would an “ideal childhood” look like? The assumption of *Žena* magazine (based on the publications of 1911–1914)

Liudmila K. Novoseltseva

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: mnovoseltseva91@gmail.com

Keywords: World of childhood, modernization, pedagogical education, child healthcare, “*Žena*” magazine

Детство — часть жизни и явление культуры, которому современное общество уделяет исключительное внимание. Но когда взрослые «заметили» детей? Когда осознали, что взаимодействие с ними не ограничивается минимальным уходом и ненавязчивой опекой? Каждая историческая эпоха и каждая культура по-своему характеризовала это явление: определяла хронологические рамки детства, устанавливала круг свобод и обязанностей детей, регулировала степень родительского/опекунского вмешательства в жизнь в виде удовлетворения физиологических и психологических потребностей. Предметом научных исследований «мир детства» стал во второй половине XIX в., когда дети попали в поле зрения ученых, в первую очередь, этнографов. На рубеже XIX–XX ст., отделившись от педагогики, сформировалась педология — наука о целостном развитии ребенка, которую интересовало все: от физиологии и детских болезней до детского творчества и традиционных систем воспитания. Данное направление прогрессировало на фоне и благодаря социальной рефлексии на «детские» темы. В частности, демографический спад второй половины XIX в. заставил европейское общество сфокусироваться на проблемах детской смертности и здравоохранения¹.

Любопытный материал для изучения данного аспекта предоставляет картина рубежа XIX–XX вв. в Австро-Венгрии, народы которой находились на разных этапах демо-

графического перехода, тесно связанных с социально-экономическим развитием и культурной модернизацией². Так, сербское национальное меньшинство в монархии Габсбургов в указанный период демонстрировало признаки трансформации традиционного общества. Представители интеллектуальных кругов, близких к главной научно-просветительской организации Матице сербской, испытывали беспокойство относительно высокой детской смертности, условий содержания и воспитания детей в рамках патриархальной семьи. В этой среде бытовало мнение, что, в отличие от сербов, представители других этносов Австро-Венгрии имеют большие доходы, рационально управляют хозяйством, благоразумно используют имеющиеся ресурсы, и потому их дети меньше болеют и умирают. Пристальное внимание к традиционным крестьянским семьям было сопряжено с убеждением, что благодаря просвещению и грамотному вмешательству в жизнь сербского села можно на национальном уровне повлиять на экономическое развитие, снизить летальность, предотвратить эпидемии, привить гигиену и сформировать медицинскую грамотность³.

Просветительскую миссию, как форму выполнения долга перед нацией⁴, взяла на себя редакция журнала *Жена* («Женщина», выходил ежемесячно в 1911–1914, 1918–1921, 1933–1935 гг.), начав в 1911 г. публикацию материалов о современном подходе к уходу и воспитанию детей. В программной статье «Основы воспитания детей» Вукица Алексиевич рассуждала, что главная наука, которую постигали девушки в сербской семье — это «готовить, шить, убирать, чтить свекра и свекровь, слушать мужа», при этом большинство из них не знало буквально ничего о детях до появления первого ребенка. В качестве главной причины автор указала традиционный семейный уклад — поколениями женщины в общении с дочерьми и внучками не говорили о деторождении и воспитании ввиду постыдности темы⁵. Переломить тенденцию предполагалось через предоставление родителям четких «инструкций к детям», базировавшихся на современных научных данных, и через формирование нового взгляда на «мир детей» в обществе.

Материалы на «детские» темы, опубликованные в номерах журнала *Жена* за 1911–1914 гг., в настоящем исследовании проанализированы как источники об особенностях и проблемах воспитания детей в сербском обществе в Австро-Венгрии в начале XX в.; также предпринята попытка на их основе описать конструкт «идеального детства» в представлении коллектива авторов издания под руководством Милицы Томич (1859–1944). Ее принципиальной позицией как главного редактора было привлечение к подготовке материалов компетентных консультантов — врачей и педагогов. Разработка проблематики осуществлялась в формате интервью со специалистами, в статьях, чаще всего написанных экспертами, и полезных заметках в разных разделах издания.

Большая часть материалов была посвящена теме здоровья. Авторы били тревогу по поводу ужасающей смертности среди младенцев первых двух недель жизни, связанной с отсутствием по ряду причин медицинского обслуживания, гигиены и недостаточным кормлением новорожденных⁶, и особое внимание уделяли вопросам ухода за детьми до одного года. Многие из опубликованных рекомендаций актуальны и в нынешней педиатрической практике. В тематическом блоке, посвященном возрастной группе от младших дошкольников до подростков, были представлены материалы по поддержанию не только физического здоровья, но и психического. В частности, в ряде статей и заметок поднимался вопрос о домашнем насилии и применении разных способов наказания детей⁷, благодаря чему, отчасти можно реконструировать травматический опыт, которым в исследуемый период обладало большинство. Мотивируя родителей выстраивать с отпрысками здоровые отношения, равнодушные интеллектуалы использовали метод конкретных ситуаций (кейс-метод), предлагая публике ознакомиться с ними через небольшие поучительные рассказы⁸. В связи с направленностью журнала школьная тематика была тесно связана с вопросами равного для мальчиков и девочек доступа к образованию на сербском языке⁹, совместного обучения, разработке специализированных учебных программ, учитывающих возрастные, физиологические и психологические особенности учеников.

Каким по мнению коллектива журнала *Жена* было «идеальное детство»? С одной стороны, версия сербских интеллектуалов начала XX в. мало отличается от представлений многих современных специалистов и родителей: при удовлетворении базовых потребностей — это свобода и свободное время, а также возможность ими полноценно распоряжаться, много игр и здорового общения с родными и друзьями, хорошая детская литература, красивые иллюстрации и рисунки, приятная музыка и т.д. С другой — этот конструкт был далек от реалий рубежа XIX–XX вв. и, как представляется, сформулирован, чтобы способствовать повышению статуса ребенка в условиях модернизации и вариативности социального бытия в рамках сербского этнического меньшинства в Австро-Венгрии. Рассмотренных в настоящем исследовании материалов, безусловно, недостаточно для того, чтобы делать выводы о роли средств массовой информации в «открытии» детей сербским обществом. Вместе с тем, они демонстрируют попытку интеллектуальной элиты сформировать новые социальные образцы взаимодействия с будущими поколениями, которые в начале XX в. стали представлять особую ценность и с которыми общество связывало свои надежды на прогресс¹⁰.

Примечания

- ¹ *Тендрякова М.В.* Наука о детстве // Образовательная политика. 2016. № 2. С. 39–41.
- ² *Fassmann H.* Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910 // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 2010. Bd. IX. Soziale Strukturen / hrsg. von H. Rumppler und P. Urbanitsch. T. 1. S. 166.
- ³ *Соколовска В., Трипковић Г.* Друштвени и породични живот Срба у Војводини на почетку 20 века у огледалу Упитног листа Матице Српске // Зборник Матице Српске за друштвене науке. 2012. N 139. С. 250.
- ⁴ *Алексијевић В.М.* Основно васпитање деце // Жена. 1911. N 1. С. 37–42.
- ⁵ *Ibidem.*
- ⁶ *Милетић С.* Зашто умиру толико деца? // Жена. 1911. N 8. С. 461–464.
- ⁷ См., например: Не ударајте дете по глави // Жена. 1911. N 12. С. 768–769; Не кажњавајте децу глађу! // Жена. 1912. N 2. С.118–119.
- ⁸ См. например: Како је мала Зоранда васпитала својих родитеља // Жена. 1911. N 7. С. 404–421.
- ⁹ *Томић М.* Наше више девојачке школе // Жена. 1911. N 6. С. 367–374.
- ¹⁰ *Мамычева Д.И.* Детство в эпоху модернизации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 3. С. 94–95.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ У СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.09

Историческая память Малой Руси первой половины XVII века: работы полемистов*

Юлия Алексеевна Чупрына

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: chupryna.yulya@mail.ru

Ключевые слова: Историческая память, Малая Русь, полемическая литература, православные полемисты

Historical Memory of Little Rus' in the First Half of the 17th Century: Works of Polemicists

Yulia A. Chupryna

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: chupryna.yulya@mail.ru

Keywords: Historical memory, Little Rus', polemical literature, Orthodox polemicists

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФ «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» (Соглашение №19-18-00073-П).

Одно из наиболее активно развивающихся направлений в современной исторической науке — это *memory studies*, в рамках которого рассматривается историческая память населения, в том числе и восточнославянского. Несмотря на разнообразие работ, посвященных этой проблематике, XVII в. по-прежнему остается в тени исторической памяти XVIII–XX вв. и, в особенности, сюжетов конструирования национальных исторических нарративов. Тем не менее, в последнее десятилетие наметился устойчивый поворот в сторону исследований памяти Руси Речи Посполитой и Московского царства. Об этом говорят не только отдельные научные статьи, но и результаты многолетних проектов: «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV — середине XVIII в. в контексте зарождения современных наций в Европе»¹ (Москва) и «Мобилизованное Средневековье: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время»² (Санкт-Петербург).

Данная работа продолжает наметившуюся историографическую тенденцию на основе произведений православных церковных интеллектуалов Руси Речи Посполитой первой половины XVII в. с точки зрения исторической памяти. Конструирование «своего прошлого» проанализированы на примере корпуса работ православных полемистов, созданных после принятия Брестской унии в Речи Посполитой: И. Вишенского³, М. Смотрицкого⁴, З. Копыстенского⁵, И. Борецкого⁶ и т. д. Полемические труды отразили не только религиозную дискуссию, но и дискурс исторической памяти и этнических представлений.

Представителей «Малой Руси»/«русского народа»/«Руси» интересовали древнерусские, литовские и польские исторические сюжеты, которые активно ими вплетались в религиозную полемику. Знаменательными событиями представлялись несколько сюжетов: крещение Руси князем Владимиром, деятельность Ярослава Мудрого, крещение Ольги, путешествие апостола Андрея Первозванного по

территории Руси, иногда мог затрагиваться и князь Олег. Вот круг тем, которые актуализировались православными церковными интеллектуалами первой половины XVII в. Конечно, ключевое место в нарративе отводилось сюжетам, связанным с крещением Руси и князем Владимиром, что обусловлено и утилитарными задачами полемических произведений, и сложившимися дискурсами в церковной литературе. Культ Владимира был распространен и в богослужебной литературе, и в агиографии, и в изобразительном искусстве, что естественным образом переходило в полемическую литературу. В XVII в. образ князя, несомненно, относился к главному «месту памяти» для народа Малой и Великой Руси⁷.

Другие сюжеты, вплетаемые в нарратив «своего прошлого», — это события, связанные с отношениями Руси и Великого княжества Литовского, а потом и Речи Посполитой. Круг сюжетов, которые православные полемисты могли затрагивать, был следующим: подтверждение прав православной церкви, гарантии и привилегии от литовских князей и польских королей, приобщение правителей к православию, присоединение русских земель к Литве и Польше, Флорентийский собор, Кревская и Люблинская унии и т. д.

Не менее значимым был вопрос происхождения «русского народа». Этногенетический миф Руси активно развивался в польских хрониках XVI в., что было отчасти воспринято и полемистами первой половины XVII в. Православные церковные деятели были знакомы с работами Я. Длугоша, М. Меховского, Б. Ваповского, М. Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, М. Стрыйковского, а также итальянца А. Гваньини⁸. Конечно, не всех полемистов волновало происхождение Руси, поэтому особенно необходимо отметить «Палинодию» З. Копыстенского и «Протестацию» И. Борецкого, где отразился дискурс этногенетического мифа. Полемисты использовали сарматский миф, но параллельно продвигали другой — происхождение «русского народа» от рода Иафета. В виду разнообразия концепций возможно смешение разных мифов, но наибольший интерес у полемистов вызывало, безусловно, библейское происхождение от Иафета.

Итак, лишь небольшую часть церковных интеллектуалов интересовали вопросы «своего прошлого», а круг исторических тем был ограничен. Полемисты не выходили за рамки дискурсов, сложившихся к тому моменту. Апелляции к прошлому и происхождению возникала на фоне назначения нового митрополита Иова Борецкого иерусалимским патриархом, поэтому она носила зачастую утилитарный характер. В то же время, полемисты, актуализируя события прошлого, невольно конкретизировали представления о «своей» общности и определяли место народа среди «других».

Примечания

- ¹ «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. / отв. ред. А.В. Доронин. М., 2019.
- ² Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. 2. Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под ред. А.И. Фильюшкина. СПб., 2022.
- ³ Иван Вишенский. Сочинения / отв. ред. Н.К. Гудзий. М.; Л., 1955.
- ⁴ *Smotrycki M. Verificatia niewinności. Wilno, 1621; Idem. Obrona Verificaciey* // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Т. 7. Ч. 1. С. 345–442.
- ⁵ Палинодия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1878. Т. 4. Стб. 313–1200.
- ⁶ Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов / ком. П.Н. Жукович. СПб., 1909.
- ⁷ *Стефанович П.С.* Крещение Руси в исторических сочинениях XVI–XVII вв. // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. ред. А.В. Доронин. М., 2018. С. 80–102; *Опарина Т.А.* Споры о Крещении Руси и истинной вере в полемической и канонической литературе Речи Посполитой и Московского государства в 1-й половине XVII в. // «Места памяти» руси... С. 169–203.
- ⁸ *Карнаухов Д.В.* Польская историческая книга как феномен интеллектуальной культуры эпохи Возрождения // Библиосфера. 2013. № 3. С. 50.

Памятник павшим русским воинам на востоке Словакии*

Луциана Гоптова

Прешовский университет,
Прешов, Словацкая Республика;
e-mail: luciana.hoptova@gmail.com

Ключевые слова: Восточная Словакия, Бардеёвске Купеле,
место памяти, русские солдаты

Monument to Fallen Russian Warriors in Eastern Slovakia

Luciána Hoptová

Prešov University,
Prešov, Slovak Republic; e-mail: luciana.hoptova@gmail.com

Keywords: Eastern Slovakia, Bardejov Spa, place of memory,
Russian soldiers

В сентябре 2022 г. исполнилось 90 лет со дня торжественного открытия памятника русским воинам, павшим на востоке Словакии в годы Первой мировой войны. Большую роль в его возведении сыграл просветитель, писатель, популяризатор славистики, видный деятель культурной жизни чехословацкого города Кошице, русский эмигрант Григорий Михайлович Медвецкий¹. По его инициативе в 1928 г. был образован русско-чехословацкий комитет, основной целью которого стало установление памятника павшим русским воинам².

* Тезисы подготовлены в рамках реализации проекта — АПВВ-19-0058 Полиэтничность и поликонфессиональность и их влияние на общественное, политическое и культурное развитие периферийных территорий в первой половине XX века (на примере восточной Словакии и Подкарпатской Руси).

Позже эту инициативу подхватило сообщество «Русский кружок» в Кошицах, учрежденное в 1924 г. (устав был официально утвержден в 1925 г.) с целью обеспечения взаимных контактов между местными жителями и русскими, приобщения местного населения к русской культуре и оказания поддержки русским. Г.М. Медвецкий был одним из наиболее активных членов сообщества³.

В январе 1931 г. «Русский кружок» во главе с председателем Соней Стухликовой обратился в администрацию города Бардеёв (на северо-востоке Словакии) с ходатайством о возведении памятника русским воинам, погибшим во время Первой мировой войны, на территории курорта Бардеёвские Купели. С. Стухликова указала, что курорт, входивший на тот момент в состав города Бардеёв, является наиболее подходящим мемориальным местом, так как «из-за красивого расположения, исторической связи с боями русской армии, оно, как место временной резиденции русского штаба и, наконец, средоточие жизни, просто предназначено для того, чтобы, наряду с природными красотами, которые предлагаются посетителям, напоминать о событиях 1914–1918 гг. и о трагедии мучеников этих славных дней»⁴.

Кроме того С. Стухликова просила руководство города Бардеёв оказать поддержку в строительстве памятника, а также безвозмездно передать под него землю на территории курорта Бардеёвские Купели⁵. Администрация города Бардеёв положительно отреагировала на ходатайство и просьбу и в мае 1931 г. приняла решение о выделении участка. «Русский кружок» приобрел землю на территории курорта Бардеёвские Купели в виде аренды, плата за которую составляла одну крону в год⁶.

Затем он организовал в городах Словакии и Подкарпатской Руси общественный денежный сбор для оказания финансовой помощи для постройки монумента. В 1931 г. сообщество получило разрешение на его строительство, а также на организацию общественного сбора пожертвований от Земельного управления в Братиславе⁷.

О деятельности объединения, занимавшегося строительством памятника русским воинам, было опубликовано несколько статей в региональной прессе. Например, в газете *Slovenský východ* 7 июня 1931 г. была опубликована статья под названием «Построим памятник русским воинам, павшим на нашей земле!» (словац. *Vybudujeme pomník ruským vojakom, padlým u nás!*), в которой среди прочего говорилось: «Памятник, который предстоит воздвигнуть в Бардеёвских Купелях, где у Брусилова, от которого мы с нетерпением ожидали спасения, была своя ставка, будет не только символом уважения к воинам-славянам, которые пали и за нас, но и напомнит нам, что мировая война, в которой велось сражение за свободу против рабства, перекинулась на территорию нашей родины, ставшей, по крайней мере частично, театром военных действий»⁸.

В 1931–1932 гг. газета *Slovenský východ* также публиковала статьи, в которых сообщалась информация о текущем состоянии сбора финансовых средств и выражалась благодарность тем, кто оказал денежную помощь⁹.

Благодаря активной работе сообщества «Русский кружок», словацких газет и благосклонности всех заинтересованных в данном деле людей, посредством общественного сбора было собрано достаточно финансовых средств. Стоимость постройки монумента составила 20 тыс. крон¹⁰.

4 сентября 1932 г. памятник русским воинам*, павшим на востоке Словакии в годы Первой мировой войны, был торжественно открыт. В этот день курорт Бардеёвские Купели приветствовал членов местного самоуправления, делегации из других восточнословацких городов (Кошице, Прешов, Гуменне) и окрестных деревень, политиков и военных чинов-

* Автор памятника — скульптор Й. Вавра. На одной из сторон памятника изображен смертельно раненый русский солдат, падающий на землю, одной рукой держащий винтовку, а другой рукой тянущийся к сердцу. Неотъемлемой частью памятника является православный крест большого размера. На памятнике также можно найти надписи: «Павшим русским воинам» и «Душу свою отдал за своих друзей». См.: *V Bardiovských Kúpeľoch bol odhalený pomník padlým ruským vojakom v Karpatoch // Šariš. 1932. 10 IX. Roč. 34. C. 34. S. 2.*

ников, представителей русских и словацких объединений и сообществ, монахов из деревни Ладомирова, являвшейся важным центром православия в Словакии, многочисленных представителей общественности¹¹.

Церемонию открыла С. Стухликова, подчеркнув, что возведение памятника является актом благодарности тем, кто отдал свою жизнь за лучшее будущее мира¹². Состоялись выступления и других важных гостей, среди которых был автор идеи установки памятника — Г.М. Медвецкий. Он рассказал присутствующим о боях под городом Бардеёв в годы Первой мировой войны. После торжественного открытия памятника православный архимандрит Виталий отслужил панихиду по всем воинам, павшим в 1914–1918 гг.¹³

Строительство памятника павшим русским воинам не только освещалось в словацкой печати (статьи об открытии памятника были опубликованы в сентябре 1932 г., например, в периодических изданиях *Slovenská pravda*, *Slovenský denník*, *Slovenský východ*, *Slovák*), но и стало предметом небольшой публикации, вышедшей в Праге в 1935 г. — «Русский памятник в Бардеёве» (чеш. *Ruský pomník v Bardějově*). Из данной публикации, написанной Г.М. Медвецким в соавторстве с Ярославом Стухликом, мужем С. Стухликовой, читатель мог узнать о деятельности «Русского кружка», связанной с возведением памятника, а также о ходе церемонии торжественного открытия памятника в сентябре 1932 г. Публикация заканчивалась словами: «На бардеёвском курорте, в спокойном уголке Карпатских гор, с 4 сентября 1932 г. стоит памятник неизвестному русскому солдату. В зелени леса и в сиянии солнца, в тишине задумчивых ночей и шуме дней курортного сезона, он сообщает одинокому путешественнику и туристическим группам о славе тех, кто отдал жизнь за свою родину, и добром сердце тех, кто их помнил и помнит»¹⁴.

Памятник русским воинам, погибшим в Первой мировой войне на востоке Словакии, до сих пор стоит на территории курорта Бардеёвские Купели. В марте 1963 г. памятник был объявлен национальным культурным наследием и вошел в состав мемориального фонда Чехословакии¹⁵.

После образования в 1993 г. двух независимых республик — Чешской и Словацкой, памятник остался частью культурного наследия Словацкой Республики, так как находится на ее территории. В настоящее время он зарегистрирован в двух словацких центральных базах данных:

- ♦ Центральном реестре воинских захоронений (находится в ведении Министерства внутренних дел Словацкой Республики)¹⁶;
- ♦ Центральном реестре монументального фонда Словацкой Республики (в списке недвижимых памятников культуры национального значения, который состоит в ведении Управления памятников Словацкой Республики)¹⁷.

Согласно информации из приведенных реестров, памятник находится в хорошем техническом состоянии. Любые изменения памятника могут быть произведены в будущем только в соответствии с Законом № 130/2005 Кодекса о воинских захоронениях¹⁸ и Законом № 49/2002 Кодекса об охране монументального фонда¹⁹ лишь на основании письменного согласия Министерства внутренних дел Словацкой Республики и решения о намерении восстановления памятника, выданного Прешовским региональным управлением памятников (является соответствующим органом местного государственного управления, отвечающего за надзор над памятником и его охрану).

В заключение можно констатировать, что если в сентябре 1932 г. открытие памятника воспринималось как важное общественное событие в Восточной Словакии, то девяностолетие (в 2022 г.) этого события не было отмечено ни государственной администрацией, ни региональными и местными самоуправлениями, ни даже городской прессой.

Примечания

¹ См. подробнее: *Hoptová L. Život a dielo ruského emigranta G.M. Medveckého // Rusko a slovanský svět. Stáletí soužití a střetů / eds. M. Giger, H. Kosáková, M. Příhoda. Červený Kostelec; Praha, 2021. S. 197–209.*

- ² *Izgojev A.S.* Na paměť minulosti, pro paměť budoucnosti! // Národní listy. 1932. 14. IX. Roč. 72. Č. 254. S. 4.
- ³ См. подробнее: *Harbuľová Ľ.* Ruská emigrácia a Slovensko (pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2001. 236 s.
- ⁴ Štátny archív v Prešove (далее — ŠA PO), pracovisko Archív Bardejov (далее — AB), fond (далее — f.) Mestský úrad (MÚ) Bardejov 1919–1945 (1950), číslo krabice (далее — č. k.) 19, číslo spisu (далее — č. s.) 1712/1933. Žiadosť Ruského krúžku v Košiciach adresovaná Mestskej rade mesta Bardejova, 26. 1. 1931.
- ⁵ *Ibidem.*
- ⁶ ŠA PO, AB, f. Mestský úrad (MÚ) Bardejov 1919–1945 (1950), č. k. 19, č. s. 1712/1933. Rozhodnutie Mestskej rady mesta Bardejova o prepustení miesta v Bardejovských kúpeľoch pre Ruský krúžok v Košiciach na postavenie pomníka padlým ruským vojakom, 27. 5. 1932.
- ⁷ ŠA PO, AB, f. Mestský úrad (MÚ) Bardejov 1919–1945 (1950), č. k. 19, č. s. 1712/1933. Rozhodnutie Krajského úradu v Bratislave o žiadosti Ruského krúžku v Košiciach adresované Okresnému úradu v Bardejove, 20. 5. 1931.
- ⁸ Vybudujme pomník ruským vojakom, padlým u nás! // Slovenský východ. 1931. 7. VI. Roč. XIII. Č. 129. S. 4.
- ⁹ См., например: Na pomník padlým Rusom // Slovenský východ. 1931. 19. VII. Roč. XIII. Č. 163. S. 5; Sbíerka na pomník padlým ruským vojakom // Slovenský východ. 1932. 10. I. Roč. XIV. Č. 7. S. 4; Akcia na postavenie pomníka padlým ruským vojakom // Slovenský východ. 1932. 18 V. Roč. XIV. Č. 114. S. 5.
- ¹⁰ Manifestácia slavianského a ľudského súcitenia. Odhalenie pomníka padlým ruským vojakom v Karpatoch // Slovenský východ. 1932. 6. IX. Roč. XIV. Č. 204. S. 3.
- ¹¹ *Stuchlík J.A., Medveckij G.M.* Ruský pomník v Bardějově. Praha, 1935. S. 19–20.
- ¹² Manifestácia slavianského a ľudského súcitenia.
- ¹³ V Bardiovských Kúpeľoch bol odhalený pomník padlým ruským vojakom v Karpatoch // Šariš. 1932. 10. IX. Roč. 34. Č. 34. S. 2.
- ¹⁴ *Stuchlík J.A., Medveckij G.M.* Ruský pomník. S. 20.
- ¹⁵ Archív Krajského pamiatkového úradu Prešov, fond Evidenčné listy nehnuteľných pamiatok, poradové číslo VS 1275, rok 1964. Bardejovské kúpele, Pomník padlým ruským hrdinom v prvej svetovej vojne, nečíslované.
- ¹⁶ Ústredná evidencia vojnových hrobov. Pamätník padlých ruských vojakov v prvej svetovej vojne. URL: https://ives.minv.sk/uevh/hrob_detail.aspx?ID=16954&fbclid=IwAR3bHhAA4VCNnw5UPLsrM7I9UfyfqbMQllrqKzWtqi38rwKueY5SEn-e10Y (дата обращения: 24.04.2023).
- ¹⁷ Pamiatkový úrad Slovenskej republiky. Register nehnuteľných národných kultúrnych pamiatok. URL: <https://www.pamiatky.sk/nkp-a-po/register-nkp/> (дата обращения: 24.04.2023).
- ¹⁸ SloV-Lex, právny a informačný portál. Zákon č. 130/2005 Z. z. o vojnových hroboch. URL: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2005/130/20110401> (дата обращения: 24.04.2023).
- ¹⁹ SloV-Lex, právny a informačný portál. Zákon č. 49/2002 Z. z. o ochrane pamiatkového fondu. URL: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2002/49/20220330> (дата обращения: 24.04.2023).

Кашубская культура в пропаганде польской Морской и речной (колониальной) лиги в 1920–1930-е гг.

Олег Владимирович Михин

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация; e-mail: ovmikhin@gmail.com

Ключевые слова: Кашубская культура, Вторая Речь Посполитая, Морская и речная (колониальная) лига, Гданьское Поморье

Kashubian Culture in the Propaganda of the Polish Maritime and River (Colonial) League in 1920–1930s

Oleg V. Mikhin

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: ovmikhin@gmail.com

Keywords: Kashubian Culture, Second Polish Republic, Maritime and River (Colonial) League, Gdańsk Pomerania

В феврале 1920 г. Вторая Речь Посполитая обрела выход к Балтийскому морю, присоединив территорию населенного кашубами Поморья. Вскоре среди польских правительственных кругов возник запрос на развитие Польши как морской державы. Это стремление выражала возникшая в 1924 г. Морская и речная лига (с 1930 г. — Морская и колониальная лига), массовая организация, пользовавшаяся поддержкой режима санации¹. Интерес вызывает то, как в пропаганде Морской и речной (колониальной) лиги представлена кашубская культура. Настоящее исследование главным образом основано на материалах периодических изданий дан-

ной организации — официального журнала «Море» (польск. «*Morze*» в 1924–1938 гг., «*Morze i Kolonie*» в 1939 г.) и предназначенного для широкой аудитории журнала «Польша на море» (польск. «*Polska na Morzu*» в 1934–1939 гг.).

Авторы Морской и речной (колониальной) лиги воспринимали кашубов как народ, входящий в польскую нацию: характерны такие определения кашубов, как «приморский польский народ»², «кашубский народ»³, «поморский народ»⁴, «население Поморья»⁵. Синонимом понятия «кашубский народ» выступало определение «поморский народ» — региональная категория, вписывавшая кашубов в общепольский нарратив. Польский политический деятель Бернард Хшановский сопоставил кашубов с жителями Куявии и Великой Польши, а также с белорусами. В его восприятии эти этнические группы сформировали единую польскую нацию⁶. При этом Хшановский упомянул существование в кашубской культуре уникальных элементов, не характерных для других этнических групп польской нации, например, обряд казни коршуна⁷.

Кашубы представляли в пропаганде Морской и речной (колониальной) лиги ревнителями польской национальной идентичности и культуры в период разделов. Так, в стихотворении Францишека Сендзицкого, приведенном в декабрьском выпуске журнала «Море» за 1925 г., подчеркнут свободолобивый дух кашубов, их сопротивление иноземцам⁸. Схожим образом Б. Хшановский и автор с инициалами St. P. обратили внимание на сохранение кашубами верности польской культуре во времена разделов⁹. Казимир Езёранский в статье «Силезия — Балтика» сопоставил исторические судьбы силезцев и кашубов, которые объединились «на поле борьбы за сохранение своей национальной идентичности и за границы польского Отечества»¹⁰. Кашубы, согласно авторам Морской и речной (колониальной) лиги, сохранили примордиальный дух польской нации и ее древние традиции¹¹.

Позитивно характеризовалась роль лояльных Польше деятелей кашубского национального движения — Антона Абрахама¹², редакторов журнала «Гриф»¹³ и собирателя ка-

шубских песен Яна Патоцкого¹⁴. В одном из номеров журнала «Гриф», «посвященного поморско-кашубским делам» и имевшего заслуги «перед национальной культурой в Кашубии», поморская история рассматривалась в общепольском контексте. В качестве примера признания заслуг этого издания можно привести упоминание в журнале «Море» статьи «Барская конфедерация в Поморье» из выпуска журнала «Гриф» за октябрь — декабрь 1931 г.¹⁵

На страницах журналов «Море» и «Польша на море» кашубы определялись как носители польского языка, в заслугу жителям Поморья ставилось сохранение «древних, чистейших выражений», несмотря на использование иностранных слов и порой «карикатурное» звучание кашубской речи¹⁶. Кашубский язык характеризовался как «наречие» или «говор» польского языка, отличавшийся вариативностью от поселения к поселению¹⁷. В анонимной статье «В Кашубии» 1939 г. утверждалось, что «кашубский язык» имеет «то же происхождение, что и польский, отсюда их близкая и тесная связь»¹⁸. Следовательно, в изложении авторов Морской и речной (колониальной) лиги, кашубский язык представлялся диалектом польского языка, как, например, подгальский говор¹⁹. При этом редакторы журналов «Море» и «Польша на море» использовали подстрочные примечания и составляли словари для объяснения некоторых кашубских слов²⁰, что указывает на сложности в восприятии польским читателем кашубского текста.

Одновременно с использованием образа кашубов как ревнителей польской культуры в пропаганде Морской и речной (колониальной) лиги применялась культурная апроприация кашубских стихов, песен и танцев. Они зачастую включались в программы мероприятий школьных кружков Морской и речной (колониальной) лиги. Например, в июльском выпуске «Польша на море» за 1936 г. упоминался «прекрасный морской утреник», проведенный плоцкими школьниками, в ходе которого зачитывалась декламация «Где кашубская лодка»²¹. В июньском выпуске «Польша на море» за 1937 г. описывался утреник тчевских гимназистов, на котором

было представлено кашубское стихотворение²². Схожим образом «несколько оригинальных кашубских песен» исполнили львовские школьники 14 февраля 1936 г. на празднике воссоединения Польши с Балтийским морем²³. Кашубские танцы *Szoc jedno kolo* и *Acker szoc* «прекрасно исполняли участницы» женского школьного кружка Морской и речной (колониальной) лиги в Дембице²⁴. Зачастую участники школьных кружков выступали с докладами о кашубской культуре²⁵. Обращение школьников к кашубской тематике одобрялось Морской и колониальной лигой, на что указывает предписание для школьных кружков за 1939 г.²⁶

В целом, кашубская культура использовалась в пропаганде Морской и речной (колониальной) лиги с целью формирования воображаемого сообщества единой польской нации²⁷. Благодаря знакомству читателей журналов «Море» и «Польша на море» с сюжетами о жизни кашубов и их истории, а также с помощью практик культурной апроприации, жители Поморья воспринимались как неотъемлемая часть польской нации. В то же время Поморье инкорпорировалось в польское национальное пространство, понималось как часть родины²⁸, что отвечало стратегическим соображениям закрепления Польши на Балтийском море, особенно в 1930-е гг.

Примечания

- ¹ Об истории Морской и речной (колониальной) лиги см.: *Białas T. Liga Morska i Kolonialna, 1930–1939. Gdańsk, 1983. 293 s.*
- ² *St.P. Gwiazdka na Pomorzu // Polska na Morzu. 1936. N 1. S. 6.*
- ³ *Z życia kół szkolnych // Polska na Morzu. 1936. N 10. S. 14.*
- ⁴ *Radosne domki // Polska na Morzu. 1937. N 6. S. 5.*
- ⁵ *Kronika // Morze. 1932. N 1. S. 15; Jeziorański K. Śląsk — Bałtyk // Polska na Morzu. 1937. N 9. S. 4.*
- ⁶ *Chrzanowski B. Poznaj Kaszubów // Morze. 1934. N 11. S. 7.*
- ⁷ *J.S. Świętojańskie zwyczaje nad morzem // Polska na Morzu. 1936. N 6. S. 12.*
- ⁸ *Sędzicki F. Fragment z poezji kaszubskiej // Morze. 1925. N 12. S. 2.*
- ⁹ *Chrzanowski B. Poznaj Kaszubów. S. 7–9; St.P. Gwiazdka na Pomorzu. S. 6.*
- ¹⁰ *Jeziorański K. Śląsk — Bałtyk. S. 4.*
- ¹¹ *Chrzanowski B. Poznaj Kaszubów. S. 7; Na Kaszubach // Polska na Morzu. 1939. N 7. S. 7.*

- ¹² Radosne domki. S. 5.
- ¹³ Książki i pisma nadesłane // *Morze*. 1932. N 1. S. 15.
- ¹⁴ Książki i pisma nadesłane // *Morze*. 1932. N 10. S. 16.
- ¹⁵ Książki i pisma nadesłane // *Morze*. 1932. N 1. S. 15.
- ¹⁶ *Chrzanowski B.* Poznaj Kaszubów. S. 7.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 7–9; *St.P.* Gwiazdka na Pomorzu. S. 6.
- ¹⁸ Na Kaszubach. S. 7.
- ¹⁹ *Chrzanowski B.* Poznaj Kaszubów. S. 7.
- ²⁰ *Sędzicki F.* Fragment z poezji kaszubskiej. S. 2; *Brzeska W.* Rybacki pies // *Polska na Morzu*. 1938. N 1. S. 10–11.
- ²¹ Z życia kół szkolnych // *Polska na Morzu*. 1936. N 7. S. 14.
- ²² Z życia kół szkolnych // *Polska na Morzu*. 1937. N 6. S. 13.
- ²³ Z życia kół szkolnych // *Polska na Morzu*. 1936. N 4. S. 13.
- ²⁴ *Ibid.* S. 14.
- ²⁵ Z życia kół szkolnych // *Polska na Morzu*. 1936. N 10. S. 14; Z życia kół szkolnych // *Polska na Morzu*. 1937. N 9. S. 14.
- ²⁶ Organizacja kół szkolnych Ligi Morskiej i Kolonialnej. Warszawa, 1939. S. 16–17.
- ²⁷ О концепции воображаемого сообщества. См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М., 2016. 416 с.
- ²⁸ *Świerkosz A.* Szwajcarja kaszubska // *Polska na Morzu*. 1936. N 5. S. 5–6. На проблему интеграции Поморья в польское национальное пространство обратила внимание М. Гжехник. См.: *Grzechnik M.* Intermarium: The Baltic and the Black Seas on the Polish Mental Maps in the Interwar Period // *The Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies*. 2014. Vol. 6. Issue 1. P. 81–96.

**СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ:
КОНФЛИКТЫ И ПОПЫТКИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.12

**Деятельность ОБСЕ
в рамках избирательной кампании
в Боснии и Герцеговине в 1996 г.**

Денис Павлович Ерёмин

Институт Европы Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: eremindp1994@gmail.com

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Дейтонские соглашения, политическая трансформация, электоральные процессы

**OSCE Activities
in the Framework of the Election Campaign
in Bosnia and Herzegovina in 1996**

Denis P. Eremin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: eremindp1994@gmail.com

Keywords: Bosnia and Herzegovina, Dayton Accords, political transformation, electoral processes

Политическая трансформация рубежа XX–XXI вв., оказавшая решающее влияние на судьбу множества народов Балкан, стала непосредственным итогом дезинтеграционных процессов в Югославии. В Боснии и Герцеговине (БиГ), одной из шести республик СФРЮ, политическая трансфор-

мация осуществлялась в ходе вооруженного этноконфессионального конфликта и его итогом стало формирование современной государственности в Боснии, фундаментом которой стали Дейтонские соглашения.

Имплементация Дейтона подразумевала осуществление военных и гражданских аспектов соглашения. Гражданские аспекты Дейтонских соглашений предполагали формирование новой политической системы и установление соответствующих политических институтов на основе результатов послевоенной избирательной кампании. Ключевую роль в организации избирательного процесса играла ОБСЕ, в рамках которой была сформирована Временная избирательная комиссия, разработавшая правила и процедуру проведения выборов в БиГ, проведение которых предполагалось как на местном, так и федеральном уровнях¹. В данной работе обзор деятельности ОБСЕ по организации электорального процесса в Боснии осуществлен на материалах Архива внешней политики Российской Федерации (фонды Представительства РФ в БиГ).

Председателем временной избирательной комиссии (ВИК) стал руководитель миссии ОБСЕ в БиГ Р. Фровик. Решение о проведении выборов в Боснии было принято 25 июня 1996 г. на внеочередном заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене, несмотря на то, что необходимые для этого условия в Боснии были «по-прежнему далеки от требуемых»². Данное решение, по всей вероятности, во многом было обусловлено прессингом Вашингтона, добивавшегося проведения выборов в срок и любой ценой³.

ВИК сосредоточила работу на решении двух ключевых проблем — регистрации избирателей, а также политических партий и кандидатов, при этом между представителями сторон, участвующих в работе ВИК, сохранялись разногласия по этим вопросам. Регистрация избирателей упиралась в проблему беженцев и перемещенных лиц, имевшей в Боснии масштабный характер⁴. Проблема регистрации партий и кандидатов, в свою очередь, была непосредственно связана с вопросом отстранения от политической жизни лиц, подвергшихся судебному преследованию Международного

трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ): речь идет, прежде всего, о стремлении политического руководства боснийских мусульман любыми доступными средствами добиться отстранения от участия в политической жизни Республики Сербской (РС) Р. Караджича, что обуславливалось его непримиримой позицией в вопросе «суверенизации» РС.

Окончательный вариант Правил и положений проведения выборов в БиГ был утвержден ВИК ОБСЕ еще 22 апреля 1996 года и вызвал негативную реакцию практически всех политических партий и движений, действовавших на территории Федерации БиГ под контролем армии Республики Босния и Герцеговина (РБиГ). Наиболее серьезные замечания правящей Партии демократического действия (ПДД) и оппозиции вызвал пятый пункт раздела Правил о регистрации избирателей, согласно которому «Комиссия может разрешить голосование и гражданам, которые не проживали в данной местности в момент проведения переписи населения в 1991 году» (регистрация по форме Р-2). Так, с точки зрения мусульманского истеблишмента, озвученной генеральным секретарем ПДД М. Чеманом, реализация данного положения позволяет узаконить результаты этнических чисток, способствует дезинтеграционным процессам⁵.

Позиция мусульманской стороны была достаточно жесткой и в конце августа 1996 г. ПДД обратилась с призывом к избирателям из числа беженцев не заполнять свои бюллетени и не направлять их в избирком, пока не будут получены разъяснения о статусе формы Р-2⁶. Данный призыв в основном был поддержан мусульманскими партиями, в том числе Партией за БиГ Х. Силайджича. Миссия ОБСЕ, учитывая, что сербская сторона не согласится с отменой регистрации по форме Р-2, приняла решение отложить муниципальные выборы⁷. При этом необходимо отметить, что по утверждению Р. Фровика (в письме Х. Силайджичу, обнародованном на пресс-конференции) форму Р-2 предполагалось применять только на сентябрьских выборах, а затем она «как и другие нормы и инструкции Временной избирательной комиссии» должна была прекратить действие⁸.

14 сентября 1996 г. выборы состоялись и в них приняли участие все основные политические силы, несмотря на угрозы бойкота со стороны ПДД. По оценкам Р. Фровика и Высокого представителя по Боснии и Герцеговине (ВП) К. Бильдта избирательная кампания прошла спокойно, в соответствии с правилами (явка составила 70 %)⁹. Их предварительные результаты были обнародованы 23 сентября, но окончательные — после «определенной коррекции». С точки зрения сербской стороны, выраженной министром иностранных дел РС А. Бухой, сменившем на посту председателя Сербской демократической партии (СДП) Р. Караджича, был «создан прецедент с избирательными бюллетенями, поступившими из-за рубежа», в условиях когда «ОБСЕ и другие международные участники знают, что урны с мусульманскими голосами из-за рубежа поступали в неконтролируемом количестве без соответствующей документации и ограничений»¹⁰. Также имели место сообщения о том, что в Боснии оказалось больше избирателей, чем совершеннолетнего населения. Комментируя данную информацию, А. Буха указал, что «возможный излишек голосов может проистекать из этих урн», подчеркнул недопустимость сомнений в легитимности выборов из-за ошибок ОБСЕ и заявил, что «при необходимости можно провести расследование по данному вопросу»¹¹. Серьезное недовольство сербской стороны вызвали и существенные разночтения в числе голосов, поданных за кандидатов СДП на выборах президента РС (704 107), в парламент БиГ (578 378) и парламент РС (568 877)¹². Апелляционная подкомиссия ВИК рекомендовала провести пересчет голосов, однако ВИК рекомендацию отвергла с заключением, что новый пересчет голосов не является практичным и необходимым¹³. После заявления главы апелляционной подкомиссии судьи Ф. Лингема о том, что все апелляции рассмотрены и их список исчерпан, итоги избирательной кампании были сертифицированы. Этому способствовало несколько обстоятельств: во-первых, промедление могло быть использовано в борьбе ведущих национальных политических партий, а значит грозила критикой ОБСЕ, во-вторых, сертификация

результатов была одобрена Вашингтоном¹⁴, форсировавшим создание органов власти Дейтонской БиГ.

По вопросу проведения муниципальных выборов было принято решение об их переносе: первоначально они планировались в ноябре 1996 г. и было принято соответствующее решение, однако даже в миссии ОБСЕ по этому поводу не было однозначной позиции¹⁵. В итоге муниципальные выборы состоялись уже спустя год¹⁶, их ход и обстоятельства проведения заслуживают отдельного рассмотрения.

Анализ деятельности миссии ОБСЕ в БиГ приводит к следующим выводам: подход «международного сообщества» к регулированию базировался на таком инструменте регулирования, как институциональный дизайн¹⁷. Именно поэтому форсировалась как избирательная кампания, так и создание органов власти по ее результатам. ОБСЕ, будучи непосредственным организатором избирательной кампании, одновременно была фактически одним из участников этой кампании, активно применяя административный ресурс в интересах внешних акторов. Именно этим можно объяснить масштаб и характер зафиксированных нарушений и манипуляций, а также и их игнорирование.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 24.
- ² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 157.
- ³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 75.
- ⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 74.
- ⁵ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 99.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 47.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 44.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 50.
- ⁹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 67.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 78.
- ¹¹ Там же.
- ¹² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 80.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 86.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 88.

- ¹⁵ См. подробнее: АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 89–90.
- ¹⁶ Выборами в Боснии остались довольны все // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/184155> (дата обращения: 31.03.2023).
- ¹⁷ См. подробнее: *Соколова Е.Н.* Регулирование региональных конфликтов: уроки Боснии // Космополис. 2007. №2 (18). С. 55–70.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.13

От конфликта к конфликту: политические взаимоотношения Будапешта и Брюсселя в 2020–2021 гг.

Никита Юрьевич Шишов

Печский университет,
Печ, Венгрия; e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru

Ключевые слова: Венгрия, партия Фидес, Виктор Орбан, пандемия COVID-19

From Conflict to Conflict: Political Relations between Budapest and Brussels in 2020–2021

Nikita Yu. Shishov

University of Pécs,
Pécs, Hungary; e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru

Keywords: Hungary, Fidesz party, Victor Orban, COVID-19 pandemic

Начиная с 2010 г. правоконсервативная коалиция Венгерского гражданского союза (далее — партия «Фидес» (венг. *Fidesz*)) и Христианско-демократической народной партии, в которой главную роль играет партия «Фидес», и ее неиз-

менный лидер и действующий премьер-министр — Виктор Орбан, располагают абсолютным большинством мест в Национальном собрании Венгрии*. Именно с приходом к власти В. Orbana начался конфликт Будапешта и Брюсселя, который длится уже 13 лет. Параллельно с этим развивается противостояние Брюсселя и Варшавы на фоне нарушения последней механизма разделения властей и отстаивания традиционных ценностей.

На этом основании, важно проанализировать и выявить ключевые тенденции в отношениях Будапешта и Брюсселя в 2020–2021 гг. в условиях утверждения бюджета ЕС на 2021–2027 гг., в связи с принятием IX поправки к Основному закону Венгрии 2020 г. и закона о борьбе с «ЛГБТ-пропагандой» 2021 г., на фоне вызовов в борьбе с пандемией COVID-19, а также в контексте выхода партии «Фидес» из фракции Европейской Народной партии Европарламента в 2021 г.

Работа представляет совокупность научных методов, использованных в исторических и политологических исследованиях: событийный анализ, сравнительно-правовой метод, метод ретроспективного анализа. Исследование строится на основе изучения законодательных актов Венгрии, официальных выступлений и заявлений премьер-министра В. Orbana, министра юстиции Ю. Варги, премьер-министра Нидерландов М. Рютте, бывшего премьер-министра Италии М. Ренци, а также материалов ведущих венгерских и европейских СМИ.

1. Утверждение бюджета ЕС на 2021–2027 гг. Принятие поправок к Основному закону (Конституции) Венгрии

5 ноября 2020 г. после долгих дебатов Европейский парламент и Совет Евросоюза достигли предварительного соглашения о бюджете ЕС на 2021–2027 гг. По инициативе Нидерландов и Швеции, выделение средств из фондов Ев-

* На парламентских выборах 2010 г. коалиция получила 227 мест из 386. В 2014 г., 2018 и 2022 гг. — 117 мест из 199.

росоюза напрямую увязывалось с соблюдением верховенства права и уважением к демократическим ценностям, что открывало путь к сокращению финансирования Польши и Венгрии¹. Именно поэтому министр юстиции Венгрии Ю. Варга назвала данное соглашение «элементом идеологического шантажа», направленного против экономических интересов страны². На этом основании 16 ноября Польша и Венгрия наложили вето на проект бюджета Евросоюза (общей суммой свыше 1 800 млрд евро), из которых Варшаве предназначалось 23 млрд, а Будапешту — 4,3 млрд³.

В ходе совместных консультаций в декабре 2020 г. между Варшавой, Будапештом и Брюсселем было достигнуто компромиссное решение: критерий сокращения финансирования государств-членов ЕС с учетом нарушения верховенства права и демократических ценностей сохранялся в полном объеме, однако регламентировался механизм применения санкций. В частности, Польша и Венгрия получили право обжаловать решение о применении к ним санкций в Европейском суде, однако до тех пор, пока идет судебное разбирательство, Европейская комиссия обязана продолжать выделение помощи в полном объеме⁴. Таким образом, принятие компромиссного решения позволило сохранить лицо В. Орбану и М. Моравецкому, однако ни Польше, ни Венгрии не удалось добиться своих стратегических целей — приостановить применение ст. 7 Лиссабонского договора и прекратить педалирование Европейской комиссией вопросов нарушения верховенства прав.

В декабре 2020 г. на фоне декларированной победы над «европейской бюрократией» парламент принял IX поправку к Основному закону (Конституции) Венгрии, фактически устанавливавшую запрет на усыновление детей однополыми парами, также закреплявшую, что матерью может быть лишь женщина, а отцом — лишь мужчина⁵. Тем самым, принятие данной поправки свидетельствует о стремлении правительства В. Орбана продолжить собственный, независимый курс по отстаиванию суверенитета и защите традиционных ценностей.

Виток взаимной критики между Будапештом и Брюсселем возобновился летом 2021 г., когда 15 июня Национальное собрание Венгрии поддержало законопроект, внесенный лично В. Орбаном, «Об ужесточении наказаний в отношении педофилов и о внесении поправок в отдельные законы с целью защиты детей», в котором лицам, не достигшим 18-летнего возраста, запрещалось показывать порнографию, материалы, изображающие сексуальность или пропагандирующие отклонение от гендерной идентичности, поощряющие изменение пола или гомосексуальность, более того, представители ЛГБТ-сообщества лишились права проводить уроки сексуального просвещения, участвовать в съемках телешоу и в создании учебных материалов для несовершеннолетних, под запрет попала реклама крупных компаний, демонстрирующая солидарность с ЛГБТ-сообществом⁶. Данный закон незамедлительно вызвал негативную реакцию со стороны Европейской комиссии. Например, премьер-министр Нидерландов М. Рютте призвал исключить Венгрию из ЕС⁷.

2. Некоторые особенности политики Венгрии во время эпидемии COVID-19

30 марта 2020 г. венгерский парламент одобрил закон о борьбе с COVID-19, который не только приостановил действие некоторых законов (с целью защиты граждан) и разрешил правительству страны продлевать режим чрезвычайного положения неограниченное количество раз, но и вводил довольно жесткие наказания: до пяти лет тюрьмы за распространение ложной информации о коронавирусе и до восьми лет тюрьмы за несоблюдение карантина⁸. На фоне принятия данного закона, теперь уже бывший премьер-министр Италии М. Ренци призвал исключить Венгрию из ЕС⁹.

Важно подчеркнуть, что разногласия Будапешта и Брюсселя усугубились в феврале 2021 г., после того как венгерское правительство без согласования с европейским регулятором одобрило использование российской вакцины *Sputnik V* и китайской вакцины *Sinopharm* на территории страны¹⁰.

Таким образом, принятие закона о борьбе с COVID-19 и допуск российской и китайской вакцин без согласия европейского регулятора обострили и без того шаткие отношения Будапешта и Брюсселя, однако именно эти шаги позволили Венгрии быстрыми темпами провести всеобщую кампанию вакцинации населения и одной из первых отменить большую часть ковидных ограничений.

3. Выход партии Фидес из Европейской народной партии

В начале марта 2019 г. большинство членов Европейской народной партии (далее — ЕНП) проголосовали за приостановку членства партии «Фидес» на фоне систематического нарушения демократических ценностей и распространения дезинформации об институтах ЕС¹¹. 20 марта В. Орбан заявил, что партия «Фидес» добровольно согласилась приостановить членство в ЕНП¹².

На фоне принятия в марте 2021 г. изменений в устав ЕНП, позволявших исключать из фракции не только отдельных депутатов, но и целые партии, В. Орбан объявил о выходе партии «Фидес» из ЕНП по причине нарушения прав венгерских избирателей¹³. Тем самым, 12 депутатов правящей партии Венгрии стали независимыми, что предопределило сближение партии с правыми и праворадикальными силами Европейского союза, не входившими ни в одну из фракций Европарламента.

2 июля 2021 г. В. Орбан поставил подпись под совместной декларацией 16 ультраправых и правоконсервативных сил Евросоюза с целью создания единого националистического альянса в Европарламенте. Среди других известных подписантов можно выделить лидера «Национального объединения» Марин Ле Пен, лидера итальянской «Лиги Севера» М. Сальвини, лидера правящей польской партии «Право и справедливость» Я. Качиньского¹⁴. К тому же в декабре 2021 г. В. Орбан присутствовал в Варшаве на съезде консервативных и правых партий Евросоюза, подписавших декларацию¹⁵.

* * *

Таким образом, опыт 2020–2021 гг. показывает, что венгерское правительство чувствует себя вполне естественно в состоянии конфликта с Брюсселем. Неустанно критикуя «брюссельскую бюрократию», В. Орбан позиционирует себя одним из главных защитников национального суверенитета и традиционных, христианских ценностей. Однако с другой стороны, учитывая членство Венгрии в ЕС и ее определенную зависимость от евроструктур, политика правительства В. Орбана поставила страну на грань катастрофы, поскольку в Брюсселе все громче раздаются голоса, призывающие ввести санкции против Венгрии (вплоть до лишения права голоса в Совете Европы). Поэтому события 2022 г. лишь открыли новую главу в отношениях Венгрии с Евросоюзом.

Примечания

- ¹ 'Historic' EU rule of law deal faces challenges. Official site Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/historic-rule-of-law-deal-faces-challenges/> (дата обращения: 16.12.2021).
- ² Judit Varga. Official site Facebook. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=3848021411883453&id=2024678420884437 (дата обращения: 16.12.2021).
- ³ Orbán Viktor: Magyarország megvétózza az uniós költségvetést és a helyreállítási alapot. Official site HVG.hu. URL: https://hvg.hu/gazdasag/20201116_Orban_Viktor_Magyarorszag_veto_unios_koltsegvetes (дата обращения: 11.12.2021).
- ⁴ Europe Daily Bulletin N. 12619, 10 December 2020. URL: <https://agenceurope.eu/en/bulletin/sommaire/12619> (дата обращения: 16.12.2021).
- ⁵ Magyarország Alaptörvényének kilencedik módosítása (2020. december 22.). Official site Wolters Kluwer. URL: <https://mkogy.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A2001222.ATV> (дата обращения: 13.12.2021).
- ⁶ 2021. évi LXXIX. Törvény a pedofil bűnelkövetőkkel szembeni szigorúbb fellépésről, valamint a gyermekek védelme érdekében egyes törvények módosításáról. Official site Wolters Kluwer. URL: <https://mkogy.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A2100079.TV> (дата обращения: 13.12.2021).
- ⁷ Hungary 'has no place in the EU anymore', Dutch leader says. Official site CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2021/06/24/europe/hungary-eu-lgbt-mark-rutte-intl/index.html> (дата обращения: 12.12.2021).
- ⁸ 2020. évi XII. törvény a koronavírus elleni védekezésről. Official site Magyar Közlöny. URL: <https://magyarkozlony.hu/dokumentumok/9b48945c85f190378f67e-253337be4299edf743f/letoltes> (дата обращения: 15.12.2021).

- ⁹ Matteo Renzi. Official site Twitter. URL: <https://twitter.com/matteorenzi/status/1244631516510072834> (дата обращения: 13.12.2021).
- ¹⁰ Magyarországon jelenleg alkalmazott vakcinák. Official site Hungarian Coronavirus Operational Headquarters. URL: <https://koronavirus.gov.hu/aktualis> (дата обращения: 16.12.2021).
- ¹¹ Felfüggesztették a Fidesz néppárti tagságát. Official site Euronews. URL: <https://hu.euronews.com/2019/03/20/elo-eldol-hogy-a-neppartban-marad-e-a-fidesz> (дата обращения: 11.12.2021).
- ¹² A Fidesz egyoldalúan felfüggeszti az Európai Néppártban jogainak gyakorlását. Official site the Prime Minister of Hungary. URL: <https://miniszterelnok.hu/a-fidesz-egyoldaluan-felfuggeszti-az-europai-neppartban-jogainak-gyakorlasat/> (дата обращения: 11.12.2021).
- ¹³ Szamizdat 6. Official site the Prime Minister of Hungary. URL: https://miniszterelnok.hu/szamizdat-6/?fbclid=IwAR2E9vj8luTRWWxv_HhddSkZDIktNUW40sa-7Zo2fbT4ZNRfpolrkEwHxW8 (дата обращения: 11.12.2021).
- ¹⁴ A Fidesz, a PiS és még 14 párt közös nyilatkozatban tiltakozik az európai szuperállam ellen. Official site HVG.hu. URL: https://hvg.hu/itthon/20210702_fidesz_pis_su_szuperallam (дата обращения: 12.12.2021).
- ¹⁵ Varsói csúcs: “jelenleg nincs napirenden” a közös jobboldali-populista EP-frakció. Official site Euronews. URL: <https://hu.euronews.com/2021/12/04/az-olasz-jobboldal-nelkul-targyalnak-varsoban-europa-populista-vezetoi> (дата обращения: 12.12.2021).

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.14

Греция и Турция: дипломатия катастроф (1999, 2023)

Анна Константиновна Александрова

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

Ключевые слова: греко-турецкие отношения, дипломатия катастроф, дипломатия землетрясений, землетрясение в Турции и Греции (1999), землетрясение в Турции и Сирии (2023)

Greece and Türkiye: Disaster Diplomacy (1999, 2023)

Anna K. Aleksandrova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

Keywords: Greek-Turkish relations, disaster diplomacy, earthquake diplomacy, earthquake in Turkey and Greece (1999), earthquake in Turkey and Syria (2023)

Одним из аспектов современной гуманитарной дипломатии является оказание помощи другим странам во время бедствий, вооруженных конфликтов и т.д.¹ В 2000-е годы И. Келманом было введено в научный оборот понятие «дипломатия катастроф» (*“disaster diplomacy”*). Исследование дипломатии катастроф подразумевает поиск ответа на вопрос, способствуют ли совместные усилия, направленные на снижение риска и устранение последствий стихийных бедствий, улучшению отношений между странами, находящимися в состоянии конфликта, в дальнейшей перспективе². В качестве примеров действия дипломатии катастроф можно привести сотрудничество США и Кубы по вопросам прогнозирования и устранения последствий бедствий, связанных с экстремальными погодными и климатическими явлениями, международное сотрудничество в Южной Африке в сфере борьбы с засухой, помощь Ирану со стороны США после землетрясения в Баме 26 декабря 2003 г. и др. «Классическим» кейсом является развитие (традиционно конфликтных) греко-турецких отношений после землетрясений 1999 г. Землетрясение в Турции, произошедшее в 2023 г., и реакция на него Греции — еще один, на данный момент практически не изученный, случай использования дипломатии катастроф. Цель данного исследования — сопоставить развитие отношений между Грецией и Турцией после землетрясений 1999 и 2023 г. С учетом того,

что последнее произошло совсем недавно, выводы имеют предварительный характер и в дальнейшем могут быть пересмотрены.

17 августа 1999 г. в турецком городе Измит произошло землетрясение, унесшее более 17 тыс. жизней. Греция одной из первых предложила Турции помощь в устранении последствий катастрофы, и она была с благодарностью принята Анкарой. Спустя три недели, 7 сентября 1999 г., произошло землетрясение в Афинах, жертвами которого стали 143 человека. Руководствуясь теми же принципами добрососедства, Турция предоставила ответную помощь Греции³. Далее последовала волна взаимной общественной поддержки, подхваченная СМИ и правительствами обеих стран. Во многом благодаря греко-турецкому сближению в декабре 1999 г. Турция получила статус кандидата в члены ЕС (для этого требовалось согласие Греции, что в предшествующий период являлось камнем преткновения на пути европейской интеграции соседней страны). Для Афин это стало возможностью наладить отношения с Анкарой, используя инструменты Евросоюза, но, как показало время, надежды Турции на вступление в ЕС до сих пор не оправдались. Греко-турецкие отношения потеплели в конце 1990-х годов, и этот процесс продолжился в 2000-е годы во многом благодаря дипломатии катастроф, но она не была первопричиной сближения двух стран. Например, весной 1999 г., во время косовского конфликта, несмотря на разные позиции по данному вопросу, Греция и Турция наладили каналы связи, посредством которых координировали предоставление помощи беженцам (и Греция, и Турция в этот период стремились к «европеизации» своей внешней политики, и «косовские» инициативы соответствовали данной тенденции). Активизация диалога между странами предшествовала землетрясениям 1999 г., а взаимная помощь Турции и Греции в устранении последствий катастрофы лишь ускорила уже запущенный процесс. При этом налаживавшееся в первые годы после землетрясения сотрудничество касалось в основном второстепенных аспектов международных отношений, но такие ключевые проблемы, как эгейский спор или кипрский вопрос, оказались за рамками диалога⁴.

6 февраля 2023 г. в Турции и Сирии произошло землетрясение, в результате которого погибли около 59 тыс. человек (в Турции — свыше 50 тыс. человек). 90 стран направили в Турцию спасательные команды, в их числе также была и Греция. Афины, как и два с лишним десятилетия до этого, в первые же часы после катастрофы выразили Анкаре соболезнования и предложили помощь (на сайте греческого МИД было опубликовано соответствующее заявление; кроме того, по инициативе греческой стороны состоялся телефонный разговор между премьер-министром Греции К. Мицотакисом и президентом Турции Р.Т. Эрдоганом). Греция отправила в Турцию группу спасателей, а также несколько судов с гуманитарной помощью. Менее чем через месяц после землетрясения, 1 марта 2023 г., в Греции произошла крупнейшая в истории страны железнодорожная катастрофа — столкновение двух поездов в муниципалитете Темби, повлекшее за собой гибель более ста человек. Турция первой выразила греческой стороне соболезнования. Трагические события вновь объединили общества / граждан двух стран.

Несмотря на то, что в последние годы между Грецией и Турцией, в отличие от ситуации конца 1990-х годов, лишь усиливалась напряженность, дипломатия катастроф возымела действие и в данном случае, способствуя сближению двух государств. 12 февраля 2023 г. министр иностранных дел Греции Н. Дендиас посетил зону землетрясения и встретился с турецким коллегой М. Чавушоглу. 19 февраля М. Чавушоглу представил предложения по улучшению двусторонних отношений, например, демилитаризацию островов восточной части Эгейского моря и Додеканезов, начало совместной разведки углеводородов в Эгейском море и др. Греция, несмотря на продемонстрированное стремление к сближению, дала крайне осторожный и неопределенный ответ на данные предложения, смысл которого заключался в готовности их рассмотреть и приветствии любых шагов Турции по нормализации отношений между странами⁵.

Греко-турецкая дипломатия катастроф проявляется в настоящее время на уровне не только переговоров, но и конкрет-

ных действий. По словам Н. Дендиаса, после землетрясения и соответствующих действий Греции «турецкая агрессия [...] превратилась в нечто несуществующее»: прекратились провокации в Эгейском море, пропали нелюбезные высказывания турецких политиков и представителей СМИ в отношении Греции и т.д.⁶ В марте стороны достигли неформального соглашения об ограничении военных учений в Эгейском море. Символично, что Турция поддержала кандидатуру Греции в непостоянные члены Совета безопасности ООН на период 2025–2026 гг., а Греция, в свою очередь, поддержала кандидатуру Турции на пост Генерального секретаря Международной морской организации (ИМО). Тем не менее, как отметил глава МИД Греции, однозначные выводы о возможности решения главных проблем греко-турецких отношений делать пока рано⁷.

Главное отличие кейсов греко-турецкой дипломатии катастроф 1999 и 2023 г. заключается в тенденциях развития отношений между странами в предшествующий землетрясению период: если в первом случае имело место их сближение, то во втором — отдаление. Но и в 2023 г. дипломатия катастроф уже сыграла примирительную роль, несмотря на то, что непосредственно связана с трагическими для обеих стран событиями. Таким образом, дипломатия катастроф, вероятно, не способна разрешить комплекс противоречий между Грецией и Турцией без привлечения дополнительных инструментов международного взаимодействия, однако она остается способом подтолкнуть конфликтующие страны к продуктивному диалогу.

Примечания

- ¹ Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт. М., 2021. С. 5–6.
- ² Kelman I. Acting on disaster diplomacy // *Journal of International Affairs*. 2006. N 59 (2). P. 215–240.
- ³ Koukis Th., Kelman I., Ganapati N.E. Greece — Turkey disaster diplomacy from disaster risk reduction // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2016. Vol. 17. P. 24–32. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2016.03.004> (дата обращения 30.03.2023).

- ⁴ *Mavrogenis S., Kelman I.* Perceptions of Greece — Turkey disaster diplomacy: Europeanization and the underdog culture // *Balkanistica*. 2013. Vol. 26. P. 73–104.
- ⁵ Σημεία συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια στην ε/φ «Παραπολιτικά» και στον δ/φο Κώστα Παπαχλιμίντζο (04.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-eph-parapolitika-kai-ston-dpho-kosta-parakhlimintzo-432023.html> (data обращения: 30.03.2023).
- ⁶ Σημεία συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στην εφημερίδα «Πρώτο Θέμα» και στον δημοσιογράφο Μάκη Πολλάτο (25.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-eph-emerida-proto-thema-kai-ston-demosiographo-make-pollato-25032023.html> (data обращения: 30.03.2023).
- ⁷ *Ibidem.*

РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ: ОТ ВЕКА XIX ДО НАШИХ ДНЕЙ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.15

Этнографическая характеристика М.Н. Харузиным донского казачества*

Артем Юрьевич Перетяtko

Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Ключевые слова: этнография, Войско Донское, обычное право

Ethnographic characteristics of the Don Cossacks by M.N. Kharuzin

Artyom Yu. Peretyatko

Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Keywords: Ethnography, Don Host, customary law

Почти все фундаментальные исследования XIX в., специально посвященные донскому казачеству, были созданы донскими казаками (в первую очередь это относится к трем историко-статистическим описаниям Дона, В.Д. Сухорукова¹, Н.И. Краснова² и С.Ф. Номикосова³). В подобных рабо-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00653, <https://rscf.ru/project/23-28-00653/>.

тах авторы обычно пытались дать и общую характеристику донских казаков, однако даже в описании их важнейших качеств они расходились во мнении: например, В.Д. Сухо руков считал всех казаков простыми в общественной жизни⁴, а Н.И. Краснов, напротив, указывал, что для общественной жизни казаков низовьев Дона характерны ораторское искусство и обходительность, а простота нравов господствует выше по течению⁵.

Есть, однако, одно фундаментальное исследование донского казачества, выполненное в XIX в. лицом не казачьего происхождения — сочинение М.Н. Харузина (1859–1888) «Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права»⁶. В этой книге в наиболее полном виде собраны описания казачьей повседневности второй половины XIX в., характеризующие различные стороны быденной жизни казачества, от норм землепользования до свадебной обрядности, от внутрисемейных отношений до практики станичных судов. «Называя скромно свой труд лишь материалами для обычного права, автор дает нам гораздо более, чем обещает. Книга представляет полную и всестороннюю картину быта донских казаков, основанную на богатых материалах»⁷, — еще в 1889 г. писал В.Ф. Миллер. Труд М.Н. Харузина востребован до сих пор, а его научная репутация в глазах современных исследователей остается высокой. Так, А.А. Волвенко, крупнейший специалист по истории донского казачества второй половины XIX в., называет М.Н. Харузина «известным историком обычного права и этнографом»⁸. Между тем М.Н. Харузин умер в 28 лет, а «Сведения о казацких общинах на Дону» писал в студенческие годы⁹. Впрочем, следует отметить, что он происходил из семьи ученых (оба его брата и сестра стали крупными этнографами), окончил Московский университет, учился за границей, переписывался с рядом выдающихся деятелей российской культуры, например, А.А. Фетом¹⁰, то есть его уровень научной и культурной подготовки был намного выше, чем у донских авторов, в основном местных чиновников и ученых-любителей, писавших о донском казачестве.

Исходя из противоречивых характеристик донских казаков, которые предлагались казачьими авторами, представляется интересным проследить, как идентифицирует донских казаков в этнографическом отношении М.Н. Харузин. Необходимо оговориться, что в его труде нет теоретической части, он почти не использует научной терминологии и не касается вопросов, значимых для российской этнологии 1890-х гг. Возможно, это связано с тем, что его исследование посвящено рассмотрению обычного права, а не этнографии, и в качестве диссертации было защищено на юридическом факультете¹¹. И, хотя этнографическое пространство Дона в этой работе описано достаточно ясно, остаются непроясненными теоретические воззрения автора и его трактовка соотношения различных восточнославянских этнических групп Российской империи.

Как отметила М.В. Лескинен, «славянофилы и почвенники разделяли народ/нацию и простой народ, видя в нем носителя народности — как совокупности качеств, присущих русским»¹². М.Н. Харузин, посвятивший книгу знаменитому славянофилу И.С. Аксакову¹³, исходил из схожей идеи. Он начал изложение с краткого историко-этнографического очерка, в котором несколько идеализированно описал историческое казачество, выделяя, например, господство «артельного начала» в казачьих поселениях, отказ казаков от практики убийства пленных, «равенство» как важнейший принцип «раннего казачества» и т. п.¹⁴ Однако, как он считал, имперские власти в XVIII в. изменили устройство Донского Войска, вследствие чего «увяла самобытная жизнь донского казачества», и «народная жизнь во всем своеобразии обычая и обряда, делающих этот край столь интересным для исследователя», сохранилась только в «низших слоях казаков»¹⁵. Таким образом, для М.Н. Харузина носителями исторических казачьих традиций выступали исключительно простые казаки, что, вероятно, и предопределило его интерес к донскому обычному праву, которое, согласно этой логике, сохранялось в социальных низах.

Наиболее же важной особенностью донских казаков М.Н. Харузин считал их разнообразие, вариативность обы-

чаев, традиций, материальной культуры, ставших следствием заселения региона выходцами из самых разных частей Российского государства¹⁶. «Почти каждая станица, с прилегающими с ней хуторами, носит на себе особый отпечаток, выражающийся в произношении, формах быта, обрядах и т.п.», — отмечал исследователь¹⁷. «Иногда, по словам самих казаков, в той же станице обряды, принятые на одном конце, вовсе не употребляются на другом», — добавлял он¹⁸. Однако, несмотря на такие различия, М.Н. Харузин прямо указал, что ближе всего донские казаки к великороссам, к сожалению, не уточнив характера этой близости. Остается неясным, означала ли она принадлежность донских казаков к великороссам, или же речь шла о другом сходстве — в рамках более широкой общности: «Элементу великорусскому, обрядам и обычаям великорусским принадлежит первое место»¹⁹.

Чтобы хоть как-то прояснить это многообразие, М.Н. Харузин делил донское казачество на две основные группы, имевшие «весьма значительные» различия «в произношении, нравах, жилище, одежде» и даже во «внешнем виде»²⁰. К сожалению, он не дал сколько-либо обобщающего описания этих различий, ограничиваясь цитатой из «Отечественного» Д.Д. Семенова, в которой говорилось, что верховые казаки были русыми и сероглазыми, крепкими и выносливыми, долго взрослели и быстро старели, в то время как низовые казаки были черноглазыми брюнетами, ловкими и проворными, быстро растущими, но «недолговечными»²¹. При этом четкой географической границы между верховыми и низовыми казаками М.Н. Харузин не провел: постулируя различие между ними, исследователь подчеркнул, что оно будет очевидным, только если сравнивать южные и северные районы Области Войска Донского, между которыми существовала переходная территория²².

Этим общая характеристика М.Н. Харузиным донского казачества и ограничивалась, а основная ценность его работы заключалась в том, что он проследил различия как между верховыми и низовыми казаками, так и между отдельными станицами на конкретных примерах. В частности,

он констатировал, что ранние браки были характерны для верховых казаков: сравнительно незадолго до написания его труда в верховых станицах женихами считались юноши в возрасте 14 и даже 12 лет²³. В низовых станицах, напротив, женились и выходили замуж в более позднем возрасте, причем, если в целом по Войску Донскому различие было сравнительно небольшим и обычно казак женился до выхода на службу, то некоторые низовые станицы резко выделялись на фоне соседних: так, в Старочеркасской и Гниловской станицах нередко женились после 25, а то и 30 лет²⁴.

Итак, М.Н. Харузин, единственный автор не казачьего происхождения, в XIX в. написавший фундаментальное исследование о донском казачестве, хотя и обращался к их этнографическому описанию, воздержался от сколько-либо широких обобщений. Он ограничился теми выводами и наблюдениями, которые были нужны ему с практической стороны для объяснения своеобразия и различий в народном быте донских казаков различных станиц. И эти наблюдения можно свести всего к нескольким основным пунктам:

1. Народный быт донского казачества был крайне разнообразен: важные особенности порой прослеживались даже не на уровне округов Войска Донского, но внутри отдельных станиц.
2. Тем не менее, при всех этих различиях, в среде донских казаков преобладал великорусский элемент.
3. Само донское казачество разделялось им на два типа, отличные по внешности, нравам, произношению, жилищам и одежде, но от полноценной характеристики этих групп М.Н. Харузин тоже воздержался.

Как представляется, особенно ценен первый пункт наблюдений М.Н. Харузина, поскольку он объяснил причину, по которой местным авторам-любителям было трудно дать обобщенную характеристику всего донского казачества, а их тексты в этом отношении противоречили друг другу.

Примечания

- ¹ *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.
- ² *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- ³ *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- ⁴ *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание. С. 108–109.
- ⁵ *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики. С. 415–416.
- ⁶ *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 432 с.
- ⁷ *Керимова М.М.* Этнографические изыскания М.Н. Харузина (к 150-летию со дня рождения) // *Славяноведение*. 2010. № 4. С. 18–25.
- ⁸ *Волвенко А.А.* Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX — нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. С. 35.
- ⁹ *Керимова М.М.* Этнографические изыскания М.Н. Харузина. С. 24–25.
- ¹⁰ Там же С. 18–19.
- ¹¹ Там же. С. 25.
- ¹² *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 77.
- ¹³ *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону. С. III.
- ¹⁴ Там же. С. XVI–XXII.
- ¹⁵ Там же. С. XXIV.
- ¹⁶ Там же. С. XXV.
- ¹⁷ Там же. С. XXV.
- ¹⁸ Там же. С. XXV.
- ¹⁹ Там же. С. XXV.
- ²⁰ Там же. С. XXV.
- ²¹ Там же. С. XXV–XXVI.
- ²² Там же. С. XXIV.
- ²³ Там же. С. 102–106.
- ²⁴ Там же. С. 106–107.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.16

Гуситское движение как предтеча модерна в историософской концепции Э. фон Кюнельт-Леддина

Тимур Владимирович Гимадеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация;
e-mail: timur.gimadeev@yahoo.com

Ключевые слова: История Чехии, историософия, гусизм,
Эрик фон Кюнельт-Леддин

Hussite movement as the Precursor of Modernism in the Historico-Philosophical Conception of Erik von Kuehnelt-Leddihn

Timur V. Gimadeev

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russian Federation; e-mail: timur.gimadeev@yahoo.com

Keywords: Czech history, Historiosophy, Hussitism, Erik von
Kuehnelt-Leddihn

Отечественный читатель, вероятно, знает **Эрика фон Кюнельт-Леддина** (1909–1999), главным образом, как автора проникнутой антикоммунизмом, политизированной антиутопии «Москва 1979/1997»¹. Вместе с тем этот австрийский мыслитель право-консервативного толка и спустя четверть века после смерти сохраняет влияние в определенных кругах: так, к его творчеству апеллируют **Ханс-Херман Хоппе** (р. 1949)² и **Кертис Ярвин** (р. 1973)³. Идеи Э. фон Кюнельт-Леддина более популярны в англосаксонском мире

во многом из-за его многолетних связей с англоязычными странами: в возрасте 16 лет Э. фон Кюнельт-Леддин стал корреспондентом журнала *The Spectator* в Вене, в 1935–1938 гг. преподавал в иезуитском Бомонт-колледже в Англии, а с 1938 по 1947 г. жил в США, где работал в католических учебных заведениях⁴. С 1955 г. он публиковался в журнале *National Review* и, по словам Уильяма Франка Бакли (1925–2008), основателя издания, был единственным автором, сотрудничавшим с журналом на протяжении более чем тридцати лет⁵.

В «американский период» Э. фон Кюнельт-Леддин и опубликовал под псевдонимом Фрэнсис Стюарт Кэмпбелл⁶, «кредо реакционера», в котором «естественным образом отвергал» большинство основных идеологем модерна, видя в них лишь стремление к «доминированию толпы»: к подобным идеологиям он относил не только нацизм, фашизм и коммунизм, но и «так называемую» демократию, а также «материалистический либерализм Манчестерской школы»⁷. И хотя впоследствии Кюнельт-Леддин отказался от термина «реакционер», утверждая, что реакционер лишь «реагирует во враждебном ключе против существующего порядка» и потому не может быть «суверенным мыслителем»⁸, неприятие основных идеологий модерна на основании их «левизны» составило ядро политической философии называвшего себя «католическим праворадикальным либералом»⁹ Э. фон Кюнельт-Леддина.

Две основные работы на историко-философскую тему Эрик фон Кюнельт-Леддин полностью посвятил препарированию феномена «левизны»¹⁰. Отдельное место в них уделялось феномену гусизма. Хотя в качестве основной нижней хронологической рамкой Кюнельт-Леддиным заявлялся 1789 год, первой «по-настоящему целостной, систематической эгалитарной революцией» в Европе он называл таборитство, идеологию которого характеризовал как «хилиастическую, националистическую, пуританскую и социалистическую», то есть как «реальную и конкретную предтечу “измов” нашего времени». При этом Э. фон Кюнельт-Леддин отделял от та-

боритов, в мировоззрении которых он видел решающее влияние пикардов и вальденсов, от самого Яна Гуса, полагая его человеком более сдержанных взглядов, а также утраквистов как носителей «оригинального, умеренного гуситского духа»¹¹. Однако же умеренный гусизм также оказал решающее влияние на Реформацию XVI в., которую Кюнелът-Леддин рассматривал и как генеральную репетицию Французской революции конца XVIII в., и как «реакцию против гуманизма и Возрождения», бунт Средневековья¹².

Влияние гусизма на современность, согласно Э. фон Кюнелът-Леддину, не было лишь опосредованным: он стремился доказать наличие прямой связи между гусизмом и идеологиями нацизма и фашизма¹³. Она, по мнению Кюнелът-Леддина, была двухканальной: с одной стороны, к гуситской традиции апеллировала Чешская национально-социалистическая партия, зеркальным отражением которой в итоге стала сначала Немецкая рабочая партия, а впоследствии и Немецкая национал-социалистическая рабочая партия* в Австрии и Чешских землях¹⁴. Таким образом сама идея национал-социализма, по мнению Э. фон Кюнелът-Леддина, имела «богемские» корни.

Другим же связующим звеном между гусизмом и фашизмом в концепции Э. фон Кюнелът-Леддина служила фигура **Бенито Муссолини** (1883–1945). В преддверии Первой мировой войны будущий «дуче» написал биографию Яна Гуса, носившую компилятивный и публицистический характер¹⁵. Эту работу действительно можно рассматривать как своего рода «точку невозврата»¹⁶, важную веху на пути Б. Муссолини от революционного социализма к фашизму. Вместе с тем тезис Кюнелът-Леддина о генетической связи идеологии Чешской национал-социалистической партии с нацизмом представляется, как минимум, далеко не бесспорным.

Парадоксальным образом, со многими положениями Э. фон Кюнелът-Леддина едва ли бы поспорил **Франтишек Палацкий** (1798–1876), «отец нации» и историк, за-

* *Deutsche Nationalsozialistische Arbeiterpartei*, DNSAP. Не путать с NSDAP.

ложивший понимание гуситского движения как «вершины чешской истории». В «Истории чешской нации» он открыто утверждал, что идеи «рационализма, социализма, коммунизма, демократии, республиканства, принципа национальности, панславизма, хилиастических бредней и пантеизма» впервые проявились именно в гуситский период¹⁷. Кюнелът-Леддин был знаком с научными трудами Палацкого и на их основании причислял его к либерал-демократам¹⁸. Картина, однако, видится более сложной: в публицистике Ф. Палацкий выступал критиком Французской революции, идей отмены монархии и упразднения аристократии, уличая своих оппонентов-младочехов в сенсимонизме, прудонизме и фурьеризме¹⁹.

Определенные параллели во взглядах Ф. Палацкого и Э. фон Кюнелът-Леддина представляются неслучайными. Хотя судьба самого Кюнелът-Леддина сложилась достаточно счастливо, он был человеком глубоко травмированным драматическими событиями XX в. как австриец, как аристократ и как набожный католик. Утешение он искал в обращении к воспетому **Стефаном Цвейгом** (1881–1942) «вчерашнему миру», по меркам которого Э. фон Кюнелът-Леддин вполне мог сойти за либерала, хоть и с некоторым консервативным уклоном, каковой имелся и у Ф. Палацкого. Различия же в трактовке гуситского движения между этими двумя авторами обусловлены разницей не столько в этническом происхождении и социальном положении, сколько в историческом опыте, который им довелось пережить.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Гаков Вл.* Ультиматум: Ядерная война и безъядерный мир в фантазиях и реальности. М., 1989. С. 225; *Хольцнер Й.* Утопический роман из мира вчерашнего: Эрик фон Кюнелът-Леддин, «Москва 1997» // Вопросы филологии. 2004. № 1. С. 64–68.
- ² *Хоппе Х-Х.* Демократия — низвергнутый Бог / пер. с англ. под ред. А. Шевцова. М., 2022. С. 49.
- ³ A Formalist Manifesto // Unqualified Reservations by Mencius Moldbug. 23.04.2007. URL: <https://www.unqualified-reservations.org/2007/04/formalist-manifesto-originally-posted/> (дата обращения: 21.03.2023).

- ⁴ *Leszczyński D.* Erik von Kuehnelt-Leddihn — ostatni konserwatywny arcyliberał // *Kuehnelt-Leddihn E. von.* Ślepy tor. Ideologia i polityka Lewicy 1789–1984 / przetł. M. Gawlik. Sadržaj, 2007. S. 7–8.
- ⁵ *Buckley Jr. William F.* A Tribute to Erik Ritter von Kuehnelt-Leddihn // The Philadelphia Society. 9–10.10.1998. URL: <https://phillysoc.org/buckley-tribute-to-erik-ritter-von-kuehnelt-leddihn/> (дата обращения: 21.03.2023).
- ⁶ *Gabiš T.* O autorze // *Kuehnelt-Leddihn E. von.* Demokracja — opium dla ludu / przetł. M. Gawlik. Warszawa, 2012. S. 168.
- ⁷ *Campbell F.S.* Credo of a Reactionary // *American Mercury.* 1943. Vol. LVII. Iss. 235. P. 86–87.
- ⁸ *Kuehnelt-Leddihn E. von.* Leftism Revisited: From de Sade and Marx to Hitler and Pol Pot / pref. by William F. Buckley Jr. Washington D.C., 1990. P. 407.
- ⁹ *Kuehnelt-Leddihn E. von.* Rechts, doch ohne Glauben? Eine Anfrage an die dezidierten Nicht-Christen unter den Konservativen // *Criticón.* 1974. Bd. IV. N. 24. S. 160.
- ¹⁰ См.: *Kuehnelt-Leddihn E. von.* Leftism: From de Sade and Marx to Hitler and Marcuse. New York, 1974; Во втором издании: *Idem.* Leftism Revisited: From de Sade and Marx to Hitler and Pol Pot. Washington D.C., 1990; В чешском переводе: *Idem.* Levicové smýšlení: Od de Sade a Marxe k Hitlerovi a Pol Potovi / překl. P. Bartoš. Praha, 2010; *Idem.* Die falsch gestellten Weichen. Der Rote Faden 1789–1984. Wien, 1985; В польском переводе: *Idem.* Ślepy tor. Ideologia i polityka Lewicy 1789–1984. Sadržaj, 2007.
- ¹¹ *Kuehnelt-Leddihn E. von.* Leftism Revisited: From de Sade and Marx to Hitler and Pol Pot. P. 38–39.
- ¹² *Ibid.* P. 40–41.
- ¹³ См.: *Kuehnelt-Leddihn E. von.* The Bohemian Background of German National Socialism: The D.A.P., D.N.S.A.P. and N.S.D.A.P // *Journal of the History of Ideas.* Vol. IX. N. 3 (35). PP. 339–371.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 348–358.
- ¹⁵ См.: *Mussolini B.* Giovanni Huss, il veridico. Roma, 1913; В чешском переводе: *Idem.* Mussoliniho kniha o Janu Husovi, muži pravdy / přel. A. Loskotová, předml. napr. F.M. Bartoš. Turnov, 1937; Английский перевод: *Idem.* John Huss. The Veracious. New York, 1939.
- ¹⁶ См. подробнее: *Гимадеев Т.В.* Точка невозврата: Ян Гус и Бенито Муссолини // Славянский сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2018. Вып. 16. С. 77–84.
- ¹⁷ *Palacký F.* Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Praha, 1871. D. III. Č. 2. / 2. vyd. S. 308–309.
- ¹⁸ *Kuehnelt-Leddihn E. von.* The Bohemian Background of German National Socialism. P. 345n.
- ¹⁹ См. напр: О демократии // *Palacký F.* Spisy drobné. Praha, 1898. D. I. / sest. B. Rieger. S. 186–193.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.17

Китайские ученые о распаде Югославии

Янь Лэй

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: 846928122@qq.com

Ключевые слова: Процесс распада, Югославия, Китай

Chinese Scientists' Opinions about the Disintegration of Yugoslavia

Yan Lei

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: 846928122@qq.com

Keywords: The process of the disintegration, Yugoslavia, China

Одним из результатов потрясений в шести республиках Югославии в конце 1980-х гг. стало усиление этнического сепаратизма. С тех пор, особенно в 1999 г., югославянские земли претерпели ряд серьезных изменений. США, ЕС и в определенной мере Россия, а также и другие страны, последовательно вмешивались в ход событий в регионе, оказывая различное влияние на их политические, экономические и внешние связи. В последние месяцы традиционное представление о Балканах, как «пороховой бочке» Европы, вновь стало актуально. Накал страстей из-за окончания 1 августа 2022 г. срока действия (в интерпретации косовских властей) регистрационных знаков автомобилей сербских владельцев вновь заставил мир опасаться вспышек насилия и начала вооруженных действий. Эти события уходят корнями в прошлое — распад Югославии, что по-прежнему делает изучение его актуальным.

Изучение китайской точки зрения на причины международных кризисных очагов, одним из которых, до определенной степени, остается постъюгославское пространство, и сопоставление ее с изменениями в политике России в этом регионе имеют значение для всестороннего понимания новой фазы югославского распада. Практическое значение подобных исследований заключается в поиске возможностей купирования или смягчения региональных конфликтов, содействия установлению справедливого мирового порядка и мирного развития человечества.

Распад бывшей Югославии

После смерти Й. Броза Тито в 1980 г. Югославия погрузилась в серьезный политический, экономический и этнический кризис. Ее внутренние противоречия постепенно обострялись. XIV съезд (январь 1990 г.) Союза коммунистов Югославии (СКЮ) — партии, безальтернативно находившейся у власти почти полвека, подтвердил фактически официальное движение к распаду и правящей партии, и югославской федерации. По мнению наблюдателей, этот процесс состоял из четырех этапов (шагов) со стороны сепаратистских сил: 1) от непризнания федеративной конституции и создания конституционного кризиса до стремления внести поправки в Основной закон, чтобы сделать его, насколько возможно, максимально приемлемым для собственной политической позиции и интересов республик, без учета общенациональных интересов; 2) отказ от подчинения руководству федеративного государства и «превращения децентрализации в отделение от федерации»; 3) достижение национального суверенитета и независимости через референдум; 4) как итог, отделение от федерации¹. С 1991 г. югославские республики одна за другой стали независимыми. Основные события: одновременное провозглашение независимости от Югославии Словении и Хорватии 25 июня 1991 г., последовавшие затем референдумы в Боснии и Герцеговине и Македонии, встреча стран-членов ЕЭС в Брюсселе 7 декабря 1991 г., решения 23 декабря Германии и Швеции признать

Словению и Хорватию как независимые государства — отражены в работах китайских авторов². Не менее тщательно фиксировались и последующие за этим события весны 1992 г., (международное признание новых государств, провозглашение 27 апреля СРЮ (или «третьей Югославии»), принятии СБ ООН 30 мая резолюции № 757 о введении экономических санкций в отношении Югославии). Исследователи также выделяют основные события на постъюгославском пространстве в начале XXI в. В их числе: переименование СРЮ в 2003 г. (и исчезновение названия «Югославия»), независимость Черногории (2006 г.), провозглашение в одностороннем порядке независимости Косова (2008 г.). Процесс распада Югославии, начатый отделением Словении и Хорватии принес югославянским народам много проблем. И до сих пор не ясно, по какому сценарию будет проходить развитие событий в дальнейшем.

Причины распада Югославии

Китайские ученые часто описывают сложную этническую и политическую ситуацию в Югославии в последние десятилетия ее существования в цифрах: **одно государство, одна политическая партия, один лидер, два алфавита, три религии, четыре языка, пять национальностей, федерация из шести республик и двух краев как составных частей Сербии (с почти равными правами), граница с семью государствами.**

Большое значение китайскими учеными придается и тому, что в 1948 г., после исключения из Коминформбюро, КПЮ, начав проводить политические и экономические реформы, пошла по пути создания системы социализма на основах самоуправления внутри страны, при проведении политики неприсоединения в международных делах. Эти «волны демократизации» под западным влиянием привели к тому, что в стране усилилось «местничество» и разгорелся национализм. СКЮ постепенно сдавал позиции, в итоге отказавшись от противостояния идее введения многопартийной системы, согласившись с неизбежностью ее появления. В конечном

итоге эти и некоторые другие факторы привели к распаду Югославии.

Китайские исследователи анализируют как сам процесс распада, так и его причины. В научной среде КНР принято выделять три причины:

Во-первых, влияние исторических факторов, связанных со сложными и острыми этническими, религиозными и культурными противоречиями, перенесенными на взаимоотношения между югославскими республиками. Именно они стали важной внутренней причиной распада страны. По мнению Ли Линсуна, «короткая история бывшей Югославии как единого государства, не позволила создать основательную концепцию национальной интеграции. Экономические связи внутри полиэтнической общности оказались не очень тесными, а ее развитие — несбалансированным. Это самым серьезным образом сказалось на процессе интеграции народов Югославии. Различия в культурных традициях и религиозных верованиях ее народов, а также религиозные вендетты и этнические распри прошлого помешали развитию югославского национального сообщества»³.

Во-вторых, отклонения и просчеты в концептуальных представлениях КПЮ/СКЮ, приведшие к потере централизованного и единого руководства. «Теория отмирания государства» реализовывалась преждевременно, с резкими переходами из одной крайности в другую, с чрезмерным вниманием к децентрализации власти и вере в демократию, равенство и совещания, а также с превышением уровня финансирования производительных сил над темпами экономического развития. «При осуществлении самоуправления акцент был сделан на децентрализации власти и федерализации партии, что сказалось на ослаблении руководящей роли партии. Все это привело к порочному раздуванию всех видов национализма, распространению этнических конфликтов и войн, а также к распаду федерации»⁴. Государство «преждевременно выдвинуло некоторые несоответствующие времени лозунги, отказалось от руководства и роли партии. Итог известен — распад СКЮ и СФРЮ»⁵.

Некоторые ученые особо выделяют экономическую реформу, в ходе которой макроуправление хозяйством развивалось по противоречивому пути: от концентрации к рассредоточению и снова к попытке концентрации. Сюй Ваньмин отметил: «Экономический кризис привел к всеобъемлющему кризису, коренившемуся в системе объединения труда и экономического национализма»⁶. В национальной политике акцент был сделан на равных возможностях для всех этнических групп, независимо от их численности, что наиболее ярко проявилось в «принципе очередности». «Больше внимания уделялось этническому равенству, но недостаточно национально-государственному единству при чрезмерном внимании к противостоянию великосербству. Вместе с тем давался слабый отпор узкому национализму; акцент делался на правах республик, а не на единстве-федерации»⁷.

Третьей причиной считается влияние внешних факторов, к которым принято относить как прекращение существования биполярной структуры мира, так и непосредственное вмешательство в югославские дела внешних сил и тезис о «мирной эволюции» Запада. Распад биполярного мира усилил возможности Германии, США и ЕС влиять на европейские дела, в то время как роль России (в сравнении с СССР) снизилась. Германия, Австрия, Италия и другие западные страны активно поддерживали сепаратистские силы как политически, так и в военной сфере, поставляя им оружие, а также оказывая экономическую поддержку. Важное значение имело и создание позитивного образа сепаратистов в мировом общественном мнении. Все эти факторы не соответствовали юридической системе поддержки принципа государственного суверенитета. При этом альянс стран НАТО во главе с США осуществлял силовое вмешательство в дела Югославии/Сербии под предлогом «защиты прав человека» в Косово. При этом китайские исследователи обращали внимание на наличие «двойных стандартов», когда США и страны Европы сочетали план «мирной эволюции» с насильственным, «тираническим»⁸. В одной из новейших работ, опубликованных в Китае, акцент сделан именно на этом:

«По секретным материалам последних лет, важной причиной распада Югославии стал заговор, спланированный странами Европы и Америкой»⁹.

Китайские авторы пришли к выводу, что Югославия, как первая из стран социализма, отказавшаяся (с начала 1950-х гг.) от сталинской модели развития и реализовавшая на практике социализм со своими особенностями, казалось бы, добилась блестящих достижений и обладала ценным опытом развития. Этот опыт, по мнению исследователей, помогает извлечь уроки и переосмыслить опыт строительства и развития «социализма с китайской спецификой»: **Во-первых**, необходимо всесторонне и точно понимать теорию марксистского учения и сочетать ее с реальной ситуацией в стране. **Во-вторых**, реформирование социалистической системы должно вестись, не только преодолевая догматизм, но и избегая излишней экстремальности, а тем более бесконтрольности. **В-третьих**, необходимо неуклонно придерживаться принципа партийного руководства, соблюдать демократический централизм и баланс между централизацией и децентрализацией. **В-четвертых**, необходимо учитывать межнациональные противоречия, тактично разрешать межэтнические конфликты, а развитие национализма допускать в разумных формах, предотвращая интернационализацию и политизацию национального вопроса.

Примечания

- ¹ *Ма Сипу*. Три Югославии. Пекин: Издательство современного Китая = 马细谱. 三个南斯拉夫. 北京: 当代中国出版社. 2021. С. 77.
- ² *Ма Сипу*. Хронология важнейших событий распада бывшей Югославии и гражданской войне в Боснии и Герцеговине // Восточная Европа = 马细谱. 前南斯拉夫解体和波黑内战大事记 // 东欧. 1994. № 4. С. 14.
- ³ *Ли Линсун*. Исторические причины и откровения распада бывшей Югославии // Журнал Гуандунского института образования = 李玲松. 前南斯拉夫分裂的历史原因及其启示 // 广东教育学院学报. 2009. № 6. С. 91–97.
- ⁴ *Цзинь Гу*. Распад Югославской федерации и национальные вопросы // Исследование международных вопросов = 金谷. 南斯拉夫联邦的解体与民族问题 // 国际问题研究. 1992. № 3. С. 19–23.

- ⁵ *Ма Сипу*. Анализ успехов и промахов управления югославской федерацией — одна из причин распада Югославской федерации // Исследование марксизма = 马细谱. 试析南共联盟执政的成功与失误—南斯拉夫解体原因之一 // 马克思主义研究. 2013. № 1. С. 128.
- ⁶ *Сюй Ванмин*. Экономический корень распада бывшей Югославии // Социалистический вопрос современного мира = 许万明. 前南斯拉夫解体的经济根源 // 当代世界社会主义问题. 1993. № 1. С. 66–69.
- ⁷ *Юн Лай, Чжан Цзин*. Распад Югославии и Косовский кризис // Северные национальности = 云来, 张静. 南斯拉夫解体与科索沃危机 // 北方民族. 1999. № 2. С.119.
- ⁸ *Ма Сипу*. Повторный анализ причин распада югославской федерации // Исследование мирового социализма = 马细谱. 南斯拉夫联邦解体原因再探析 // 世界社会主义研究. 2022. № 7. С. 59.
- ⁹ Там же. С. 67.

СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1950–1980-Е ГГ.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.18

Влияние внешнеполитической конъюнктуры на оборонную доктрину ФНРЮ (1951–1953 гг.)

Сергей Сергеевич Маклашкин

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: s-maklashkin_jun.ru@mail.ru

Ключевые слова: Оборонная политика, советско-югославские отношения, югославско-американские отношения, внешняя политика, Балканский пакт

Influence of foreign policy conjuncture on the defense doctrine of the FPRY (1951–1953)

Sergei S. Maklashkin

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: s-maklashkin_jun.ru@mail.ru

Keywords: Defense policy, Soviet-Yugoslav relationship, Yugoslav-American relationship, foreign policy, Balkan pact

Разрыв советско-югославских отношений привел к значительным изменениям оборонительных концепций ФНРЮ. Так, план «Максимум», который был принят в 1948 г. после

ряда теоретических споров с советской стороной, потерял актуальность, так как являлся олицетворением просоветской оборонной политики Белграда¹, дополняя тем самым первый югославский пятилетний план, укреплявший просоветскую ориентацию в экономической сфере². Новые же угрозы, связанные в первую очередь с острым противостоянием со странами-членами Коминформбюро, грозящим перерасти в открытое вооруженное столкновение становились приоритетными. Живым воплощением данной угрозы служили многочисленные пограничные инциденты в 1948–1949 гг.³

Исходя из сложившейся новой внешнеполитической конъюнктуры в 1949 г. был принят оборонный план «Бисер», направленный в первую очередь не на отражение угрозы на южном и северо-западном направлении (что предполагал план «Максимум»), а со стороны СССР и его союзников в Юго-Восточной Европе⁴. В связи с новыми угрозами фокус пятилетнего плана развития экономики в значительной степени сместился на собственный военно-промышленный комплекс и наиболее важные инфраструктурные проекты⁵. Интересным аспектом данных экономических изменений стал курс на строительство военных предприятий в Боснии, как наиболее защищенной от потенциального советского вторжения республике.

К первой половине 1950-х годов фактор общей угрозы со стороны СССР и союзных ему стран, привел к сближению ФНРЮ с Соединенными Штатами Америки. В 1951 г. Югославия присоединилась к программе МДАР⁶, по которой начала получать прямую военную помощь от США, а американские политики всерьез делали ставку на трансформацию режима в Белграде⁷. Своеобразным же апогеем сотрудничества в военной сфере можно считать попытку создания Балканского пакта — военного блока ФНРЮ, Греции и Турции, переговоры о котором велись до 1954 г.⁸

Американскую сторону в двустороннем сотрудничестве с ФНРЮ, с военной точки зрения, интересовала в первую очередь защита силами югославской армии так называемых «Люблянских ворот» — области в Словении и Хорватии, через которую советские части, дислоцированные в Австрии и Венгрии,

могли достаточно быстро выйти в Северную Италию⁹. Этот вопрос обсуждался на переговорах югославской военной делегации, возглавляемой Кочей Поповичем, с Дуайтом Эйзенхауэром в Париже в июне 1951 г., а также в деятельности миссий американских генералов Коллинса (1951 г.), Хенди (1952 г.)¹⁰ и постоянной миссии американской армии в Югославии во главе с Хармони (1951–1956 гг.)¹¹. Американская сторона настаивала на координации действий югославской армии и армий стран-членов НАТО по обороне данной области на уровне штабов. В то же время в Вашингтоне не слишком высоко оценивали возможности югославской армии по сдерживанию потенциального советского вторжения без внешней поддержки ввиду материально-технического состояния армии, а также дефицита кадров¹². При этом сама вероятность данного вторжения на начало 1950-х годов расценивалась как достаточно невысокая¹³.

С 1952 г. большая часть наиболее современных образцов военной техники, поставляемой американской стороной в ФНРЮ, таких как танки М47¹⁴, истребители-бомбардировщики F-84¹⁵, размещались в прикрывающей «Люблянские ворота» пятой военной области Югославской народной армии, а югославские офицеры обучались в Соединенных Штатах¹⁶.

Следует отметить что, несмотря на совпадение общих стратегических интересов двух стран (сдерживание советской угрозы), их непосредственные задачи различались. Так, защита «Люблянских ворот» противоречила югославским оборонным концепциям, согласно которым своеобразным ядром обороны должны были стать горные районы внутри страны, в первую очередь в НР Босния и Герцеговина¹⁷. Кроме того, югославские военные были явно недовольны качеством поставляемой им техники. Настойчивое желание югославов получить как можно больше современных образцов вооружений привело к дискуссии в конгрессе США, что лишь подстегивало недовольство американского истеблишмента¹⁸.

Можно сделать вывод, что несовпадение ожиданий и интересов двух сторон в сфере обороны способствовало политике дистанцирования ФНРЮ от НАТО. В то же время стремление советского руководства к нормализации отношений

после смерти И.В. Сталина дало Югославии возможность для очередного политического маневра и укрепления суверенитета, в том числе в вопросах безопасности в Европе¹⁹.

Примечания

- ¹ *Животић А.* Југословенско-совјетске војне супротности (1947–1957). Београд, 2015. С. 145.
- ² Закон о пятилетнем плане развития народного хозяйства Федеративной народной республики Югославии на 1947–1951 гг. Белград: Дирекция информации при правительстве ФНРЮ, 1947. С. 69.
- ³ *Терзић М., Басера М., Тасић Д.* Информбиро и Југословенска (народна) армија. Зборник докумената. Београд, 2015. С. 195–203.
- ⁴ Military and political information on Yugoslavia. Current Intelligence Staff Study. Office of Current Intelligence. 18.10.1951 [Электронный источник] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009000260006-5.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).
- ⁵ *Шахин Ю.В.* Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М: ЛКИ, 2008. С. 150.
- ⁶ Foreign relation of United States 1952–1954, Eastern Europe. Washington DC: United States Government Printing Office, 1988. Vol. VIII. P. 406.
- ⁷ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC: United States government printing office, 1952. P. 637.
- ⁸ *Вогетић Д.* Југославija i Запад, 1952–1955. Југословенско приближавање НАТО-у. Београд: Службени list SRJ, 2000. С.110.
- ⁹ *Dimitrijević B.* Југословенска народна армија, 1945–1959. Београд: Institut za noviju istoriju Srbije, 2014. С. 263–269.
- ¹⁰ Ibid. С. 229.
- ¹¹ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC: United States government printing office, 1954. P. 111.
- ¹² NIE-29: Probability of an invasion of Yugoslavia in 1951 (Draft for the IAC) [Электронный источник] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A000700040012-6.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
- ¹³ G-2 Contribution to NIE-29/2: Probability of ab attack on Yugoslavia in 1951 [Электронный источник] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A000800020005-5.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
- ¹⁴ *Dimitrijević B.* Модернизација и интервенција југословенске оклопне јединице, 1945–2006. Београд, 2010. С. 58.
- ¹⁵ *Dimitrijević B.* Југословенско ратно ваздухопловство, 1942–1992. Београд: Institut za noviju istoriju Srbije, 2006. С. 360–361
- ¹⁶ Ibid. С.140–141.
- ¹⁷ *Терзић М., Басера М., Тасић Д.* Информбиро и Југословенска (народна) армија. С. 323–325.
- ¹⁸ *Лакович И.* Переориентација југославской военной политики (1956–1961) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. №11. С. 215–216.
- ¹⁹ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 291.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.19

Хартия 77 и еврокоммунисты

Татьяна Владимировна Рутковская

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: rutkovskaya.tanya@yandex.ru

Ключевые слова: Чехословакия, диссиденты, еврокоммунизм

Charter 77 and Eurocommunists

Tatiana V. Rutkovskaya

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: rutkovskaya.tanya@yandex.ru

Keywords: Czechoslovakia, dissidents, Eurocommunism

Начиная с 1950-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы происходил ряд кризисов. Они не получили полного позитивного разрешения, наоборот, правительства проводили политику «закручивания гаек», тем самым показав неготовность к переменам и лишь способность слепо копировать советский опыт. В связи с этим одним из ключевых процессов в странах социалистического лагеря стало формирование диссидентского движения. В Чехословакии во второй половине 1970-х гг. сформировалась группа диссидентов, получившая название по программному документу — Хартия 77. Важное направление деятельности данной группы заключалось в налаживании контактов с различными политическими и культурными деятелями Запада.

Чехословацкая Хартия 77, как известно, не выступала против свержения режима или отстранения от власти коммунистической партии. Ее представители были сторонниками

диалога с властью и проведения реформ. Поэтому, собственно, первые адресаты в Западной Европе, с кем они налаживали первые контакты — это именно коммунистические партии. Хартистов ожидал довольно теплый прием, особенно со стороны итальянской, французской и испанской партий, которые симпатизировали программе Александра Дубчека, Пражской весне и осудили вторжение стран Варшавского договора 1968 г. в Чехословакию. С 1975 г. эти же партии начали разработку концепции демократического и плюралистического социализма и самостоятельного пути к нему, на что их во многом вдохновила именно программа Дубчека, предполагавшая демократическое обновление социализма, децентрализацию экономики и расширение прав и свобод граждан¹. Этот курс европейских коммунистических партий, независимый от Коммунистической партии Советского Союза, в 1970–1980-е гг. получил название «еврокоммунизма». Традиционно к числу «еврокоммунистических» партий причисляют Итальянскую коммунистическую партию, Французскую коммунистическую партию и Коммунистическую партию Испании². Советский Союз делал попытки предотвратить расхождение своего курса с европейскими коммунистами, на что было направлено, например, Совещание рабочих и коммунистических партий в Москве в 1969 г., однако ощутимых результатов данная акция не принесла. В течение следующих восьми лет предпринимались попытки поиска общих точек, встреч и совещаний, также не слишком успешных. Окончательное международное политическое оформление еврокоммунизм получил в 1977 г. на встрече в Мадриде генеральных секретарей коммунистических партий Италии, Испании и Франции — Энрико Берлингуэра, Сантьяго Каррилльо и Жоржа Марше.

Обращения хартистов к партиям не остались без ответа. Жорж Марше осудил КПЧ за преследование диссидентов³, Итальянская коммунистическая партия неоднократно выражала протест против вторжения армий стран Варшавского договора в 1968 г.⁴ и судебных процессов против хартистов⁵.

Однако не всегда коммунистические партии безоговорочно поддерживали чехословацких диссидентов. 6 декабря

1978 г. на границе с Польшей во время встречи с польскими диссидентами был арестован Ян Шабата⁶. Через два месяца его сын Вацлав Шабата прибыл с визитом в Париж. Он написал ряд писем — Генеральному секретарю Французской коммунистической партии Жоржу Марше, первому секретарю Социалистической партии Франции Франсуа Миттерану, генеральному секретарю Коммунистической партии Испании Сантьяго Каррильо, председателю Социалистического интернационала Вилли Брандту — с просьбой о встрече⁷. Также хартистами было направлено обращение к Вилли Брандту и еще шестерым европейским социал-демократам с призывом вмешаться в процесс над Яном Шабатой⁸. Встреча В. Шабаты с лидерами Социалистической партии Франции состоялась, на ней обсуждалась судьба Яна Шабаты, положение хартистов, ситуация в Чехословакии в общем и ряд судебных процессов над студентами. Также руководство партии заверило Шабату в дальнейшей поддержке. В. Шабата также был принят в штаб-квартире Французской демократической конфедерации труда, которая тоже подтвердила свою готовность оказывать поддержку хартистам.

Руководство же Французской коммунистической партии заявило, что не получало, ни оригинала, ни даже копии письма Вацлава Шабаты. Более того, оно посчитало, что со стороны сына было бесчестно использовать судьбу отца для «подобного безобразия»⁹. Коммунистическая партия Чехословакии поддерживала позицию французских коммунистов¹⁰.

Почти годом ранее *Le Monde* опубликовала статью о событиях 1968 г. в Чехословакии и их последствиях. В статье упоминалось, что Жак Дени, член ЦК Французской коммунистической партии, уклонился от ответа на вопрос согласится ли его партия теперь, через десять лет, обратиться к Кремлю с прямой просьбой вывести войска с территории Чехословакии.

Таким образом, как мы видим, руководство Французской коммунистической партии не всегда безоговорочно выступало в поддержку хартистов. Их взаимоотношения осложнялись проблемой отношений еврокоммунистов с СССР.

С одной стороны, 1968 год дал толчок к началу открытой критики еврокоммунистами некоторых аспектов советской политики. Французский философ Жан Франсуа Ревель сравнил отношения европейских коммунистических партий и КПСС с семейными: еврокоммунисты время от времени критикуют Москву, не порывая связей окончательно, так же, как муж и жена ссорятся, но не подают на развод¹¹. Так, итальянские коммунисты резко осудили советское вторжение в Афганистан, в то время как Жорж Марше во время встречи с Л.И. Брежневым в 1979 г. одобрил эту акцию «международной солидарности» в борьбе с «империализмом»¹².

Таким образом, поддержка хартистов еврокоммунистами носила избирательный и непостоянный характер, а внешняя критика ими Советского Союза при сохранении такой «ситуативной» солидарности была продиктована необходимостью отмежеваться от СССР при совершении им акций, вызывавших откровенное возмущение широкой общественности, с целью не потерять популярность.

Примечания

- ¹ *Skilling G.* Socialism and Human Rights: Charter 77 and the Prague Spring // *Revue Canadienne des Slavistes*. 1978. Vol. 20. N 2 (June 1978). P. 170.
- ² *Попов Л.Б.* Воспоминания о еврокоммунизме. М., 2008. С. 29.
- ³ French party attacks Czech repression // *The Times*. 1977. 26 I.
- ⁴ *The Times*. 1977. 15 I.
- ⁵ M. Hajek: le pouvoir reconnaît maintenant que la Charte 77 est “à la limite de la limite de la légalité” // *Le Monde*. 1977. 21 X. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1977/10/21/m-hajek-le-pouvoir-reconnait-maintenant-que-la-charte-77-est-a-la-limite-de-la-limite-de-la-legalite_2879635_1819218.html (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁶ M. Sabata, porte-parole de la Charte 77 est inculpé de résistance à la force publique // *Le Monde*. 1978. 6 X. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1978/10/06/m-sabata-porte-parole-de-la-charte-77-est-incepue-de-resistance-a-la-force-publique_2976472_1819218.html (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁷ Le fils de Jaroslav Sabata cherche à Paris l'appui de P.C. du P.S. // *Le Monde*. 1978. 28 XI. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1978/11/28/le-fils-de-jaroslav-sabata-cherche-a-paris-l-appui-du-p-c-et-du-p-s_2996331_1819218.html (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁸ Des personnalités demandent à six dirigeants socialistes européens d'intervenir en faveur de M. Sabota // *Le Monde*. 1978. 18 X. URL: <https://www.lemonde.fr/>

archives/article/1978/11/18/des-personnalites-demandent-a-six-dirigeants-socialistes-europeens-d-intervenir-en-faveur-de-m-sabota_2996889_1819218.html (дата обращения: 15.04.2023).

- ¹ M. Vaclav Sabata veut attirer l'attention de l'opinion en France sur le sort des prisonniers politiques tchécoslovaques // Le Monde. 1978. 1 XII. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1978/12/01/m-vaclav-sabata-veut-attirer-l-attention-de-l-opinion-en-france-sur-le-sort-des-prisonniers-politiques-tchecoslovaques_2984418_1819218.html (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹⁰ Tchécoslovaquie // Le Monde. 1978. 6 XII.
- ¹¹ Revel J.-F. The Myths of Eurocommunism // Foreign Affairs. 1978. Vol. 56. N. 2. P. 302.
- ¹² Les relations avec le PCF: effacer de mauvais souvenirs 05.10.1985.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.20

Движение неприсоединения во внешней политике Югославии в 1980-е годы

Екатерина Петровна Каткова

СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ekaterinak.17@gmail.com

Ключевые слова: СФРЮ, Будимир Лончар, нейтрализм, вне-
блоковость, страны третьего мира

The Non-Aligned Movement in Yugoslav Foreign Policy in the 1980s

Ekaterina P. Katkova

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”
(ETU, ETU “LETI”),
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ekaterinak.17@gmail.com

Keywords: SFRY, Budimir Lončar, neutralism, non-bloc, “third
world” countries

Участие в Движении неприсоединения (ДН) вплоть до конца 1980-х годов оставалось приоритетным направлением внешней политики СФРЮ, но прежде всего в теоретическом и декларативном планах. Дело в том, что в это время само движение переживало острый внутренний кризис, вызванный, в частности, различием в позиции его членов относительно ввода советских войск в Афганистан и ряда других локальных вооруженных конфликтов. С момента создания для движения особо важную роль играл фактор харизматичной личности, однако новое десятилетие не смогло предложить ему столь ярких политических лидеров, каковыми являлись Йосип Броз Тито, Гамаль Абдель Насер или Джавахарлал Неру. В этой связи после смерти Тито авторитет Югославии, с ее сложно организованным коллективным руководством и постоянно сменяемыми председателями Президиума, внутри ДН неуклонно падал.

В 1981 г. в Югославии торжественно праздновалось двадцатилетие Движения неприсоединения. Широкий размах мероприятий, приуроченных к этому событию, должен был еще раз подчеркнуть его краеугольную значимость для внешней политики страны. Однако пессимистические прогнозы и оценки будущего ДН омрачали атмосферу праздника и побуждали югославское руководство к переосмыслению своей роли в нем, на что оно шло весьма неохотно из страха перед необходимостью всеобъемлющих изменений и пересмотра титовского наследия.

К числу наиболее острых внутренних проблем функционирования и развития ДН югославская дипломатия относила умножение споров и конфликтов между его участниками; ограниченность возможностей, недостаточность эффективности и динамичности в решении международных кризисов; трудности практической реализации выработанных решений, низкий уровень двусторонних и многосторонних экономических связей участников движения и пр.¹

Возникновение все новых и новых проблем и противоречий между участниками движения вызывали особую озабоченность Югославии, считавшей единство неприсоединив-

шихся стран его стратегической целью². При этом единство в понимании югославского руководства заключалось отнюдь не в нереалистичной гомогенности и не в единообразном подходе ко всем международным проблемам, но в равноправии и «общности долгосрочных интересов»³.

Югославия являлась последовательной сторонницей демократизации взаимоотношений и развития системы консенсуса в ДН; интенсификации сотрудничества неприсоединившихся стран как на многосторонней, так и на двусторонней основе и прежде всего — в области торгово-экономических отношений. Последний пункт Белград рассматривал как стратегический, поскольку считал, что упрочение экономических связей с неприсоединившимися странами станет гарантом сохранения и укрепления независимости самой Югославии, о чем гласили, в частности, программные документы XIII Съезда СКЮ 1986 г.⁴

Большое внимание Югославией придавалось оказанию помощи национально-освободительной борьбе народов за независимость: «СФРЮ всегда ставила на первый план своей внешней политики борьбу за самоопределение и освобождение народов, за ликвидацию колониализма, расовой дискриминации и апартеида»⁵. В 1980-х годах она продолжала предоставлять им не только моральную и дипломатическую поддержку, но также кадровую, материальную и гуманитарную, включавшую поставки продовольствия, одежды, лекарств и медицинского оборудования, транспортных средств; транспортировку тяжело раненых участников национально-освободительной борьбы для их дальнейшего лечения в Югославии⁶ и т. д.

Движение неприсоединения представлялось югославскому руководству также удобной площадкой для декларации и отстаивания своих внешнеполитических интересов. Будучи одним из рупоров ДН, Югославия настаивала на необходимости становления нового мирового экономического порядка, прекращения гонки вооружения, всеобъемлющего разоружения и снижения оборонных расходов в бюджетах великих держав; усиления взаимосвязи и взаимозависимости

Европы и других частей мира; укрепления сотрудничества между развитыми и развивающимися странами и увеличения международной помощи последним. Требуя от сверхдержав всего вышеупомянутого от лица движения, Югославия, по сути, обеспечивала гарантии для себя. Естественно, что дипломатия СФРЮ чувствовала себя гораздо увереннее, являясь одним из лидеров крупнейшего мирового сообщества развивающихся государств, чем просто дипломатией периферийной восточноевропейской страны: «Без провозглашения политики неприсоединения и широкого сотрудничества с рядом неприсоединившихся стран Югославия бы объективно занимала скромное политическое место на европейской периферии»⁷.

Неоценима заслуга Югославии и ее политических лидеров, которые одними из первых стали открыто и порой довольно резко заявлять о необходимости модернизации и повышения эффективности ДН по принципу «меньше декларативности, а больше реальной активности». Последовательным и решительным сторонником и проводником таких преобразований стал один из наиболее влиятельных чиновников в федеральном руководстве в 1988–1991 гг., последний глава югославской дипломатии Будимир Лончар.

По мнению Лончара, определяющее значение в деятельности ДН должно было придаваться международным экономическим и финансовым вопросам, а в процессе их обсуждения с развитыми странами неприсоединившимся следовало подчеркивать взаимозависимость международных экономических отношений со стабильностью и безопасностью, проявляя при этом «гибкость», «прагматичность» и «реалистичность»⁸. Вторым по важности направлением деятельности ДН предполагалось содействие в разрешении конфликтов в горячих точках и в первую очередь тогда, когда их участниками являлись члены ДН. Более активной должна была стать роль ДН в борьбе за права человека, обеспечение равного доступа к достижениям науки и техники для всего человечества; в защите окружающей среды, борьбе против терроризма, наркотрафика и смертельных болезней⁹.

С 4 по 7 сентября 1989 г. в белградском «Сава-центре» проходила IX Конференция неприсоединившихся стран, ставшая самой представительной в истории движения: в ней приняли участие 172 делегации¹⁰. Проведение очередной конференции ДН в Югославии рассматривалось ее верхами как «большая возможность в условиях, когда о нас [о Югославии. — *Е. К.*] судят только по нашим неприятностям, стать утвердительным фактором международных отношений»¹¹, то есть напомнить о своей былой созидательной роли в международных отношениях и предложить новое их видение сверхдержавам и остальному миру. Стремление СФРЮ модернизировать и «осовременить» ДН демонстрировали то, насколько важное место оно занимало в ее внешней политике и то, сколько планов с членством в нем связывалось в дальнейшем.

Несомненен вклад Югославии в разработку обновленной концепции Движения неприсоединения и выработку платформы действий этого крупнейшего межгосударственного политического объединения. Именно Югославия настояла на сокращении объемов, деидеологизации и конкретизации рабочих документов конференции, деформализации работы.

Как новый председатель движения, СФРЮ брала на себя обязательства по расширению его присутствия в международных отношениях, поиску «новых решений в горячих точках» и инициации «новых процессов»¹² для урегулирования существующих проблем. Перед Югославией стояла задача защиты «жизненно важных интересов целого международного сообщества»¹³. Впрочем, дальше деклараций дело так и не продвинулось — обострение дезинтеграционных процессов внутри Югославии и распад социалистического лагеря поставили точку на ее грандиозных планах в ДН.

Таким образом, место Движения неприсоединения во внешней политике Югославии в 1980-е годы можно определить как неоднозначное. За Белградом, как за одним из создателей и организаторов движения, сохранялось формальное лидерство, в то время как практическая значимость участия страны в движении падала как для самого ДН, так и для СФРЮ.

Естественным образом Югославия начинала тяготеть к европейскому сообществу, способному оказать ей действенную помощь в преодолении внутренних проблем.

Примечания

- ¹ Несврстани покрет не одустаје пред тешкоћама // Политика. 18. децембар 1980. С. 2.
- ² См.: *Tadić B., Damian A. Pokret nesvrstanosti i sukobi među nesvrstanim zemljama.* Beograd, 1987.
- ³ *Мировой социализм и Движение неприсоединения / отв. ред. И.И. Коваленко, Р.А. Тузмухамедов. М., 1988. С. 171.*
- ⁴ Там же. С. 186.
- ⁵ *Antikolonijalna revolucija, socialna politička i ekonomska emancipacija u svetu.* Beograd, 1986. S. 47.
- ⁶ Ibid. S. 48.
- ⁷ *Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao.* 1983. Vol. XX. N. 4. S. 29.
- ⁸ *Нова доба и за несврстане // Политика. 1988. 7 VII. С. 1.*
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Од Београда до Београда // Политика. 1989. 4 IX. С. 2.*
- ¹¹ *Нови прилаз несврстаних // Политика. 1989. 13 VII. С. 2.*
- ¹² Там же.
- ¹³ *Посебне обавезе Југославије као председавајућег покрета // Политика. 1989. 20 X. С. 2.*

ОБРАЗ «ДРУТОГО» В РЕЛИГИОЗНЫХ И МИРСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.21

Мусульманское право Османской империи в житиях балканских мучеников XVI в.

Никита Владимирович Евстафьев

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Ключевые слова: Османская империя, мусульманское право, жития святых, св. Николай Новый Софийский, св. Георгий Новый Софийский

Islamic Law of the Ottoman Empire in the Vitae of the Balkan Martyrs of the XVIth Century

Nikita V. Evstafyev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Keywords: The Ottoman Empire, Islamic Law, the Vitae of Saints, St. Nicholas the New of Sofia, St. George the New of Sofia

В истории балканских христиан XVI столетие отмечено большим числом мучеников, пострадавших за веру от рук османских властей. Подвиги таких святых, как Николай Новый Софийский¹, Георгий Новый Кратовец (Софийский)², Иоанн Серрский³, Антоний Супрасльский⁴ были запечатлены в соответствующей житийной литературе, которая в той или иной степени проливает свет на положение подвласт-

ного Османской империи христианского населения. Вместе с тем, жития, хотя и дают общие представления о межконфессиональных отношениях христиан и мусульман, но как сочинения религиозного характера, конечно, не являются объективными. Кроме того, необходимо помнить, что жития мучеников — это литературные произведения, построенные по определенным жанровым канонам и потому не отражающие в полной мере действительность. Отсюда возникает закономерный вопрос: насколько точно жития описывают ситуацию, сложившуюся в Османской империи в XVI в., и в частности, практику кадийского суда? Верно ли агиография передает особенности мусульманского права Османской империи?

Для начала необходимо определиться с тем, что Османская империя, как и большинство других суннитских мусульманских государств, в судопроизводстве опиралась на ханафитский мазхаб, то есть на ханафитскую правовую школу — одну из нескольких религиозно-правовых школ суннитского ислама, имеющих разное представление об обрядовой и правовой практике. Ханафитский мазхаб является одним из наиболее терпимых к иноверию и мягких по отношению к вероотступникам и богохульникам⁵. Поскольку героев балканских житий чаще всего судят именно по этим двум преступлениям, стоит выяснить, насколько описанные в агиографических сочинениях меры османских властей и кадия соответствуют правовым нормам ханафитского мазхаба.

По мусульманскому праву вероотступничество от ислама карается смертью, исключением из общины и лишением имущества в пользу государства. Однако ханафиты в то же время полагают, что вероотступник, особенно, если сам он не родился мусульманином, может быть прощен в случае возвращения в ислам⁶. Для этого на определенный срок (обычно три дня) его помещают в темницу, и, пока он находится там, представители мусульманской общины всячески убеждают его вернуться к «истинной вере». Хотя такая практика применялась не всегда и не была обязательной, она, например, упоминается в османском судебном документе

середины XVI в., связанном с вероотступничеством одного еврея, принявшего ислам⁷.

Подобный пример можно найти и в житии св. Николая Нового, которого обманом обратили в мусульманскую веру. Когда Николай, не признавший своего обращения в ислам, в присутствии «агарян» объявил себя верным христианином, представитель мусульманского духовенства* («хулы ревнителя от чина измайлтъскъ») не приказал тотчас схватить его, а попросил одуматься: он готов был простить Николая как неопита, еще не до конца утвердившегося в вере. Лишь после того, как Николай отверг все эти увещевания, разъяренная толпа мусульман силой притащила его на суд к кадию⁸. Однако и здесь ситуация оставалась неоднозначной. Николай пытался апеллировать к суду, указывая на невозможность принудительного обращения человека в ислам — а именно это и произошло с самим Николаем, которого знакомые мусульмане пригласили на пир, там напоили и насильно обратили в свою веру. Судья, не готовый пока вынести твердого решения, отправил Николая в темницу — как раз для того, чтобы тот мог одуматься и «вернуться» в ислам. Еще несколько раз Николая вызывали на суд и отправляли обратно в темницу, пока окончательно не вынесли смертельный приговор⁹. Таким образом мы видим, что, зафиксированное в ханафитском мазхабе право вероотступника соблюдается и по отношению к герою христианского жития.

Одним из самых распространенных элементов житий балканских мучеников, несомненно, является религиозный диспут между героем сочинения, то есть христианином и членами мусульманской общины, а также представителями османской власти, нередко самим кадием. Разумеется, подобные диспуты не могли не привести к хуле на пророка и Аллаха со стороны будущего христианского мученика. Богохульство «неверных» в исламе, даже в соответствии с ханафитским мазхабом, должно караться смертью, причем,

* «Мусульманское духовенство» — это условный термин, однако допустимый для весьма структурированного османского общества.

в отличие от вероотступника, к богохульнику нет никакого снисхождения. Однако существовал все-таки способ избежать наказания: необходимо было на суде признать, что хула была произнесена в помешательстве¹⁰. Такую возможность фактически упоминают и авторы житий балканских мучеников.

Так, в житии св. Георгия Нового, которого судили как раз за богохульство, кадий, не желавший понапрасну губить христианского юношу, готов был предоставить ему способ избежать гибели: для начала Георгий должен был хотя бы извиниться за хулу, однако христианин, стремясь к мученической смерти, отверг данное предложение¹¹. А в житии уже упомянутого св. Николая Софийского и вовсе встречается прямая отсылка к мусульманскому праву: судья советовал будущему святому, который чересчур активно защищался от обвинений и отстаивал свою веру, «не говорить в помешательстве» («не много глаголы въ буистве»), потому что кадий не хотел, чтобы Николай понапрасну сгинул¹².

Таким образом, описанные в агиографических сочинениях (особенно, в пространном житии св. Николая Нового) ситуации не были просто выдуманы авторами житий, а имели реальную основу в самом мусульманском праве ханафитского мазхаба. Определенная веротерпимость (в сравнении с другими мусульманскими правовыми школами) ханафитов, достаточно снисходительное отношение к совершаемым неофитами ошибкам и даже к вероотступничеству новообращенных, возможность избежать наказания за богохульство — все эти примеры, как удалось выяснить, достаточно верно описаны в рассматриваемой агиографической литературе, что подчеркивает ценность житий христианских мучеников как одного из немногих православных источников по истории межконфессиональных отношений в Османской империи XVI в.

Примечания

- ¹ *Цибранска-Костова М.* Святой и общество: конфликты и ценности («Житие святого Николая Нового Софийского» Матвея Грамматика, XVI в.) // Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И.А. Седакова. М., 2019.
- ² *Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000; *Турилов А.А., Темелски Хр.* Георгий Новый Кратовский // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). М., 2009. Т. 11. С. 70.
- ³ Иоанн Серрский // ПЭ. М., 2015. Т. 24. С. 608.
- ⁴ *Турилов А.А.* Антоний Супрасльский // ПЭ. М., 2008. Т. 2. С. 680; *Турилов А.А.* Житие преподобномученика Антония Супрасльского и славянские жития балканских мучеников XVI в.: К постановке проблемы // Wiener Slawistischer Almanach. 2013. Bd. 12. С. 265–275.
- ⁵ *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций). Л., 1966. С. 136–138; *Журавский А.В.* Введение в ислам: 12 лекций для проекта Магистерия. М., 2019. С. 69.
- ⁶ Причем, по некоторым факихам только к бывшим христианам и иудеям, то есть тем, кто не родился в исламе, стоит относиться со снисхождением, ведь их вероотступничество может считаться «рецидивом прежних верований». См.: Там же. С. 171.
- ⁷ *Градева Р.* Към въпроса за религиозната атмосфера в Османската империя: София в средата на XVI век. // Българският шестнадесети век / ред. Б. Христова и др. София: НБКМ, 1996. С. 152; 167–168.
- ⁸ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик // Стара българска литература / Съст.: Кл. Иванова. София, 1986. Т. 4. Житиеписни творби. С. 342–343; *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 81. № 2). С. 86–87.
- ⁹ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 366–374; *Сырку П.А.* Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. С. 125–135.
- ¹⁰ *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране. С. 173.
- ¹¹ *Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности / Одељење језика и књижевности САНУ. 1976. Књ. 10. С. 251.
- ¹² Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 366; *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 126.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.22

«Духу Святому и исхождению Его от Отца и Сына противные»: «схизматические» казаки и «Украина» в творчестве Киприана Жоховского*

Кирилл Максимович Медведев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: kikamimi@mail.ru

Ключевые слова: антигерои, украинское казачество, религиозная полемика, Речь Посполитая

“Offensive to the Holy Spirit and His Procession from the Father and the Son”: “Schismatic” Cossacks and “Ukraine” in the Works of Kyprian Zochovskyj

Kirill M. Medvedev

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: kikamimi@mail.ru

Keywords: antiheroes, Ukrainian Cossacks, religious polemics, Polish-Lithuanian Commonwealth

В 1660–1680-е годы казацкий и «украинский» вопросы для представителей правящего класса Речи Посполитой встали особо остро, так как в них открыто вмешались Крымского ханство и Османская империя, что создало большую угрозу для самого Польско-Литовского государства. Очень

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

болезненно все это переживали представители грекокатолической церкви, так как данные политические перипетии были тесно переплетены с конфликтом между униатами и православными в Речи Посполитой¹. Поэтому неудивительно, что все это нашло яркое отражение в творчестве (проповедях, полемических произведениях) одного из выдающихся деятелей униатской церкви в Речи Посполитой в XVII в. Киприана Жоховского, униатского митрополита в 1674–1693 гг.².

Следует начать с того, что в польской литературе XVI–XVII вв. по политическим причинам очень популярным стало приписывание «московитам» «*Graeca fides*», то есть перенесение античного римского стереотипа о «вероломстве» и «неверности» греков на своего восточного соседа из-за его православной «греческой веры» (очевидно, что в данном случае польские авторы воспринимали католическую Речь Посполитую как наследницу Рима)³. Это справедливо и по отношению к образу «украинских» казаков и «Украины» в польской литературе того времени, что нашло очень яркое отражение под пером Киприана Жоховского. Так, он открыто проводил параллели между Грецией и «Украиной» и писал об «Украине греческой, зараженной схизмой»⁴. Православному же населению «Украинь» Жоховский приписывал «неверность» и «своеволие». Об «украинских» казаках Жоховский в 1669 г. в проповеди в память о католическом мученике Иосафате Кунцевиче, прочтенной перед королем и сенаторами в Вавельском соборе, говорил, что это «люди, Духу Святому и исхождению Его от Отца и Сына противные», которых берет под свое покровительство османский «тиран». Он также ставил их в один ряд с другими «врагами Креста Святого», ополчившимися против христианства: еретиками, татарами и турками⁵. В 1671 г. в проповеди в Вильно Киприан Жоховский просил св. Казимира о возвращении в лоно католической монархии украинских земель, «оторванных своеволием хлопским [и] казацким»⁶. Как мы видим, говоря о «схизматических» казаках, Киприан Жоховский прямо связывал их не только с «нехристями», но и с «хлопством» и «чернью», опи-

сывая как «невежественных» и «диких» людей⁷. Интересно, что уже в 1680 г. в полемике с православными иерархами он обвинял их в неверности Речи Посполитой, ссылаясь на пример монаха Гедеона (в миру — Юрия) Хмельницкого (сына Богдана Хмельницкого), который якобы перед ним принял унию, но после сбежал на «Украину» и там «устроил монархам войны». Также Жоховский говорил о невежественности православных и их многочисленных «суевериях»: их книги являются собраниями всевозможных «басен», прямо как «талмуды еврейские», «схизматики» слишком пекутся о своих «традиционных» обрядах, забывая о главном — вере, а также постоянно радеют о «неразумной черни»⁸.

Проводя параллели между Грецией и «Украиной», Жоховский в рамках традиционного для католических и униатских авторов дискурса утверждал, что так же, как завоевание Греции турками за отпадение от «истинной церкви» и «схизму»⁹, владычество «магометан» над «Украиной» и ее разорение является Господним наказанием за все «грехи» местных «схизматиков». Так, в проповеди в Вильно в 1667 г. во время торжеств по случаю возвращения в Полоцк через Вильно мощей Иосафата Кунцевича он цитировал некоего итальянского монаха, говоря о том, что «ибо угодно Господу, чтобы на Украине людей не было», и утверждал, что ныне «схизматические» казаки претерпевают страшные мучения от татар именно за грех убийства Иосафата, однако Жоховский умолял того больше не мстить им и даровать святую унию¹⁰. Но в 1669 г., после принятия правобережным гетманом Петром Дорошенко османского вассалитета, Киприан Жоховский, судя по всему, уже не предполагал для казаков никакого «прощения», и в проповеди перед королем и сенаторами, снова приводя ту же цитату итальянского монаха, просил Иосафата Кунцевича очистить «Украину» от всех врагов католической веры¹¹. В 1672 г. он, обращаясь к князю Александру Янушу Заславскому-Острожскому, снова утверждал, что «греческой Украине» нужно очищение от «схизмы»¹². Уже в 1680 г., полемизируя с православными иерархами Речи Посполитой и убеждая их принять унию,

Киприан Жоховский молил Богородицу сохранить «голова и шеи того народа русского для поклонения наместнику Сына твоего, яснейшему Папе Римскому» и не дать им оказаться под турецкой саблей, как это случилось с греками¹³.

Как мы видим, в творчестве Киприана Жоховского очень ярко проявилось неприятие «схизматических» казаков и населения «Украины» как «дикой», «своевольной» и «вероломной» «черни», что во многом объяснялось их «*Graeca fides*», то есть конфессиональной принадлежностью. Вообще, изучение репрезентаций образа украинских земель и их жителей в польской литературе времен Речи Посполитой (и не только) представляется очень перспективным и заслуживает отдельного исследования.

Примечания

- ¹ Так, правобережный гетман Петр Дорошенко, одно время воевавший против поляков в союзе с крымскими татарами, а в 1669 г. признавший себя вассалом Османского султана, как и предыдущие гетманы, традиционно выступал в защиту православной церкви и за уничтожение унии. Подробнее об этом см., например: *Яковенко Н.* Очерки истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. С. 504–508, 511–517.
- ² Его биографию см.: *Назарко І.* Київські і Галицькі Митрополити: біографічні нариси (1590–1960). Торонто, 1962. С. 59–68; *Петрушко В.И.* Жоховский Киприан // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 369–371.
- ³ *Krzywy R.* *Graeca fides* a moskiewska wiarołomność w dyskursie staropolskim — z dziejów stereotypu // *Przegląd Filozoficzno-Literacki*. 2017. N. 3–4 (48). S. 485–500.
- ⁴ *Żochowski C.* Dobry pasterz w żywoćie y śmierći, to iest b. Iozaphat Kvncewicz. Kraków, [post 15 XI 1669]. K. D; *Idem.* Pasowany Od Chrystvsa Na Ziemi, A, Za Przewazne Rycerskie Dzieła, W Niebie Tyarą Chwały Ukoronowany Kawaler X[ią]że Gandey Borgiasz Franciszek. Wilno, 1672. K. A2.
- ⁵ *Żochowski C.* Dobry pasterz w żywoćie y śmierći, to iest b. Iozaphat Kvncewicz. Kraków, [post 15 XI 1669]. K. D.
- ⁶ *Żochowski C.* Panna krolewicz Kazimierz święty z lilią y crvcifhem w ręce. Wilno, [post 11 III 1671]. K. C2.
- ⁷ В средневековой литературе было очень популярным изображение крестьян и «черни» как «диких» и «невежественных» людей. Подробнее об этом, например, см.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 363–367.
- ⁸ *Żochowski C.* *Colloqvivm Ivbelskie*. Lwów, [post 10 IV 1680]. S. 69–75.
- ⁹ Подробнее о трактовке истории Византии католическими и униатскими авторами в Речи Посполитой см., например: *Воробьёв П.А.* Образ Византии

в нарративах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (XV — первая половина XVII века) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 1. С. 117–132; *Сінкевич Н.* Byzance apres Byzance: Візантія очима руських інтелектуалів кінця XVI — середини XVII ст. // *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна*. 2013. Вип. 3. С. 523–531.

¹⁰ *Боцян Й.* (єп.). Йосафатіяна: Причинки до історії почитання // *Miscellanea in honorem S. Josaphat Kuncewycz = Analecta OSBM*. Vol. VI (XII). Fasc. 1–4. 1967. P. 476–477.

¹¹ *Żochowski C.* Dobry pasterz w zywoćie y śmierći, to iest b. Iozaphat Kvncewicz. Kraków, [post 15 XI 1669]. K. D.

¹² *Żochowski C.* Pasowany Od Chrystvsa Na Ziemi, A, Za Przewazne Rycerskie Dzieła, W Niebie Tyarą Chwały Ukoronowany Kawaler X[ią]ze Gandyey Borgiasz Franciszek. Wilno, 1672. K. A2-B.

¹³ *Żochowski C.* Colloqyvm Ivbelskie. Lwów, [post 10 IV 1680]. S. 16–17.

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.23

Страх и надежда в сочинениях чешских католиков эпохи Барокко

Наталья Руслановна Белова

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: thenatusik@yandex.ru

Ключевые слова: Рекатолизация Чешских земель, Контрре-
формация, католическая церковь, барокко

Fear and Hope in the Writings of the Bohemian Catholic Authors during the Baroque Period

Natalia R. Belova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: thenatusik@yandex.ru

Keywords: Recatholization of the Czech lands, Counter-Refor-
mation, Catholic Church, baroque

Французский историк Жан Делюмо в знаменитой работе «Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.)» написал об усилении чувства страха в позднее Средневековье и преобладании пессимизма в церковном дискурсе эпохи¹. Страхи и тревоги не утихли и в раннее Новое время. В центре этого небольшого исследования — вопросы о страхах и надеждах человека XVII —

первой половины XVIII в. Источниками для работы послужили чешскоязычные сочинения, поскольку они, в отличие от латинских трактатов, ориентировались на широкие массы населения. Авторы выбранных текстов (Антонин Кониаш, Матей Виерий, Матей Вацлав Штейер) были проповедниками и миссионерами, они хорошо понимали, каким образом можно воздействовать на прихожан. Обращение к простым верующим с целью углубления их религиозности и усвоения ими основ католического вероучения, закрепленных Тридентским собором, составляли важную часть политики рекатолизации, которая после битвы у Белой горы (1620 г.) приобрела всеобщий и насильственный характер.

В раннее Новое время страх окружал человека повсюду. Католические проповедники говорили о необходимости бояться суда, ожидающего человека после смерти («И нам действительно следует бояться того суда, потому что тогда каждая душа должна дать отчет строгому судье Христу обо всех своих грехах»²). Ужас должны были вызывать вечные адские муки, избавиться от которых уже невозможно. Книга иезуита Матея Вацлава Штейера «Вечная адская темница»³ содержала яркие, легко визуализируемые образы Преисподней и разнообразных наказаний обреченных на вечное проклятие. На этом свете человека могли искушать многочисленные черти и сам Сатана, проповедники напоминали пастве, что «дьявол не дремлет и хочет, чтобы душа мыслила о суетном, а не о вечном»⁴.

Чувство страха служило инструментом воздействия на сознание верующих, заставляло их внимательнее относиться к церковным предписаниям. По словам Штейера, «для того, чтобы со славой восстать из мертвых, наиболее полезны страхи и несчастья этого мира, а не светские утешение и счастье»⁵.

В католической назидательной литературе побелогорского периода можно выделить несколько сюжетов и мотивов, которые способствовали усилению страха и тревоги у прихожан. Во-первых, предписывалось постоянно рефлексировать по поводу собственной греховности. Описывая

надлежащее благочестивому католику поведение, силезский иезуит Матей Виерий дал следующий совет: «Можешь вспоминать о своих грехах и жалеть о них; о плохих склонностях и укрощать их»⁶. Одна из глав «Вечной адской темницы» называлась «Полезно размышлять о муках Ада», в ней автор предложил в деталях представить себе мучения, ожидающие грешников в Преисподней⁷.

Во-вторых, в проповедях транслировалась мысль о трудности спасения, опиравшаяся на слова «ибо много званых, а мало избранных» из глав 20-й и 22-й Евангелия от Матфея и 14-й главы Евангелия от Луки. Таким образом, горстка праведников противопоставлялась огромному числу проклятых, оказаться среди которых гораздо проще, чем достичь спасения.

В-третьих, католическая проповедь формировала у верующих чувство вины за собственную греховность и ощущение справедливости Божьей кары. Например, в мистическом трактате «Невеста Христова» душа обращается к Богу с такими словами: «Справедливо бы меня тысячу раз проклял, если бы хотел»⁸. Устрашение людей с помощью преувеличения их вины и греховности и получило название «пастырство страха», этот способ воздействия на прихожан характерен для гомилетической литературы XVII в.⁹

Еще одним важным мотивом является презрение к миру. Доктрина *contemptus mundi* сформировалась в средневековой культуре и не утратила актуальность в эпоху Барокко¹⁰. Земная жизнь представлялась в католических текстах полной скорби и страданий, Антонин Кониаш называл мир «непосильной темницей» и «западной»¹¹.

Наконец, усилению чувства тревоги должно было способствовать и распространение образа Церкви Воинствующей (лат. *Ecclesia Militans*), закрепленного Тридентским собором и чуть позже Римским катехизисом. Церковь, в представлении католических авторов, была окружена врагами и находилась в состоянии бесконечной войны со злом («и все воевали против Церкви, пока не пали, как и до сих пор воюют те, кто остались»¹²).

Картина мира католических проповедников кажется мрачной и безрадостной, однако нельзя говорить о полном торжестве пессимизма. Авторы рассмотренных сочинений транслировали мысль о том, что каждый человек «может небесного града Иерусалима одной исповедью, причастием и молитвой достичь»¹³, то есть надежда на спасение дается всем верующим.

Образ Бога карающего в католических текстах эпохи сочетался с образом Бога милосердного («всякую надежду имей на доброту и милосердие Божие, зная, что твой возлюбленный Бог больше заботиться о твоём спасении, чем ты сама можешь»¹⁴). В «Постилле» Антонин Кониаш писал о желании Бога спасти души всех людей, даже самых страшных грешников. Для доказательства этой мысли иезуит апеллировал к третьей главе Книги пророка Малахии. Данный эпизод представляется любопытным, поскольку в этом фрагменте Господь выступал в качестве обличителя и обещал кару всем отвернувшимся от Него. Однако Антонин Кониаш выбирал из всей главы лишь слова «обратитесь ко Мне, и я обращусь к вам» (Мал. 3:7), служащие ему доказательством милосердия Бога и Его любви к людям¹⁵.

Созданию более оптимистической картины мира способствовала и вера в многочисленных заступников и помощников, коими являлись Дева Мария и святые. Обращение к ним давало надежду на милосердие Бога и возможное спасение («Никто, обратившийся к ней и ей увиденный, не может быть проклят»¹⁶). Наконец, декретами Тридентского собора была закреплена идея Чистилища. Вера в «третье место», куда отправлялись люди, умершие без смертного греха, но совершившие небольшие прегрешения, давала возможность спастись, пусть и не сразу, и избежать вечных мук¹⁷.

Таким образом, католические авторы в период побелогорской рекатолизации активно прибегали к устрашению, страх мог служить для верующих стимулом к соблюдению церковных предписаний. Но в то же время именно следование религиозным и нравственным нормам, а также безграничное милосердие Бога, давали человеку надежду на спасение. Ка-

толические проповедники, например, призывали верующих ходить в церковь и регулярно исповедоваться. Антонин Кониаш подчеркнул, что «все грехи наши уничтожаются, если мы по возможности признаемся в них на святой исповеди. Ибо Христос не будет преследовать нас за грехи, в которых мы признались и о которых от всего сердца пожалели»¹⁸. Представляется, что надежда в данном случае также может служить средством воздействия на прихожан.

Конечно, назидательная литература не может дать представление о том, насколько основы тридентского католицизма закрепились в сознании верующих, для этого необходимо обращаться к другим источникам. Например, чешский исследователь Томаш Малый, проанализировал тексты завещаний XVII–XVIII вв. и выяснил, что с первых десятилетий XVII в. в них сокращалось число упоминаний о несчастьях этого света, а обращение к грозному и карающему Богу сменялось надеждой на его милосердие¹⁹.

Примечания

- ¹ Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург, 2003. С. 749.
- ² Šteyer Matěj Václav. Postylla Katolická na dvě částky rozdělená Nedělnj a Swátečnj. Praha, 1691. S. 2.
- ³ Wěčný Pekelný Žalář, Aneb Hrozně Pekelné Muky, Obrazy a Příklady. Praha, 1676.
- ⁴ Vierius Matěj. Choť Krystowa aneb Dusse Nábožná hledagjcy swého Milého, Pána nasseho Gežjsse Krysta, gakož napomjnjá Jzaiáss řka; Hledegtež Pána, když může nalezen býti. Praha, 1680. S. 234–235.
- ⁵ Šteyer Matěj Václav. Postylla Katolická. S. 255.
- ⁶ Vierius Matěj. Choť Krystowa. S. 242.
- ⁷ Wěčný Pekelný Žalář. S. 313.
- ⁸ Vierius Matěj. Choť Krystowa. Modlitba Nábožné Duše k Bohu na způsob předmluwy.
- ⁹ Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М, 1999. С. 49.
- ¹⁰ Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века). С. 15.
- ¹¹ Koniáš Antonín. Cytaa Nowého zákona, prawého Boha w předrahých Krystowé wjry tagemstwjch, a w swatých geho lřbo-spěwně oslawugjcy. Praha, 1752. S. 616.
- ¹² Vierius Matěj. Christoslaus aneb žiwot Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člowěk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689. S. 378.

- ¹³ *Vierius Matěj*. Choť Krystowa. S. 105.
¹⁴ *Ibid.* S. 102–103.
¹⁵ *Koniáš Antonín*. Postylla, Aneb Celo-Ročnj Weykladowé, Na wssecky Nedělnj y Swâtecnj Episstoly, Též Ewangelia. Praha, 1756. S. 156.
¹⁶ *Vierius Matěj*. Choť Krystowa. S. 258.
¹⁷ *Šteyer Matěj Václav*. Postylla Katolická. S. 998–999.
¹⁸ *Koniáš Antonín*. Postylla. S. 378.
¹⁹ *Malý T.* Smrt a spása mezi Tridintinem a sekularizací (Brněnští měšťané a proměny laické zbožnosti v 17. a 18. století). Brno, 2009. S. 122.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.24

Особенности структуры чешского канционала Яна Йозефа Божана «Райский соловей»

Анна Михайловна Ланцева

Институт славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация; e-mail: lancev86@mail.ru

Ключевые слова: Канционал, Я.Й. Божан, чешская гимнография, духовные песни

The Particularities of the Structure of the Cantional “Paradise Nightingale” by J.J. Božan

Anna M. Lanceva

Institute of Slavic Culture,
The Kosygin State University of Russia,
Moscow, Russian Federation; e-mail: lancev86@mail.ru

Keywords: Cantional, J.J. Božan, Czech hymnography, sacral songs

Чешский канционал — это сборник духовных песен и церковных песнопений на чешском языке, исполнявшийся общиной верующих и церковным хором, как правило, вне литургической практики. Литературно-музыкальный жанр канционала получил окончательное художественно-стилевое оформление, особое развитие и распространение в Чехии в эпоху барокко (XVII — нач. XVIII в.) благодаря широкомасштабному процессу католической Контрреформации¹ в стране.

Ян Йозеф Божан родился в Силезском городе Фридек в 1644 г., служил священником в деревне Убочь в районе Домажлиц, 24 апреля 1683 г. перешел в Хроустовице (г. Хрудим), где продолжил служение вплоть до смерти в 1716 г.

Мы располагаем крайне скудной информацией относительно процесса создания самого сборника «Райский соловей». Божан, по-видимому, работал над сочинением много лет, однако его издание столкнулось с рядом трудностей. Одобрение церкви канционал получил только 21 марта 1716 г. Другая проблема была связана с поиском источника финансирования публикации такого объемного произведения. Все расходы, связанные с изданием канционала Божана, взял на себя граф Франтишек Антонин Шпорк — известный чешский меценат, покровитель наук и искусств и враг иезуитов, к которому, по всей видимости, с соответствующей просьбой обратился сам Божан. Публикация, тем не менее, затянулась, и составитель сборника выхода в свет своего произведения не дождался. «Райский соловей» был напечатан в 1719 г., то есть спустя три года после смерти Божана, в издательстве Вацлава Яна Тибелого, представителя знаменитого рода книгоиздателей из города Градец Кралове.

Наряду с чешскими канционалами конца XVII — первой четверти XVIII в. сборник Яна Йозефа Божана «Райский соловей»², содержащий 900 духовных песен, считается самым масштабным канционалом высокого барокко. Сборник³ состоит из предисловия автора, сорока духовных прозаических размышлений, так называемых песнопений литургического характера — *sacrum*, исполняемых на ординарии⁴ мессы,

а также духовных песен внелитургического характера. Композиция сборника подчинена литургическому календарю⁵ Католической церкви. Основные темы духовных внелитургических песен связаны с событиями Священной истории, немалое количество песен посвящено Деве Марии и земским святым патронам.

Особое место в репертуаре канционала занимают песнопения — *sacrum* на богослужебные праздники, являвшиеся частью градуалов⁶ и антифонариев⁷, преимущественно переведенные Божаном с латинского языка на чешский. В составе канционала присутствуют песнопения на Адвент, Рождество, Великий Пост, Пасхальное Триденствие, Вознесение, на праздник Божьего Тела, на праздник освящения храма Господня, на праздники, посвященные Деве Марии.

В сборник Божана включены 40 прозаических «размышлений», основная задача которых состоит в диалоге с читателем, результатом чего должна служить последующая катехизация посредством основ христианского вероучения⁸. «Размышления» вставлены в контекст песен, таким образом продолжая в прозаическом ключе гимнографическую тематику того или иного раздела данного сборника.

Самой объемной частью канционала «Райский соловей» является собрание из 823 чешских внелитургических духовных песен⁹, тематика которых связана с отдельными событиями церковного календаря, а также с некоторыми универсальными богословскими категориями.

Из всех внебогослужебных песен выделяются рождественские и пасхальные песни, песни о Деве Марии, о святых католического универсума в целом, в частности, о земских патронах Чехии, а также так называемые окказиональные песни на «всякий час дня и ночи» (песни вечерние, песни на освящение воды, на освящение пепла, на освящение церковных свечей и другие).

В разделе о святых важное место занимают песни, посвященные чешским патронам, в особенности святым Кириллу и Мефодию как покровителям моравским, святому Вацлаву Чешскому, Прокопу Сазавскому и Яну Непомуцкому¹⁰. Свя-

товацлавский и святоянский культ в эпоху барокко отвечал атмосфере эпохи, был выражением чешского патриотизма и вместе с тем гарантией древности католической веры и преемственности в истории Короны Чешской.

В музыкальном отношении больше половины песен написаны белой мензуральной нотацией. Песни изложены двухголосно и содержат цифрованный генерал-бас для органного исполнения. Ненотированные песни содержат предварительные комментарии со ссылкой на определенную известную в народе мелодию («поется как...») ¹¹.

Канционал Я.Й. Божана отвечал миссии Католической церкви и политике Контрреформации в чешских землях XVII — начала XVIII в.: благодаря привлечению широких народных масс к духовному пению на национальном языке осуществлялся процесс католической Контрреформации в Чехии, точнее в восточнечешских областях, где тайный протестантизм приобретал радикальный характер.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Mikulec J. Náboženský život a barokní zbožnost v českých zemích. Vyd. 1. Praha, 2013. 394 s.; Reformace katolická, neboli, Obnovení náboženství katolického v království Českém po bitvě bělohorské / dle pramenů původních sepsal Tomáš V. Bílek. Praha, 1892. 336 s.*
- ² *Božan J.J. Slaviček rájský. Hradec Králové: V. J. Tybély, 1719. Sign. K01247; Idem. Slaviček rájský / k vydání připravili Jan Malura a Pavel Kosek; přepis notací Michael Pospíšil. Vyd. 1. Brno, 1999. 445 s.*
- ³ См. подробнее: *Studnička P. Významné osobnosti z minulosti Chroustovic. Chrudim, 1999. N 4. S. 153–155; Pavlok B., Veselská J. Jan Josef Božan a jeho Slaviček rájský. K 350. výročí narození autora a 275. výročí vydání kancionálu // Knihy a dějiny. 1995. N 2. Č. 1. S. 25–30.*
- ⁴ Ординарий мессы — это неизменяемые песнопения главного богослужения Римско-католической церкви: *Kyrie* («Господи, помилуй»), *Gloria* («Слава в вышних Богу»), *Credo* («Верую»), *Sanctus* («Свят»), *Benedictus* («Благословен»), *Agnus Dei* («Агнец Божий»). Текст этих песнопений вне зависимости от праздника и литургического времени года остается неизменным, в то время как мелодия может варьироваться в зависимости от распева или авторской композиции. См. подробнее: Римский миссал. М., 2011. 1348 с.; *Ланцева А.М., Гапанюк А.Е., Иашвили Н.А., Степанов И.Н.* Праздничные песнопения Мессы (от Средневековья к Новейшему времени). Перевод, историко-культурная интерпретация и литургическое осмысление сакральных текстов на примере «Graduale Romanum» 1974 г. М.; СПб., 2022. Т. 1. От Адвента до Пятидесятницы. С. 50–52; 287.

- ⁵ Литургический календарь Римско-католической церкви подчинен литургическому году. Литургический год (от итал. *anno liturgico* — богослужебный год) — церковный год, дни которого представляют распределение праздников и постов в течение года по календарю. См. подробнее: *Ланцева А.М., Гапанюк А.Е., Иашвили Н.А., Степанов И.Н.* Праздничные песнопения Мессы (от Средневековья к Новейшему времени). Т.1. С. 285; *Berger R.* Liturgický slovník. Praha, 2008. S. 428; *Adolf A.* Liturgický rok, Historický vývoj a současná praxe. Vyd. 1. Praha, 1998. 328 s.
- ⁶ Градуал — литургическая книга католического богослужения, содержащая преимущественно изменяемые песнопения мессы (интроит, аллилуиа, офферторий, коммунио). См. подробнее: *Ланцева А.М., Гапанюк А.Е., Иашвили Н.А., Степанов И.Н.* Праздничные песнопения Мессы (от Средневековья к Новейшему времени). Т. 1. С.106–126.
- ⁷ Антифонарий — сборник песнопений литургии часов (оффичия), снабженный нотами.
- ⁸ *Slaviček rájský / k vydání připravili Jan Malura, Pavel Kosek, Michael Pospíšil.* Vyd. 1. Brno, 1999. S. 116–117; 118–119; 124–126; 289–293; 301–308.
- ⁹ *Jireček J.* Hymnologia bohémica. Dějiny církevního básnictví českého až do XVIII. století. Praha, 1878. 98 s.; *Sehnal J.* Český zpěv při mši // Hudební věda. 1992. N 29. Č. 1. S. 3–15.
- ¹⁰ *Slaviček rájský / k vydání připravili Jan Malura, Pavel Kosek, Michael Pospíšil.* Vyd. 1. Brno, 1999. S. 240–242; 255–258; 262–263; 281–282; 283–284.
- ¹¹ *Kouba J.* Od husitství k Bílé hoře // Hudba v českých dějinách. Praha, 1983. S. 110; *Sehnal J.* Pobělohorská doba // Sehnal J. et al. Hudba v českých dějinách. Praha, 1983. S. 195–196.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.25

Маскарады-«шибржинки» как элемент сокольской культуры

Виктор Викторович Котов

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: vikvikkot@gmail.com

Ключевые слова: карнавал, сокольское движение, социабельность, чешский национализм

The Šibřinky Masquerade Balls as a Part of Sokol Culture

Viktor V. Kotov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: vikvikkot@gmail.com

Keywords: Carnival, Sokol movement, sociability, Czech nationalism

16 февраля 1862 г. было учреждено чешское общество «Пражский Сокол». Подобно так называемым турнерским организациям (нем. *Turnverein*), «Сокол» объединил гимнастические занятия и приверженность идеологии национализма*. Вскоре по пражскому образцу возник ряд других чешских обществ, члены которых образовывали единое сокольское движение. Период 1860-х — начала 1870-х годов стал временем начала распространения этого движения в Богемии и Моравии, а также формирования сокольской культуры.

Последняя включала такие категории элементов, как организационные практики и модели, практики социальности, символы и их материальное воплощение, литературная традиция, разнообразные двигательные практики, и, наконец, политические практики и идеологию. При формировании сокольской культуры задействовались не только турнерские образцы, но также опыт, накопленный в сообществе чешских националистов в предшествующий период. Это касалось в том числе начавшейся еще в домартовский

* В XIX в. под «гимнастикой» (чеш. *tělocvik*) подразумевалась вся палитра осознанной физической активности, направленной на улучшение состояния организма и развлечение, то есть спорт в его широком понимании, не предполагающем акцент на соревновании. Автор рассматривает национализм как идеологию, исходившую из реального существования наций и приоритета интересов одной из них. Данный термин используется для обозначения исторического явления, а не его моральной или правовой оценки.

период* политической инструментализации балов и других практик социальности**. Уже в 1860-е годы «соколы» организовывали церемонии освящения знамен, «вылеты» (походы или поездки), танцевальные вечера, балы и концерты, совместные посещения пивных и похороны членов обществ, а также разработали концепцию сокольских фестивалей (позднее получившую название «слетов») и использовали особый сокольский социолект. Еще одной сокольской практикой стали маскарады. История возникновения «шибржинок» освещается в ряде «соколоведческих» работ¹, тогда как их последующее развитие малоизученно².

В XIX в. маскарады были одним из популярных типов городских увеселительных мероприятий в Европе. Прага не являлась в этом отношении исключением³. В феврале 1865 г. несколько таких костюмированных балов прошло в Новоместском театре*** и во дворце «Жофин» на одноименном пражском острове (в настоящий момент — Словански-остров (Славянский остров))⁴. 25 февраля 1865 г. «Пражский Сокол» также организовал маскарад в собственном гимнастическом зале-«соколовне»⁵. Интерес представляет выбор названия «шибржинки» (чеш. *šibřinky*). В изучаемый период маскарады нередко обозначались на чешском языке и австрийском варианте немецкого словами *reduta* (реже *redouta*) и *Redoute* соответственно⁶. Также использовалось словосочетание «костюмированный бал» или «бал масок» — чеш. *maškarní bal (ples)* и нем. *Maskenball*⁷. В 1883 г. было опубликовано описание истории первых «шибржинок», подписанное «-r», в котором выбор названия связывался с именем Мирослава Тырша, главного инструктора «Пражского Сокола»⁸. Данное слово обозначало, согласно опубликованному во второй половине 1830-х годов чешско-немецкому словарю Йозефа Юнгмана, чирикание, шутовство и жульничество⁹. До 1865 г. оно

* Период до революций 1848–1849 гг.

** Публичного светского общения, не связанного с работой и семьей.

*** Этот деревянный театр располагался с 1859 по 1886 г. на месте современной Государственной оперы (улица Вилсонова (Вильсона)).

встречалось в чешских текстах относительно редко¹⁰. В последующий период слово «шибржинки» использовалось в качестве названия маскарадов, проводимых как сокольскими, так и другими чешскими обществами¹¹. Роль «соколов» в придании этому существительному нового значения отмечалась чешскими лингвистами¹².

Инициатива проведения «шибржинок» приписывалась старосте общества Йиндржиху Фигнеру¹³. В приглашениях это малоизвестное слово было написано задом наперед (чеш. *ykniřbiš*)¹⁴. Этот прием затем неоднократно повторялся в оформлении билетов на сокольские маскарады, в создании которых участвовали многие известные художники¹⁵. В день «шибржинок» «соколы» надевали не свою форму, а костюмы, чаще всего отсылавшие к различным нациям, профессиям, историческим лицам или художественным персонажам¹⁶. Например, в 1865 г. политик Йозеф Барак надел костюм Отелло¹⁷. Этот же наряд он использовал ранее во время парада шекспировских героев, прошедшего в апреле 1864 г. в Новоместском театре в рамках празднования 300-летия со дня рождения английского драматурга¹⁸. Шествие, наряду с маскарадами начала 1865 г., могло быть одним из источников идеи «шибржинок».

Исходя из формата данного текста, следует ограничиться тезисным перечислением отдельных аспектов истории «шибржинок», значимых для изучения различных модернизационных процессов. Что касается развития чешского национального движения, нужно отметить, что «шибржинки» как платформа, допускающая значительную свободу выражения политических убеждений, позволяли представить националистические образы чешского мира, его прошлого и будущего, а также всего «Другого», в первую очередь — немцев (например, костюмы «покойного Германского союза» и прусских солдат в 1867 г.)¹⁹ и «клерикалов» (так, в 1870 г. музыканты изображали участников Первого Ватиканского собора)²⁰. Хотя использование последнего типа костюмов свидетельствовало о секуляризации, время проведения «шибржинок» зависело от событий литургического года: обычно

подобные увеселительные мероприятия проходили в карнавальный период, продолжавшийся вплоть до подвижного начала Великого поста.

В историографии отмечалось, что костюмы на сокольских маскарадах были одним из символических способов спрятать социальные границы, что являлось значимым с точки зрения распространения ценностей эгалитаризма²¹. В меньшей степени этот дух равенства и свободы касался гендерных ролей: до 1910-х годов членами сокольских обществ могли стать только мужчины. На «шибржинки» допускались лишь те женщины, имена которых заранее оглашались организаторам членами общества. Кроме того, предпринимались попытки запретить откровенные женские костюмы²².

Наконец, следует отметить, что при трансфере сокольской культуры за пределы чешских земель «шибржинки» не получили широкого распространения, а с возобновлением деятельности Чехословацкого (позднее — Чешского) сокольского союза в 1990 г. они не обрели прежнюю общественную значимость²³.

Примечания

- ¹ *Nolte C.E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke, 2002. P. 69; *Sak R.* Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha, 2012. S. 78; *Štěpánová I.* Renáta Tyršová. Praha, 2005. S. 46–48; *Štěpánová I.* Sokol a tanec Šibřinky, symboly, politika // *Ve víru tance: sborník z mezioborové konference konané ve dnech 15.–16. listopadu 2011 ve Východočeském muzeu v Pardubicích* / ed. M. Halířová. Pardubice, 2012. S. 33–36.
- ² *Soukupová B.* České a německé spolky v Praze v 60. až 80. letech 19. století. Soužití a kulturní výměna // *Lidé Města 1. Pražané. Jiní–druzí–cizí* / ed. M. Moravcová. Praha, 1992. S. 9–11, 16–17; *Štěpánová I.* Sokol. S. 36–38.
- ³ *Тимова Л.Н.* Чешские «беседы» (О литературном жанре и городской культуре) // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры / отв. ред. Л.А. Софронова. М., 2007. С. 570.
- ⁴ *Národní listy.* 1865. 25 II.
- ⁵ *Národní listy.* 1865. 11, 27 II.
- ⁶ *Bohemia.* 1862. 3 I.; *Národní listy.* 1862. 4 III.; *Тимова Л.Н.* Чешские «беседы». С. 570; *Strejček F.* České názvosloví společenských zábav // *Naše řeč: listy pro vzdělávání a třibení jazyka českého.* 1935. N 1. S. 12.
- ⁷ *Bohemia.* 1862. 17 II.; *Národní listy.* 1861. 20 I.

- ⁸ První Šibřinky // Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského / ed. J. Müller, F. Tallowitz. Praha, 1883. S. 91. Cp.: *Tyršová R.* Jindřich Fügner: paměti a vzpomínky na mého otce. Praha, 1926. D. II. S. 127–128; *Zíbrt Č.* Jak se kdy v Čechách tancovalo. Praha, 1895. S. 332–333.
- ⁹ *Jungmann J.* Slownjik česko-německý. Praha, 1838. D. IV. S — U. S. 455.
- ¹⁰ Например: *Hugo V.* Chrám matky Boží v Paříži. Praha, 1864. S. 120, 282.
- ¹¹ Národní listy. 1865. 30 XII.; *Tyrš M.* Statistický přehled jednot Sokolských pro rok 1866. Praha, 1867. S. 24.
- ¹² *Bláha O.* Sokolství a čeština // *Bohemica Olomucensia*. 2012. N 3. S. 246; *Strejček F.* České názvosloví... S. 12–13. Дополнительного изучения требует выявленный в ходе данного исследования факт использования этого слова для обозначения праздника Славянского певческого общества в Вене, прошедшего 21 февраля 1865 г., то есть еще до первого сокольского маскарада (Moravská orlice. 1865. 11, 17, 28 II.; Národní listy. 1865. 20 II, 4 IV.).
- ¹³ Národní listy. 1865. 27 II.; První. S. 90–91.
- ¹⁴ Archiv dějin tělesné výchovy a sportu (Národní muzeum) (далее — ATVS NM), fond Sokol, karton 20, N 260, S. 2; První. S. 91; Šibřinky Sokola Pražského v l. 1865–1882 // Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského / ed. J. Müller, F. Tallowitz. Praha, 1883. S. 208.
- ¹⁵ ATVS NM, fond Sokol, karton 20, N 260, S. 3–95; Šibřinky. S. 208–209.
- ¹⁶ Národní listy. 1865. 27 II., 1870. 28 II.
- ¹⁷ První. S. 92.
- ¹⁸ Padesát let Umělecké besedy 1863–1913 / ed. H. Jelínek. Praha, 1913. S. 267.
- ¹⁹ Národní listy. 1867. 25 II. См.: *Soukupová B.* České. S. 16; *Štěpánová I.* Sokol. S. 36.
- ²⁰ Národní listy. 1870. 28 II.
- ²¹ *Nolte C.E.* The Sokol. P. 69.
- ²² Národní listy. 1868. 20 II.
- ²³ *Hoffmannová J., Müllerová O.* Čeština v dialogu generací // Slovo a slovesnost. 2002. № 1. S. 5.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.26

Особенности католического модернизма Мариана Здзеховского

Илья Дмитриевич Ерофеев

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: ilyatorbovsky@yandex.ru

Ключевые слова: Краков, Славянский клуб Краковского университета, аббат Альфред Луази

Catholic Modernism Features of Marian Zdziechowski

Iliia D. Erofeev

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: ilyatorbovsky@yandex.ru

Keywords: Krakow, Slavic club of Krakow University, the Abbot Alfred Loisy

Мариан Здзеховский (1861–1938) — профессор Краковского университета, литературовед, историк и публицист, один из основателей Славянского клуба и его печатного органа — журнала «Славянский мир» (польск. *Świat słowiański*). Это сделало Здзеховского очень влиятельным человеком в интеллектуальной среде как Кракова, так и всей Центрально-Восточной Европы. В произведениях, проникнутых патриотическим духом, он обращался не только к прошлому, но и к настоящему и будущему польских земель. Среди вопросов современности, которые вызывали его живой интерес, был католический модернизм, однако интерпретация Здзеховским этого религиозного течения заметно отличалась от его версий западноевропейского образ-

ца, получивших широкое распространение на исходе XIX ст. Особая трактовка католического модернизма не помешала Здеховскому как религиозному мыслителю приобрести популярность не только в польских землях, но и в других славянских регионах, где его воспринимали своего рода лицом польского модернизма¹.

В современной историографии католическим модернизмом принято называть течения церковного обновления, существовавшие с конца XIX в. до середины XX в. Католический модернизм не был организованным движением, его представителями считали людей зачастую с очень разными взглядами, поэтому в историографии не сложилось единого (которое бы устроило всех) определения того, что являл собой католический модернизм². Его главным признаком обычно называют стремление к пересмотру доктрин, противоречащих науке, а с политической точки зрения — необходимость разделения светской и духовной власти.

Рассмотрим основные отличительные черты католического модернизма Здеховского по сравнению с западными аналогами.

Во-первых, Здеховского мало интересовал пересмотр церковных доктрин. В Западной Европе, а особенно во Франции, где лидером модернистского течения был аббат Альфред Луази, приоритетным направлением считалось, например, установление научного подхода к изучению церковной истории³. Здеховский не только знал о Луази, но и имел возможность непосредственно общаться с ним⁴. Однако к его тезисам польский интеллигент не обращался, а в главной работе по религиозному вопросу «Разрушительная чума: о современных направлениях католической мысли»⁵, его даже не упомянул. Судя по всему, Здеховский в отличие от того же Луази, не желал идти на прямой конфликт с Ватиканом. В той же работе он посвятил главу новому папе Пию X, восхищался его речами и возлагал большие надежды на его понтификат⁶.

Во-вторых, важной составляющей религиозных взглядов Здеховского было его отношение к славянскому миру как

к особому пространству в историческом, политическом и религиозно-философском плане, недаром на его счету немало работ, посвященных филологии и истории славянских стран. На страницах журнала «Славянский мир», выходявшего под эгидой Славянского клуба, рассматривалось немало актуальных вопросов, имевших отношение к нуждам славянских народов, в том числе вопросы религиозной жизни. Особое отношение Здзеховского к славянскому миру проявлялось как в теоретических представлениях, которые он излагал, например, в «Очерках из психологии славянского племени»⁷, так и в непосредственных контактах с представителями церковного обновленчества среди славянских народов. Здзеховский по просьбе Г.Н. Трубецкого писал статьи в «Московский еженедельник», чешские модернисты публиковали его статьи в газете «Новая жизнь» (чеш. *Nový Život*). Примечательно, что в обоих случаях инициаторами выступали именно иностранные коллеги, которым он был известен, прежде всего, как сторонник славянской взаимности.

Третьей особенностью католического модернизма Здзеховского можно назвать его национальную специфику. В статье «Католическая идея в польском обществе»⁸ он уделил большое внимание творчеству ксендза Леона Збышевского⁹, подчеркивавшего в работах необходимость национального объединения польского общества вокруг католической церкви. В XIX в. подобный опыт был во время Январского восстания, в котором польская католическая церковь сыграла существенную роль и выступила не как часть общей католической иерархии, а как защитница национальных интересов¹⁰. В этом Здзеховский видел важную тенденцию в развитии патриотических идей в польском обществе. Но для выполнения данной функции церкви требовалось определенное обновление. Здесь наиболее явно проявилось отличие Здзеховского-модерниста от западных модернистов в вопросе политической роли церкви, последние выступали за отделение церкви от государства, а Здзеховский, учитывая сугубо польскую специфику, за созидательную роль церкви в национальном и государственном строительстве.

Таким образом, можно выделить некоторые особенности католического модернизма Мариана Здзеховского, которые сделали его заметной личностью среди сторонников церковного обновления. Его патриотические взгляды значительно видоизменяли идеи западноевропейского модернизма, придавая ему политическую окраску. На церковное обновление Здзеховский смотрел через призму польской и общеславянской проблематики, видя в нем средство для достижения политических целей.

Примечания

- ¹ *Rogalski M.* Marian Zdziechowski a Katolická moderna. Na tropie związków polskiego i czeskiego modernizmu katolickiego // *Studia z Historii Filozofii*. 2014. T. 5. N 1. S. 101–102.
- ² *Cardinal Mercier.* Modernism. Burns and Oates. London, 1910; *Losito G.* Ernesto Buonaiuti and "Il programa dei modernisti" // *Pascendi dominici gregis: 1907–2007: Centennial Essays on Responses to the Encyclical on Modernism*. 2007; *Carlin D.* Decline and Fall of the Catholic Church in America. Manchester, 2013.
- ³ *Метель О.В.* Альфред Луази: интеллектуальный портрет на фоне эпохи // *Вестник Омского Университета*. 2013. № 1. С. 50–52.
- ⁴ *Воронцова И.В.* «Мы живём на повороте мировой истории...» Вопросы христианского модернизма в переписке «неохристиан» и «неокатолика» // *Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви*. 2011. Вып. 2. С. 36.
- ⁵ *Zdziechowski M.* «Pestis perniciosissima»: rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej. Warszawa, 1905.
- ⁶ *Ibid.* S. 86–95.
- ⁷ *Zdziechowski M.* Mesjaniści i słowianofile: szkice z psychologii narodów słowiańskich. Kraków, 1888.
- ⁸ *Zdziechowski M.* Idea katolická ve společnosti polské // *Nový Život*. 1902. S. 213–218.
- ⁹ *Ibidem.*
- ¹⁰ *Щеголев С.И.* Католическая церковь в национально-освободительной борьбе 1860–1864 годов в Царстве Польском. СПб., 1999.

Секция

«ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — ЭТНИЗАЦИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.01

Социолингвистические особенности надписей на кладбищах Крушево и влашских сел округа Битола*

Иван Игоревич Казаков

Институт славяноведения Российской академии наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

Александра Игоревна Чиварзина

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Ключевые слова: арумунский, македонский, социолингвистика, эпитафии, орфография

Sociolinguistic features of the inscriptions in the cemeteries of Krushevo and the Vlach villages of Bitola

Ivan I. Kazakov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

* Работа осуществлялась по проекту РФФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (руководитель — гл.н.с. Исл РАН А.А. Плотникова) URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Keywords: Aromanian, Macedonian, sociolinguistics, epitaphs, orthography

Вопрос об этногенезе арумынского населения на Балканах до сих пор остается открытым. Один из заслуженных исследователей арумынского языка З. Голомб соглашался с гипотезой, что до прихода в VI в. славян на Балканы северная часть полуострова была романизирована. По его предположениям, наибольшая концентрация романского населения приходилась на территорию между сегодняшними Белградом, Нишем, Софией и Скопье. С приходом славян эта центральнобалканская популяция была разделена на две части. Одна часть двинулась к северу от Дуная, другая — на юг, в Македонию и в сторону горных хребтов Пинда и Эпира. Последние территории считаются прародиной современных арумын¹. Номадизм и трансгумация оставались в течение долгих веков основой хозяйственной деятельности арумынского населения. Постоянные миграции пастухов способствовали конвергентным контактам, обменам лексикой между взаимодействующими языками. После завоевания данного ареала османами, ограничившими свободное перемещение между летними и зимними пастбищами, арумыны стали оседать в городах и создавать новые торговые узлы, ставшие впоследствии крупными культурными центрами². Одним из таких центров был город Воскопя / алб. *Voskopojë* (или Мосхополь / арум. *Muscórpule*, рум. *Moscopole*, грч. *Μοσόπολις*) в Эпире на юге современной Албании. Именно этому городу было суждено стать центром национального подъема и культурного возрождения арумын. Тем не менее, ввиду неоднократных нападений исламизированного албанского населения при Али-Паше Тепеленском (Янинском), арумынскому населению пришлось покинуть данную территорию. Миграционные волны в область

современной Македонии исходили из нескольких экономических и культурных центров Эпира и Пинда, однако именно Мосхополь сыграл ключевую роль в становлении г. Крушево как центра арумынского языка и культуры в Македонии. Согласно историку А. Матковскому, переселение арумын в долину Пелагонии и, в частности, в Крушево, происходило несколькими волнами: в 1769, 1788, 1812 и 1821 гг.³

Македонская исследовательница Е. Янчева-Улчар, обращаясь к материалам З. Голомба, также констатировала, что на современном этапе арумыны, или влахи, как их называют соседние народы, ассоциируют себя, прежде всего, с гражданами той страны, в которой проживают. Многочисленные кросскультурные контакты и межнациональные браки способствовали развитию мультилингвизма и языковой интерференции⁴.

Упомянутый выше фактор имеет прямое влияние на традиционную культуру арумын и, в частности, на особенности похоронно-поминальной обрядности. Предметом настоящего исследования являются эпитафии на надгробиях арумынских кладбищ Республики Северная Македония, зафиксированные во время этнолингвистического обследования поселений округа г. Битола и г. Крушево с целью изучения терминологии похоронно-поминальной обрядности. В ходе экспедиции авторы посетили кладбища сел округа Битола (материал, привлекаемый для исследования, зафиксирован на кладбищах в селах Маловиште и Нижополе) и города Крушево, где преимущественно проживают арумыны.

При изучении культурных и лингвистических особенностей того или иного народа важны не только аспекты его быта, но и предметы и обряды, связанные с уходом из жизни. Так, особенности надгробий и нанесенных на них надписей на кладбищах определенной местности представляют важные сведения о социолингвистической ситуации этноса, который проживает на этой территории, его истории, языке, а также о инокультурных влияниях.

Надписи на арумынских надгробиях в селах округа Битола и городе Крушево в основном выполнены на славян-

ских языках (сербском, болгарском, македонском) и лишь в немногочисленных случаях на арумьнском. Так, на кладбище с. Нижополе не было обнаружено ни одного надгробия с надписью на арумьнском языке, в с. Маловиште — лишь одно. В г. Крушево удалось зафиксировать ряд надгробий с надписями и эпитафиями на арумьнском. Там же было обнаружено несколько надгробий с надписями на греческом языке, которые свидетельствуют о связи первых переселенцев с их родиной.

Опрошенные нами информанты объясняли данную закономерность тем, что городские арумьны в Крушево сильнее ощущают свое этническое своеобразие и преемственность по отношению к предкам, мигрировавшим из Мосхополя и Грамоса, чем жители других обследованных нами населенных пунктов.

Несмотря на сравнительно небольшое количество надгробий с надписями на арумьнском языке, ряд их особенностей представляет интерес. С точки зрения орфографии, надгробные надписи крушевского кладбища не обладают единством. Так, были зафиксированы надписи, выполненные в соответствии с орфографией румынского литературного языка. При этом на ряде других надгробий, установленных в тот же период, используется арумьнский алфавит, принятый на конгрессах во Фрайбурге (1988) и в Битоле (1997). Встречаются и случаи смешения двух орфографических принципов, например, когда на одном и том же надгробии присутствует графема *ã*, используемая для передачи фонем /i/ и /ã/*, однако дифтонг [ia] обозначается по правилам стандартной румынской орфографии (ср. рум. *de la familie*, арум. *di familija* ‘от семьи’).

Среди собственно языковых особенностей примечательно употребление определенного артикля мужского рода единственного числа *-ul* в форме, не подвергнутой метатезе (*locul*

* Принятый на конгрессах во Фрайбурге и Битоле общearумьнский алфавит с целью упрощения системы письменности основывается на фаршеротских говорах, для которых не характерна оппозиция данных фонем.

lişor ‘земля пухом’). В большинстве арумынских идиомов артикль имеет форму *-lu* и при присоединении вызывает синкопу безударного *-u-* в предпоследнем слоге (*bârbatulu* > *bârbatlu*). Сохранение формы *-ul*, характерное для дакорумынского ареала, встречается в речи небольшой группы арумын албанского происхождения, а также у жителей сел Маловиште и Гопеш⁵.

Структура большинства надписей на арумынском языке соответствует надписям на македонских надгробиях. Они состоят из антропонима (в некоторых случаях фамилия и имя сопровождаются прозвищем), годов жизни и сопровождающей надписи (как правило, калькируется мак. *od semejstvomto / фамилијата* > арум. *di famili(j)a* ‘от семьи’ или *di familia alor* ‘от их семьи’, в случае семейного захоронения). Не всегда совпадает орфография разных частей надписи: например, при написании антропонима может использоваться сербская латиница, а в сопровождающей надписи — арумынский алфавит.

Таким образом, не только терминология похоронно-поминальной обрядности, но и оформление надгробных надписей у арумын подвергнуто сильному влиянию со стороны контактных славянских традиций, а также румынского литературного языка за счет сохраняющихся связей с Румынией. Это проявляется в выборе одного из славянских языков (в обследованных областях чаще всего македонского) для оформления надписи, отсутствии графического единства в надписях на арумынском языке (встречаются элементы румынской и сербской орфографии), а также калькировании формул сопровождающей надписи.

Примечания

- ¹ *Golqб Z.* The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia SFR Yugoslavia. Skopje: MANU, 1984. P. 9.
- ² *Марковиќ М.* Анализа на ароманскиот текст во «Четиријазичникот на Даниил» // Зборник трудови во чест на проф. др Петар Атанасов по повод 75 години живот «Романистика и балканистика». Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014. С. 465–466.

- ³ *Матковски А.* Историја на Крушево и Крушевско. Од постановокот на градот до поделбата на Македонија. Книга прва. Крушево: Собрание на општината, 1978. С. 17.
- ⁴ *Јанчева Е.* Презимињата кај Македонците. Скопје: МЕНОРА, 2022. С. 82–83.
- ⁵ *Capidan Th.* Aromâni. Studiu lingvistic. București: Imprimeria Națională, 1932. P. 383.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.02

Особенности эпитафийки чешских надгробий на трех кладбищах в Центральной Хорватии (Међурич, Горни-Дарувар, Каптол)*

Сергей Александрович Борисов

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: borisovsergius@gmail.com

Владислав Алексеевич Немчинов

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: vlad@gecko.ru

Ключевые слова: эпитафика, чешское меньшинство, Хорватия, социолингвистика, билингвизм

Peculiarities of Epigraphy of Czech tombstones in Three Cemeteries in Central Croatia (Međurić, Gornji Daruvar, Kaptol)

Sergej A. Borisov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: borisovsergius@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Vladislav A. Nemchinov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: vlad@gecko.ru

Keywords: epigraphy, Czech minority, Croatia, sociolinguistics, bilingualism

Исследования надписей на надгробных памятниках в этнически смешанных регионах, где проживают представители славянских меньшинств, в последние годы приобретают все большую популярность. Лингвистическим аспектам эпиграфики уделялось внимание в контексте работ о чехах на Кавказе и в Западной Сибири¹, чехах в сербском Банате², градищанских хорватах в Словакии и Венгрии³, словенцах на итальянско-словенском пограничье⁴, славянских общинах в Южной Америке⁵. Надписи на надгробиях, выполненные на языке меньшинства или содержащие имена и фамилии, характерные для выходцев из того или иного региона, во-первых, свидетельствуют о присутствии (как минимум, в прошлом) меньшинства в данной области, являются частью языкового ландшафта. Во-вторых, эпиграфика является важным письменным источником лингвистических и экстралингвистических сведений о жизни миноритарной общины. Дополнительную информацию могут дать невербальные элементы оформления надгробий: так, например, изображение дерева ивы может свидетельствовать о принадлежности умершего к одной из протестантских конфессий⁶.

В ходе экспедиции в Центральную Хорватию в августе 2022 г. был посещен ряд населенных пунктов, где проживают чехи. В каждом из них были задокументированы надгробные памятники на местных кладбищах. В данной работе проанализированы особенности эпиграфики надгробий в населенных пунктах Меджурич (хорв. *Međurič*, чеш. *Mezurač*, Сисакско-Мославинская жупания), Горни-Дарувар (хорв. *Gornji Daruvar*, чеш. *Horní Daruvar*, Бьеловарско-Билогорская жупания), Каптол (хорв./чеш. *Kaptol*, Пожегско-Сла-

вонская жупания). Выбор именно этих пунктов обусловлен тем, что этническая и языковая ситуации в них различаются. Так, Горни-Дарувар входит в состав города Дарувар, являющегося культурно-политическим центром чешского меньшинства в Хорватии, чехи контактируют здесь, в основном, с хорватами, сербами и венграми. Село Меджурич относится к общине Кутина, в которую также входит населенный пункт Липовляни, в котором компактно проживают украинцы греко-католики и словаки. Каптол является центром одноименной общины, где чешское меньшинство на сегодняшний день насчитывает всего 27 человек⁷. Восточнее Каптола, в Осиецко-Бараньской жупании (Нашице, Осиек) проживает крупная словацкая община. Кроме Каптола в Пожегско-Славонской жупании существует еще две общины, где проживают чехи: Пакрац (232 чел.) и Липик (140 чел.)⁸, однако последние расположены ближе к Дарувару, поэтому их контакты с Каптолом ограничены.

Особенности языка надписей рассмотрены в двух плоскостях, в работе приведены некоторые примеры, иллюстрирующие их:

- 1) отражение на письме особенностей того или иного диалекта миноритарного языка (например, изменения $\acute{y} > ej$, $\acute{i} > ej$); отражение явлений, возникших в результате контакта с языком окружения (например, заимствованная ударная форма 2 л. мн. ч. *jeste* глагола 'быть');
- 2) особенности собственно графики:
 - а. отражающие контактное влияние орфографии другого языка (например, неразличение орфографических \acute{i} и y , обозначающих в чешском языке один и тот же звук [i], который в хорватском во всех позициях обозначается \acute{i}),
 - б. «технические» (например, употребление « $\acute{}$ » на месте « $\check{}$ » и наоборот, либо использование диакритических знаков, не предусмотренных орфографией ни одного из использующихся языков).

На кладбище в Меджуриче были зафиксированы надгробия на хорватском, чешском, словацком, немецком языках. В данном населенном пункте распространена чешская фамилия *Posejpal*, в которой отражен переход $ú > ej$, характерный для центральночешских диалектов. Данная фамилия встречается только в такой форме на надписях как на чешском языке, так и на хорватском. Переход $ú > ej$ в окончании прилагательных фиксируется на чешских эпитафиях в Каптоле: *POKOJ VJEČNEJ* ‘покой вечный’. Среди результатов контакта с хорватским языком выделим встретившуюся нам на чешской эпитафии ударную форму 2 л. мн. ч. *jeste* глагола ‘быть’ в функции показателя перфекта: *ZE SVĚTA JESTE SE ODEBRALI / ŽIVOT A LÁSKU JESTE NÁM DAROVALI*. Как уже было сказано, в Меджуриче были задокументированы памятники на словацком языке, обрамляющая надпись на которых содержит слова *OTPOČIVA / V BOŽOM POKOJI* ‘почиет в Божьем покое’. Форма *Božom* была зафиксирована также на одной чешской эпитафии: *Zde odpočívají / Božom pokoji*. Относительно большое количество памятников с надписями на словацком языке позволяет предположить здесь контактное влияние словацкого языка, по крайней мере, в ситуации оформления эпитафий, хотя формы на *-om* в предл. пад. ед. ч. притяжательных местоимений (*našom, tom*) распространены в пределах широкого ареала в Центральной и Юго-Западной Чехии, а у прилагательных (*dobrom*) в пределах меньшего ареала к югу от Праги в зоне юго-западных чешских диалектов⁹.

На кладбище в Горни-Даруваре встречаются надгробия с надписями на чешском и хорватском языке, причем чешские надписи составляют около 60 %. Чешская эпиграфика отличается высокой степенью «правильности» орфографии, диакритика над консонантами в основном соответствует стандарту. Фамилия семьи в большинстве случаев образована при помощи суффикса *-ova/-ová* и входит в состав сочетания со словом *rodina*: *ZDE ODPOČÍVÁ RODINA / PETRLIKOVA*. Также встречается форма *rodína* (*ZDE OPDPOČÍVÁ RODÍNA / HAŠPLOVÁ*), характерная и для чешских над-

гробий в Меджуриче и Каптоле. Данный пример, учитывая его высокую частотность и распространенность, выходит за рамки орфографических вариаций и, вероятно, указывает на реальное удлинение гласного, либо на перенос ударения на второй слог от конца слова.

На кладбище населенного пункта Каптол преобладают надгробия с надписями на хорватском языке, однако присутствуют и надписи на чешском. Сохранение графемы *ř*, в том числе на хорватских надписях, может свидетельствовать о живом употреблении данного звука в речи носителей идиома: *HAMŘIK / ZDRAVKO-PEMAC 1941–2011 / REZA-TEA 1945–20 // POČIVALI U MIRU BOŽJEM*. В приведенном примере также зафиксировано прозвище *petac*. Данный неофициальный этноним, образованный от нем. *Böhme* — житель Богемии, Чехии — как показали интервью с информантами, лишен в данном регионе негативной окраски и обозначает всех живущих там чехов (при этом у носителя прозвища хорватское имя *Zdravko*).

Стоит отметить, что на всех трех кладбищах в чешских именах и фамилиях (в том числе, если обрамляющая надпись выполнена на хорватском), а также в обрамляющих надписях на чешском языке достаточно последовательно сохраняется графема *ch*, обозначающая звук [x], а в позициях звонкого [h] используется *h* (при этом в хорватском языке графема *h* обозначает звук [x], поэтому в паспортах у хорватских чехов на месте *ch* обычно присутствует буква *h* (*Plehati* < *Plechaty*)). Однако на чешских надписях в Меджуриче и Горни-Даруваре были зафиксированы примеры гиперкорректного использования *ch* в позициях, где этимологическое *h* оглушается: *LECHKÉ ODPOČINUTI*; *Dej ji Buch Lechké, odpočinuti* (Меджурич); *LECHKÁ JIM ZEM* (Горни-Дарувар) — ср. чеш. станд. *lehký, Bůh*.

Эпиграфика на языке национальных меньшинств (на чешском, а в Меджуриче также на словацком) является важным маркером идентичности в трех обследованных населенных пунктах Хорватии. Обрамляющая надпись, выполненная на этих языках, как минимум, содержит одну из стандартных

формул, например, ‘здесь почитет в Боге’, ‘вечный покой’, однако может также содержать иные, более персонифицированные посвящения, стихи, упоминание об истории переселения чехов на новые земли. Анализ собственно-языковых особенностей надписей на чешском языке позволяет сделать вывод, с одной стороны, о высокой витальности чешского языка в регионе, что обусловлено относительно большой численностью меньшинства и благоприятной языковой политикой. С другой стороны, наблюдается языковой сдвиг, о котором свидетельствуют надгробия, на которых одна часть надписи выполнена на чешском языке, а другая — на хорватском, а также надгробия с обрамляющей надписью на хорватском языке, но с указанием чешской фамилии. Кроме того, эпиграфика позволяет сделать некоторые выводы о звучащей речи и о том, как ее воспринимают сами носители идиома.

Примечания

- 1 *Скорвид С.С.* О вариативности фамильных именовании потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Вопросы ономастики. 2014. №1 (16). С. 65–66.
- 2 *Tesař Š.* České náhrobní nápisy v lokalitách Bela Crkva, Kruščica a Češko Selo v srb-ském Banátu. Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Filozofická fakulta. Ústav slavistiky. Brno, 2020.
- 3 *Ващенко Д.Ю.* К специфике варьирования в структуре надгробных надписей у градищанских хорватов Южной Словакии и Венгрии (по материалам полевых исследований) // Slavica Slovaca. 2020. R. 55. № 3. S. 359–367.
- 4 *Ясинская М.В.* Некоторые особенности функционирования антропонимов у словенцев на итальянско-словенском пограничье (на материале полевых исследований) // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 3. С. 142.
- 5 *Пилипенко Г.П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 299.
- 6 *Пилипенко Г.П.* Язык и традиционная культура протестантов в Прекмурье: самопрезентация и восприятие иноконфессиональными соседями // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / отв. ред. С.М. Толстая. М.: «Индрик», 2019. С. 253.
- 7 POPIS STANOVNIŠTVA, KUĆANSTAVA I STANOVA 2021. — STANOVNIŠTVO PO GRADOVIMA/OPĆINAMA. Zagreb: Državni zavod za statistiku, 2022. URL: https://podaci.dzs.hr/media/td3jvrbu/popis_2021-stanovnistvo_po_gradovima_opcinama.xlsx (дата обращения: 15.04.2023).
- 8 Ibid.
- 9 *Jančák P.* Některé místní znaky v středočeských nářečích // Naše řeč. 1962. R. XLV. Č. 1. S. 151–162.

Языковая ситуация у национальных меньшинств Сербии (АК Воеводина) и Боснии и Герцеговины (по материалам экспедиции 2023 г.)*

Владислав Игоревич Бёрезнев

МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: bereznev09@yandex.ru

Ключевые слова: национальные меньшинства, билингвизм,
Воеводина, социолингвистика

The Linguistic Situation Among the National Minorities of Serbia (Autonomous Province of Vojvodina) and Bosnia and Herzegovina (Based on the Materials of the Expedition of 2023)

Vladislav I. Bereznev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: bereznev09@yandex.ru

Keywords: national minorities, bilingualism, Vojvodina, socio-
linguistics

С 30 марта по 13 апреля 2023 г. старший научный сотрудник ИСл РАН к.ф.н. Г.П. Пилипенко и магистрант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.И. Бёрезнев провели полевое исследование в регионах Сербии и Боснии и Герцеговины, являющихся неоднородными в этническом, языковом, религиозном и культурном плане.

* Работа написана при поддержке гранта РФФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

От информантов мы записали нарративы об истории населенных пунктов, в которых проживают национальные меньшинства, о духовной и материальной культуре — обычаях, календарной обрядности (особенно касающейся Вербного воскресенья и Пасхи, празднование которых выпало на время проведения экспедиции). Были зафиксированы названия сельскохозяйственных орудий труда, наименования прялки, ткацкого стана и их частей. Информанты рассказали об особенностях современного виноградарства, изготовления вина и ракии*. Записанные интервью интересны не только с точки зрения сведений о народной культуре, но и особенностей функционирования языков в мультикультурной среде. Нас интересовала степень сохранности говоров национальных меньшинств (интервью с представителями которых проводились на родном для них языке), большое внимание мы уделили особенностям функционирования второго (сербского) языка, переключению кода и употреблению неадаптированных заимствований из сербского языка. Всего было опрошено более 30 информантов. Общая длительность собранного аудиоматериала составила 41 час.

В ходе экспедиции мы задокументировали надписи на надгробных памятниках на сельских кладбищах в Сербии в селе Српска-Црња (серб. *Srpska Crnja*), а также в Боснии и Герцеговине: населенные пункты Мачино-Брдо (серб. *Maćino Brdo*), Лишња (серб. *Lišnja*), Штивор (серб. *Štivor*). Многие из них отражают характерные контактные особенности.

В селе Српска-Црња надписи выполнены на сербском языке, например: *PFAJFER FRANJA (1936–) ELIZABETA (1936–2016). S LjUBAVLJU NAJMILJI* («Пфайфер Франя (1936–) Елизабета (1936–2016). С любовью родные»); часть — на венгерском: *Salma István (1938–2021). Síremlèket emeltèk szerettei* («Шальма Иштван (1938–2021). Надгробный памятник воздвигнут его близкими»).

* Крепкий алкогольный напиток, получаемый дистилляцией ферментированных фруктов.

В селе Мачино-Брдо были зафиксированы надписи на сербском: *Завићук Михаило (1942–1993). Споменик подиже супруга Јованка син Славко кћерке Славица и Ольгица снаја и унучад* («Завичук Михайло (1942–1993). Памятник установили супруга Йованка, сын Славко, дочери Славица и Ольгица, сноха и внуки») и украинском: *Тут спочиває раб божі Гивчук Павло (1899–1975). Памяток поклали дойти** (sic!) («Тут покоится раб божий Гивчук Павло (1899–1975). Памятник установили дети»).

В селе Лишня нам также встретились надписи на сербском: *Мазуркијевић Никола (1939–1992). Споменик подижу твоји најмилију* («Мазуркиевич Никола (1939–1992). Памятник воздвигли твои родные») и украинском: *Вовк Евгения (1942–2013) Василь (1936–2014). Пам'ятник збудували за життя* («Вовк Евгения (1942–2013) Василь (1936–2014). Памятник возвели при жизни»).

В селе Штивор были зафиксированы надписи на сербском: *Andreata Karlo (R. 30.10.1867 – U LEVIKO // U. 07.12.1937 – U Š.ILOVI) Fjorentina (R. 05.11.1880 – U NOVALEDO // U. 23.09.1930 – U Š.ILOVI)* [изображение карты с обозначением регионов: *Trento → 1882 → Štivor (Prnjavor)*]. *Zahvalni uničad i prauničad* («Андреата Карло (Р. 30.10.1867 – В ЛЕВИКО // У. 07.12.1937 – В Ш.ИЛОВИ) Фьорентина (Р. 05.11.1880 – В НОВАЛЕДО // У. 23.09.1930 – В Ш.ИЛОВИ) [Тренто → 1882 → Штивор (Прнявор)]. Благодарные внуки и правнуки») и итальянском: *DALPRA MARIA VED·ROVER VED·MONTIBELLER (1890–1953). I SUOI FIGLI E FIGLIE· ROVER PAOLO E ANNA MONTIBELLER FRANCESCO E ANTONIA* («ДАЛЬПРА МАРИЯ ВДОВА·РОВЕР ВДОВА·МОНТИБЕЛЬЕР (1890–1953). Её сыновья и дочери· РОВЕР ПАОЛО и АННА МОНТИБЕЛЬЕР ФРАНЧЕСКО и АНТОНИЯ»).

Еще одним необычным источником фиксации письменности выступили надписи, вышитые на полотенцах. Данные материалы мы задокументировали в селах Српска-Црња, Велебит (выполнены на сербском языке): *Кад муж неда новац //*

* Особенность отражения на письме украинского слова *дити*.

остане празан лонац («Когда муж не даст денег // останется пустым котелок»); *Овај, пешикир // дароваћу, брату [1941] што, сам, млада // радила, у, рату.* («Это полотенце // я подарю брату [1941], которое я, молодая // сделала во время войны»), Руско-Село (на венгерском языке): *Az én urat csak a vizet issza // Nem is sirom leányágom vissza* («Мой хозяин только воду пьет // А я не оплакиваю свое девичество»).

На территории Сербии были проведены беседы с представителями следующих национальных меньшинств: буневцами (этническая группа переселенцев из Далмации; опрошено пять информантов), венграми (беседа с учениками школы с. Нова-Црња, 25 человек; информантами из городов Сента, Ада и из села Руско-Село), потомками сербов-колонистов из региона Лика (современная Хорватия; четыре информанта); также проводились беседы с сербами-воеводинацами, владеющими венгерским языком (три информанта).

Буневцы¹

По данным переписи населения 2011 г. буневцы составляли 8,74 % населения общины Суботица и 0,27 % от общего числа жителей Сербии². При работе с информантами было отмечено, что в речи старшего поколения сохраняется иканье, чего нельзя сказать о молодом поколении (если и сохраняется, то, на наш взгляд, искусственным способом — община поддерживает выпуск учебной литературы, в школах два раза в неделю преподается *буневский язык* (серб. *bunjevački jezik/govor*); в 2018 г. выпущено второе издание (первое — в 1990 г.) Словаря языка буневцев³, в 2023 г. ожидается издание Грамматики, совмещенной с правилами орфографии и пунктуации). В повседневном общении буневцы чаще говорят на сербском языке с некоторыми локальными особенностями (в частности — фиксируются многочисленные унгаризмы).

У двух информантов из Суботицы мы записали нарративы о жизни на салашах*, о народной кухне, о празнова-

* Усадьбы с домом и хозяйственными постройками, расположенные в отдалении от населенных пунктов.

нии Вербного воскресенья (*cvitna nedilja*). В селе Лютово (серб. *Ljutovo*) буневцы устроили представление — реконструкцию обряда *polivanje*, который заключался в том, что в понедельник после Пасхи юноши поливали девушек водой (сейчас вместо воды используются духи). Затем от одного информанта был записан подробный рассказ о том, как данный обряд проводился раньше: в понедельник юноши шли обливать девушек, а во вторник — наоборот.

Информант из села Биково (серб. *Bikovo*) подробно рассказал о традиционных сельскохозяйственных орудиях, приведя около ста наименований, вот некоторые из них: *renda* ‘рубанок’, *činjak* ‘бур по дереву’, *bušelica* ‘коловорот’, *vondir* ‘чехол для точильного бруска, привешиваемый на пояс’. В числе прочего им был упомянут обряд *Šuvanje Božjeg groba*, когда всю пятницу и субботу (до полуночи) на Страстной неделе охранялся гроб Господень.

Венгры

По данным переписи 2011 г. венгры составляли 3,91 % от общего числа жителей Сербии. Однако в общинах Сента и Ада процент венгерского населения составлял 78,12 % и 82,90 % соответственно⁴. Мы отметили, что на улицах и в общественных учреждениях преобладающим языком коммуникации является венгерский. Сербские надписи на вывесках магазинов и других организаций сферы услуг дублируются на венгерский язык, а в некоторых случаях представлены только на нем.

Из разговоров с сербами, проживающими в названных общинах, нами было установлено, что большая часть молодого поколения данных регионов совсем не говорит по-сербски, что вызывает у сербского населения некоторую обеспокоенность, поскольку не позволяет венграм в дальнейшем социализироваться в обществе.

При интервьюировании информантов с родным венгерским языком особое внимание мы уделили особенностям функционирования второго (сербского) языка. Так, у информантов были отмечены трудности в правильном

употреблении падежей, местоимений; согласовании (обусловливается отсутствием категории грамматического рода в венгерском языке): «Jednom ќerka me zove, govori: “*Tata, šta si uradila?..*”» («Однажды дочка зовет меня, говорит: “Папа, что ты сделала?..”») (записано в селе Руско Село) и др. Данный пример иллюстрирует нарушение согласования подлежащего и сказуемого.

Сербы-колонисты из Лики

В село Велебит (серб. *Velebit*) около ста лет назад переселились колонисты из Лики (историческая область в центральной Хорватии). Выделить какие-либо фонетические или грамматические особенности, которые свойственны жителям Лики, нам не удалось. Были записаны некоторые подробности о том, как происходила миграция предков жителей Велебита, как празднуются Рождество, Пасха, Троица и День св. Георгия, как и когда проходит *svinjokolja* ‘забой свиней’. Кроме этого, нам показали заправленный ткацкий стан и привели названия некоторых его частей: *tara* ‘ткацкий стан’, *valjak* ‘навой’, *brdo* ‘бердо’, *ћunak* ‘челнок’, *nite* ‘нитченки’, *zev* ‘зев’, *osnova* ‘нити основы; основа’.

Сербы-воеводинцы

В селе Мол (серб. *Mol*) от г-жи Миланки Мирићки 1930 г. р. было записано много интересного материала о народной кухне: о том, как раньше выпекался хлеб, как делали сыр, как во время войны вместо сахара использовали отвар из тертой сахарной репы; об обрядах: как отвести сглаз, что сделать, чтобы не плакал маленький ребенок. Информантка привела описания различий в праздновании тех или иных праздников в Воеводине и *kod srbijanaca* («у сербов — не воеводинцев»; то есть проживающих в той части Сербии, которая расположена на юг от Савы и Дуная). Во время записи интервью собеседница переходила на венгерский язык, который выучила, поскольку он преподавался в школе во время Второй мировой войны и из-за того, что большое количество соседей — венгры.

В Боснии и Герцеговине мы провели беседы со следующими представителями национальных меньшинств: украинцами (три информанта), поляками (два информанта), итальянцами (три информанта).

Украинцы

В селе Лишня (серб. *Lišnja*) от информантов были записаны сведения о календарной обрядности. У них также был отмечен обряд выставления стражи у гроба Господня накануне Пасхи (как и у буневцев) — укр. *пільнувати гріб*. Перед Пасхой юноши устраивали бесчинства в ночь с субботы на воскресенье: например, могли поместить повозку на крышу дома, подпереть ворота и т. д. Также зафиксирован обряд поливания в понедельник после Пасхи (укр. *поливаний понеділок*). От сербов, проживающих по соседству с украинцами, был записан экзоэтноним *galicijani*, который употребляется ими по отношению к представителям общины с негативным оттенком. Возникновение данного наименования объясняется тем, что украинские переселенцы приехали в Боснию и Герцеговину из Галиции (территории Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской областей современной Украины).

Поляки

В польской общине, находящейся в селе Челиновац (серб. *Čelinovac*), мы собрали материал по календарной и свадебной обрядности. Удалось записать наименование обрядового хлеба на свадьбе — польск. *dulcie pochar*, что является заимствованием из румынского языка. Выяснилось, что часть поляков является потомками переселенцев из Буковины.

Итальянцы

В итальянской общине в селе Штивор (серб. *Štivor*) были записаны нарративы на итальянском языке (говор переселенцев из региона Трентино) о сельской церкви, о способах отгона туч (звонили в колокол, поджигали освященные тра-

вы), о виноградарстве. При общении друг с другом представители общины говорят на диалектной форме итальянского языка, в остальных ситуациях — на сербском.

Дальнейшая расшифровка записанных интервью позволит более детально описать обычаи, связанные с календарными праздниками; составить список наименований ручных сельскохозяйственных орудий труда на языке буневцев; отметить и прокомментировать все случаи межъязыковой интерференции. Составить базы данных: 1) эпиграфическую по фотоматериалам с обследованных кладбищ; 2) «рафографическую» (от греч. *ῥᾶφή* ‘шов’ и *γραφο* ‘пишу’) по фотографиям вышитых на полотенцах надписей.

Примечания

- ¹ *Bošnjaković Z., Sikimić B.* Bunjevci. Etnodijalektološka istraživanja 2009. Novi Sad: Matica srpska; Subotica: Nacionalni savet bunjevačke nacionalne manjine, 2013.
- ² Попис становништва, домаћинства и станова 2011. URL: <https://www.stat.gov.rs/sr-latn/oblasti/popis/popis-2011> (дата обращения: 12.04.2022).
- ³ *Rečnik bačkih Bunjevaca / Marko Peić, Grgo Bačlija, Josip Bajić, Suzana Kujundžić Ostojić, Dragoljub Petrović.* Novi Sad: Matica srpska, 2018.
- ⁴ Попис становништва, домаћинства.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.04

Верхняя Силезия во второй половине XX в.: языковая гомогенизация как инструмент национальной интеграции

Александр Дмитриевич Васюков

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ovasiukov@eu.spb.ru

Ключевые слова: Верхняя Силезия, силезцы, силезский язык, Польша, языковая политика

Upper Silesia in the second half of the 20th century: language homogenization as a tool for national integration

Oleksandr D. Vasiukov

European University in Saint-Petersburg,
Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: ovasiukov@eu.spb.ru

Keywords: Upper Silesia, Poland, Silesians, language policy

Доклад посвящен языковой ситуации и языковым процессам в Верхней Силезии во второй половине XX в. Являясь частью более крупного исторического региона Силезии, Верхняя Силезия располагается на юго-западе Польши, в районе польско-чешского пограничья. Исторически Верхняя Силезия была важной зоной конкуренции польского, немецкого и чешского государств и к середине XX в. отличалась множественной национальной идентичностью и гетерогенной языковой практикой среди местных жителей. По результатам Второй мировой войны бо́льшая часть Верхней Силезии вошла в состав Польши, и сейчас на ее территории располагаются два воеводства — Силезское и Опольское.

В центре внимания автора — практики языкового перевоспитания¹ коренных жителей региона, этнических силезцев, реализуемых государством в первые послевоенные годы. Основное внимание в исследовании уделяется статусу и специфике функционирования местного славянского идиома (*ślōnsko gödka*), именуемого в дальнейшем «силезским языком». Доклад представляет результаты собственного социолингвистического исследования автора, которое ведется в рамках кандидатской диссертации, посвященной языковым процессам и языковому активизму в Кашубии и Верхней Силезии. Материал для доклада собирался в ходе полевой антропологической работы в Силезском и Опольском воеводствах последние несколько лет.

Впервые силезцы как отдельная этническая категория стали выделяться в переписи 2002 г. Уже тогда они оказались самым многочисленным (173 тыс.²) этническим и языковым меньшинством страны, опередив традиционно признаваемые национальные меньшинства Польши: немцев, украинцев, белорусов, литовцев и др. Перепись 2011 г. зафиксировала уже 847 тыс. респондентов, указавших своей национальностью «силезскую», среди которых 509 тыс. владели силезским языком³. Будучи самым крупным миноритарным идиомом Польши, силезский не имеет юридического признания. В традиции польской диалектологии, а также научном и политическом дискурсе Польши за силезским пока прочно закреплён статус диалекта польского языка. Вместе с тем сегодня в регионе развито этническое движение за повышение престижа силезского, признание его региональным языком в стране и кодификацию его литературной нормы.

После Второй мировой войны славянская языковая практика региона была важным аргументом, легитимирующим включение Силезии в состав Польши. Славянское самосознание силезцев, многие из которых одновременно владели немецким и польским языками, преподносилось как свидетельство польской национальной идентичности. При этом та же самая славянская практика силезцев в дискурсе властей изображалась как «недостаточно польская», требующая сознательной и последовательной манипуляции со стороны государства для приближения к общепольскому языковому стандарту. Языковое переучивание жителей Силезии реализовывалось как в отношении детей, так и взрослого населения.

Как показывают интервью с информантами всех возрастных групп, школа выступала ведущим унифицирующим государственным институтом, через стены которого прошли все информанты без исключения. Так, ещё с детского возраста они оказывались включены в институт, призванный привить им определённый культурный стандарт, сделать из них «правильных граждан», «правильных поляков» и научить их

«правильно» или «красиво» говорить по-польски. Контакт со школой часто был связан для этнических силезцев с осознанием собственной культурной «инаковости» на фоне остальной части общества и зачастую формировал чувство стыда за свой язык.

«Я помню свою школу... Это был урок польского языка, нам что-то рассказывали о диалектах. Учительница говорила о мазурском, кашубском диалекте... о других. И тут я спрашиваю ее: “А как же наш говор [gwara]?” И тогда учительница ответила, что раньше был такой диалект... силезский..., но только в селах, и только неграмотные люди говорили на нем. Мне это было так обидно... Ведь на этом языке я говорил со своими бабушкой и дедушкой...» (м., силезец, 61 г., Катовице).

Воспоминания информантов старшего возраста часто показывают, как осознание «непольскости» своего языка могло быть шоком для многих представителей сообщества, которое лишь в первом поколении проходило через польскую государственную школу, показавшую им тот самый «настоящий» и «правильный» польский. Особую тревогу такое языковое открытие вызывало среди коренных жителей с изначально пропольскими настроениями. Региональная языковая специфика создавала в глазах новой администрации и школьных учителей, часто приезжавших из внутренних районов Польши, образ «недостаточных» (*«niedostatecznych»*) поляков. Жительница Опольской Силезии вспоминала это следующим образом:

«Лично я это очень тяжело пережила. В моем классе в начальной школе были дети этих повстанцев*... моя семья не была повстанческой, нет-нет-нет... абсолютно. Ничего такого... у нас были немецкие настроения... Эти дети часто получали по польскому двойки. Учительница бесконечно кричала. А они были уверены, что говорят по-польски. И случилась такая история, что этот повстанец [...] пришел в школу, вошел в класс, когда у нас был урок польского и этой учи-

* Информантка имеет в виду участников трех пропольских восстаний в Силезии 1918–1922 гг.

тельнице по-силезски: “Что вы хотите от моего сына? Почему вы говорите, что он не умеет по-польски? А на каком он говорит?” А она на него, эта учительница, с таким краковским (акцентом. — *А. В.*), она ему: “Сначала научитесь по-польски говорить, а затем приходите в школу разбираться”. Знаете, я еще сегодня вижу лицо этого старого повстанца. Я этого не забуду». (ж., силезка, 78 л., Ополе).

Взрослое население также было важным объектом языкового перевоспитания со стороны государства. По всему региону работала сеть курсов для взрослых, на которых обучали «правильному польскому языку». Такие уроки также включали в себя элементы польской истории и культуры. Формально посещение курсов было добровольным, но на практике во многих местностях население к этому принуждалось. Языковую политику властей того времени можно охарактеризовать как репрессивную по отношению как к немецкому, так и к локальным силезским диалектам, на смену которым должен был прийти «правильный польский» (польск. *poprawna polszczyzna*).

Политика реполонизации является беспрецедентным по своим масштабам государственным экспериментом в области языкового перевоспитания миноритарной этнической группы. Всего за время работы курсов по реполонизации удалось охватить более 93 тыс. из 851 тыс. (почти 11 %, а если вычесть детей и стариков, то 18 %⁴) верифицированных* в качестве поляков жителей Верхней Силезии. Формальной целью создания таких курсов декларировалась необходимость обучения местного населения основам польского литературного языка, а также польской культуры, истории и географии. Предполагалось, что повышение уровня владения польским языком среди силезцев позволит им быстрее интегрироваться в польское общество. Однако внутренние инструкции и переписка органов образования различных силезских повятов позво-

* Национальная верификация — практика подтверждения национальности населением бывших немецких территорий, отошедших после Второй мировой войны к Польше, необходимая для вступления в польское гражданство.

ляют заключить, что курсы преследовали и более глобальную цель — распространить польскую языковую практику в Верхней Силезии, которая была бы неоспоримым аргументом, легитимирующим присоединение этого региона к Польше, а также укрепить польскую национальную идентичность среди местного населения.

Примечания

- ¹ Концепцию языкового перевоспитания («языковое переучивание») автор заимствовал из работы классика социолингвистики Эйнара Хаугена «Диалект, язык, нация». Хауген Э. Диалект, язык, нация // Социолингвистика и социология языка / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб., 2012. Т.1. С. 105.
- ² Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002. Warszawa, 2003. S. 37.
- ³ Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań. Warszawa, 2015. S. 70.
- ⁴ Pfaff J. Kursy repolonizacyjne na Śląsku Opolskim w latach 1945–1950 // Zeszyty naukowe. Zbliżenia naukowe. 2017. N. 1(8). S. 80.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.05

Ударение в верхнелужицком языке в свете особенностей верхнелужицкого стихосложения

Павел Ильич Долгополов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация; e-mail: dolgpa@gmail.com

Ключевые слова: лужицкие языки, стиховедение, ударение

Stress in Upper Sorbian in the light of some features of Upper Sorbian versification

Pavel I. Dolgoplov

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: dolgpa@gmail.com

Keywords: Sorbian, versification, stress

Верхнелужицкий язык, относящийся к лужицкой подгруппе западнославянской группы языков, традиционно описывается как имеющий за редкими исключениями¹ фиксированное ударение на первом слоге. В то же время рассмотрение верхнелужицкой поэзии выявляет необычайную распространенность рифм, при которых трехсложные слова рифмуются исключительно с помощью созвучия последних слогов, например:

- (1) *Ja p̣řisaham, najl**u**š**a**, **ći**
 p̣ři two**j**im zró**s**će cedrow**ym**,
 p̣ři two**j**im čole błyš**ć**at**ym**,
 p̣ři lič**ku** ró**ž**'wej zahrod**zi**,
 p̣ři two**j**ej' wó**ć**kow hwě**z**dom**aj**
 p̣ři two**j**ej' ru**č**kow kras**no**ś**ć**ach,
 p̣ři nadrow hor**cy**ch pu**p**ik**ach**,
 p̣ři wobli**č**omaj kras**ny**m**aj**. (Jan Łahoda, «P̣řisaha lubosće»)*

В данном примере мы видим рифмы *ći* ('тебе') — *zahrodzi*, *cedrowym* — *błyšćatym*, *hwězdomaj* — *krasnymaj*, *krasnośćach* — *rupikach*. Во всех случаях ударные (первые) слоги различаются, а рифму образуют якобы безударные (третьи) слоги.

В то же время двухсложные слова, так же, как и четырехсложные, преимущественно участвуют в образовании женских рифм:

- (2) *Kajke rados**ć**iwe klin**č**a h**l**os**y**
 Wot Kamjenca ha**č** do Budyš**ina**?
 Što jusk z wotrowskich so horow nos**y**
 A ha**č** za Kulow so dele p**ina**? (Jakub Bart-Ćišinski,
 "Serbskim křižerjam")*

Рифмы *hlōsy* — *nosy*, *Budyšina* — *pina*. В случае *Budyšina* опять же рифмуется третий слог.

Исследователь XIX в. К. Пфуль, объясняя эту особенность, предположил, что в верхнелужицком языке третий слог

всегда имеет побочное ударение². Однако в современных описаниях языка данная гипотеза не рассматривается³.

В чешском стихе подобная особенность рифмы отмечалась в одной из ранних работ Р.О. Якобсона⁴. При этом славист утверждал, что если одно из слов в рифмопаре односложное, то рифмуются только последние слоги: *vonný dým — pokropím, zahodil — dvacet mil*. В то же время при рифмовании двух трехсложных слов обязательно рифмуется не только третий, но и второй слог: *kamení — ocení, neurátí — zachvátí*. Эта же закономерность следует из примеров, приводимых в современном учебнике *Úvod do teorie verše* («Введение в теорию стиха»)⁵, хотя эксплицитно она не поясняется. Следует отметить, что в отличие от чешского, в лужицком стихе наличие рифмы у вторых слогов трехсложных слов в мужской рифме вовсе не обязательно, см. пример (1). Интересно, что В. Махек, полемизируя с Якобсоном в одной из статей⁶, решительно отверг возможность рифмования разносложных слов типа *svírá — umírá, síní — zastíní*, но, судя по всему, принял как нечто очевидное возможность рифмы между двумя трехсложными словами и не прокомментировал это.

Для ответа на вопрос, что позволяет рифмовать безударные слоги в верхнелужицком языке, был проведен анализ записей чтения верхнелужицких прозаических и стихотворных текстов в программе Praat. Аудиоматериал общей длительностью 15 минут взят из общедоступных источников (YouTube). Все аудиозаписи корпуса представляют собой записи чтения письменных текстов, то есть высказывания не являются спонтанными. Была замечена тенденция к значительному удлинению всех безударных слогов на концах синтагм (конец стихотворной строки всегда совпадает с концом синтагмы). Она прослеживается при чтении как прозы, так и поэзии. Видимо, в данном случае на способность рифмоваться влияет не ударность гласного звука, а его длительность. При этом признаки ударности в верхнелужицком языке до сих пор специально не исследовались, но по предварительным оценкам длительность не является главным из них, так как во многих случаях удлинённый конечный

слог превышает по длине ударный первый. Исходя из этого, можно говорить о том, что общезыковая особенность верхнелужицкого — конечное удлинение слогов — особым образом используется в поэзии с целью облегчить создание стихотворных текстов на языке с фиксированным ударением. Из этого также следует, что неверно говорить о наличии в языке особого побочного ударения в трехсложных словах.

Работа представляет собой аргумент против привычного представления о том, что рифма в силлабо-тоническом стихосложении непременно требует ударности рифмоэлементов⁷.

Примечания

- ¹ Šewc-Schuster H. Gramatika hornjoserbskeje řeče. Zwjazk 1. Budyšin, 1984.
- ² Pful K.B. Słowo wo serbskich rymach. Łužica, Juni 1883, N 6.
- ³ Stone G. Sorbian // Comrie B. and Corbett G. G. (eds.). The Slavonic Languages. London, 1993. P. 593–685.
- ⁴ Якобсон Р. О чешском стихе: преимущественно в сопоставлении с русским. Сборник по теории поэтического языка, выпуск V. Государственное издательство Р.С.Ф.С.Р., 1923.
- ⁵ Ibrahim R. et al. Úvod do teorie verše. Praha: Akropolis, 2013.
- ⁶ Machek V. Přízvuková shoda v rýmech // Naše řeč. 1928. R. 12. Č. 5. S. 103–109.
- ⁷ Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 328.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.06

Исследования гендерно-чувствительного языка в Сербии

Екатерина Андреевна Стецкова

Институт славянской культуры РГУ имени А. Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация; e-mail: estetskova@inbox.ru

Ключевые слова: гендерно-чувствительный язык, гендерно-нейтральный язык

Gender-Sensitive Language Research in Serbia

Ekaterina A. Stetskova

Institute of Slavic Culture,
The Kosygin State University of Russia,
Moscow, Russian Federation; e-mail: estetskova@inbox.ru

Keywords: gender-sensitive language, gender-neutral language

В последние годы тема феминитивов приобретает все большую актуальность в Сербии и России, растет число посвященных ей научных работ. В рамках настоящей работы феминитивы понимаются как «наименования лиц женского пола, альтернативные номинациям мужского рода»¹. Ситуация с использованием феминитивов в государственных языках двух рассматриваемых стран различается как на собственно лингвистическом уровне (употребление маркированных по признаку пола лексем в спонтанной речи), так и на уровне нормирования языка (предписания законов, рекомендации справочных изданий). Так, в России гендерно-нейтральная терминология используется в СМИ, в политическом и научном дискурсах.

В Сербии использование феминитивов закреплено на законодательном уровне, однако, вызывает бурную общественную дискуссию. Существует большое количество лингвистических исследований гендерно-чувствительного языка, в настоящей работе приводятся лишь некоторые из них. В 2004 г. вышла книга С. Савич «Женщина, скрытая языком СМИ: кодекс несексистского использования языка»². Профессор С. Савич стоит у истоков сербской феминистской лингвистики³. Еще до выхода закона о гендерном равноправии 2009 г. она изложила собственные идеи по устранению гендерной дискриминации в языке. Она привела примеры, иллюстрирующие тезис о том, что женщины «не видны» за использованием грамматического мужского рода, который выполня-

ет функцию общего. Совокупность эмпирических данных, полученных ей в результате анализа текстов СМИ, подтверждает возникновение сложностей в определении пола человека при восприятии текста, в котором используется гендерно-нейтральная лексика. Савич предложила ввести кодекс использования гендерно-чувствительного языка, который помог бы изменить данную ситуацию и отношение к ней носителей языка.

В Сербии существует несколько законов, направленных на поддержание гендерного равенства. Первый их них — «Закон о гендерном равенстве», принятый 30 марта 2009 г.⁴ — декларирует равноправие между мужчинами и женщинами, но не содержит каких-либо предписаний по поводу использования гендерно-чувствительного языка. Примечательно, что закон ввел должность «комиссара по защите равных прав» (*повереник за заштиту равноправности*). Этот пост с 2010 г. и до сегодняшнего дня занимали женщины, однако в документах не фигурирует лексема «*повереница*», то есть гендерно-чувствительный язык *de facto* не всегда применяется на официальном уровне⁵.

В 2012 г. с целью сделать женщин «видимыми», установить гендерное равенство и снизить гендерную дискриминацию вышло «Руководство по гендерно-чувствительному подходу в СМИ в Сербии» Е. Филипович и А. Кузманович-Йованович⁶. Авторы не рассматривали употребление феминитивов как самоцель, но посчитали, что использование гендерно-чувствительных оборотов может повлиять на взгляды, ценности, мышление носителей языка. Также авторы указали на то, что в Сербии нет официального кодекса использования гендерно-чувствительного подхода в СМИ*.

* Однако существуют два неофициальных кодекса на страницах ассоциаций журналистов. ANEM: Tekst Etičkog kodeksa elektronskih medija // ANEM Asociacija nezavisnih elektronskih medija. URL: <http://www.anem.rs/sr/oAnemu/etickiKodeks/EtickiKodeks.html> (дата обращения: 23.05.2023), Kodeks novinara Srbije // Medijska pismenost. URL: <https://www.medijskapismenost.net/Kodeks-novinara-Srbije> (дата обращения: 23.05.2023).

В параграфе 5.13 «Язык» речь идет лишь об использовании гендерно-чувствительного языка в медиакомпаниях и, отвечая на приведенные в этой главе вопросы (например, «Имеет ли ваша медиакомпания четко определенное отношение к стандартизации гендерно-чувствительного языка?»; «Если вы считаете гендерно-чувствительный язык “неестественным”, предлагает ли ваша редакционная политика альтернативный способ сделать женщин видимыми в дискурсе ваших медиа-продуктов?»), руководитель может сделать выводы о том, какие шаги ему необходимо предпринять⁷.

В 2015 г. В. Бошкович защитила диссертацию на тему «Дискурсивные средства выражения гендерных идеологий на примере студенческого населения Сербии»⁸. Автор проанализировала осознанное и неосознанное использование дискурсивных средств, на выбор которых влияет гендерная идеология, традиционная или эгалитарная, гендерно-чувствительные особенности в сербском языке, гендерно маркированную лексику, гендерную дискриминацию. В работе сделан акцент на отсутствии феминитивов в официальных словарях, например, в Словаре Матицы сербской. Таким образом, со стороны государства до сих пор не предприняты какие-либо конкретные шаги по использованию гендерно-чувствительного языка.

По мнению Бошкович, гендерно-чувствительный язык характеризуется не только использованием феминитивов, но и отсутствием сексистских наименований в речи, например, при обращении к незамужним женщинам *госпођица* ‘барышня, незамужняя девушка’, избегание обращения с помощью лексем мужского рода к группе людей обоего пола и т. д. В исследовательской части работы представлен анализ статистических данных: опрошено 248 студентов обоих полов государственных и частных учебных заведений Сербии на тему гендерного равенства. Автор выяснила предпочтения студентов в этом вопросе, как их гендерные взгляды воздействуют на дискурс, влияет ли позиция руководства государственного учреждения на формирование представлений о качествах личности и ролях мужчин и женщин. Таким образом, прослеживается связь между гендерной идеологией

и дискурсом. Дискурсивные средства здесь — это гендерно-чувствительный и гендерно-нечувствительный языки. В. Бошкович пришла к выводу, что среди студентов не находят большого распространения такие термины, как «гендерная идеология», «гендерно-чувствительный язык», преимущественно отсутствует понимание их значения (лишь 20% из опрошенных ответили, что знают, что такое гендерная идеология, однако, только 12 человек дали правильное объяснение этого термина).

Закон о гендерном равенстве, принятый 24 мая 2021 г.⁹, в отличие от предыдущего, содержит четкие положения о гендерно-чувствительном языке. Он декларирует равноправие между мужчинами и женщинами, выражающееся в языке, и вводит термин *родно осетљив језик* ‘гендерно-чувствительный язык’ для обозначения сербского языка с использованием, в частности, феминитивов. Стало обязательным использование гендерно-чувствительного языка в названиях должностей, профессий (ст. 25), в учебниках и учебных материалах, а также в свидетельствах, дипломах, лицензиях, классификациях, перечнях профессий и других документах о квалификации (ст. 37), в СМИ (ст. 44). Согласно этому закону, гендерно-чувствительный язык призван бороться со стереотипами, дискриминацией и изменить мышление граждан. Декларирование на государственном уровне в Сербии гендерно-чувствительного языка спровоцировало появление ряда научных исследований, авторы которых заняли оборонительную позицию и не согласились с вмешательством в естественное развитие сербского языка и насильственной интеграцией гендерно-чувствительной лексики со стороны государства.

Формы использования гендерно-чувствительного языка были описаны С. Савич в 2004 г.¹⁰ Она показала, как можно заменять гендерно-нечувствительную речь. Например, автор привела варианты слов женского рода вместо слов общего рода, предложила употреблять их через слэш при упоминании группы лиц, в составе которых есть люди обоего пола и т. д. Закон 2021 г. во многом опирался на эту работу.

Также в 2021 г. вышло «Руководство по использованию гендерно-чувствительного языка» авторов К.Ц. Кнежевич и Е. Лалатович. Это руководство состоит из трех частей: в первой речь идет о важности использования гендерно-чувствительного языка, во второй — о внедрении его в повседневную жизнь, в третьей части приведен словарь гендерно-чувствительной лексики. В руководстве представлены примеры использования феминитивов: «Мужской пол не является нейтральным и не относится к женщинам. Вместо: “студенты в июне 1968 года организовали массовые демонстрации в Белградском университете” мы должны точно представить реальность, какой она была в действительности: “студенты и студентки в июне 1968 года организовали массовые демонстрации в Белградском университете”». 39 страниц составил список женских названий должностей и профессий, которые могут заменить гендерно-нейтральное обозначение (*audiolog* — *audiološkinja* ‘аудиолог’, *čarapar* — *čaraparka* ‘чулочник’ и т. д.).

В 2021 г. Матица сербская выпустила сборник статей, посвященных новому закону о гендерно-чувствительном языке. В статье «Положение сербского языка в современном обществе»¹¹ епископ Иринея (Булович) назвал закон о гендерно-чувствительным языке самым неудачным за последние годы и выступил за сохранение языковой традиции. Академик Предраг Пипер в статье «По случаю закона о гендерном равенстве»¹² написал: «Идеология гендерного равенства является частью радикального феминизма, которая имеет отношение к глобальному неолиберализму, а также все больше приобретает черты глобального тоталитаризма».

Весна Ломпар в статье «“Гендерно-чувствительный язык” и вопрос создания учебников»¹³ поделилась своим практическим опытом: «Раньше была рекомендация использовать гендерно-чувствительный язык в учебниках. Я писала один школьный учебник еще в 2005 году и поняла, насколько это неприменимо и ненужно». Автор предупредила о трудностях при написании новых учебных пособий в связи с принятием закона.

На примере изменений в сербском законодательстве можно сделать вывод о том, что феминитивы — это лишь один из шагов к достижению гендерного равенства. Необходимо изменение мышления людей от традиционного восприятия общества к эгалитарному. Я. Чаушевич и С. Злотрг применительно к аналогичной ситуации в соседней Боснии и Герцеговине писали: «Правовая основа в обществе и основы грамматики и нормы — это только одна сторона проблемы. Обратной стороной в обоих случаях является сознание людей, идеология и социальная практика»¹⁴.

Примечания

- ¹ *Гузераова Р., Косова В.* Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2017. № 4 (50). С. 11.
- ² *Savić S.* Žena skrivena jezikom medija: kodeks neseksističke upotrebe jezika. Novi Sad: Futura publikacije, 2004.
- ³ *Savić S.* Another Example of (Non)Visibility of Women in a Textbook // *Linguistics with a human face: Festschrift für Norman Denison zur 70. Geburtstag*. Graz: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Graz. P. 359–364.
- ⁴ Закон о равноправности полова: 104/2009-61 // Правно информациони систем Републике Србије. URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/zakon/2009/104/23/reg> (дата обращения: 23.05.2023).
- ⁵ *Бошковић В.* Дискурзивна средства за изражавање родних идеологија на примеру студентске популације у Србији. Докторска дисертација. Универзитет у Београду. Филолошки факултет. Београд, 2015. С. 66.
- ⁶ *Filipović J., Kuzmanović Jovanović A.* Vodič za rodno osetljiv pristup medijima u Srbiji. Beograd, 2012.
- ⁷ *Ibid.* S. 31.
- ⁸ *Бошковић В.* Дискурзивна средства.
- ⁹ Закон о родној равноправности: 52/2021-7 // Правно информациони систем Републике Србије. URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/zakon/2021/52/3/reg> (дата обращения: 23.05.2023).
- ¹⁰ *Savić S.* Žena skrivena. S. ...
- ¹¹ *Булович И.* Положај српскога језика у савременом друштву // Положај Српскога Језика у Савременом Друштву. Изазови, проблеми, решења. Зборник саопштења с округлог стола одржаног у Матици српској 3. јула 2021. године. Нови Сад — Београд: Матица српска, 2021. С. 9–12.
- ¹² *Липер П.* Поводом закона о родној равноправности // Положај Српскога Језика у Савременом Друштву. Изазови, проблеми, решења. Зборник саопштења с округлог стола одржаног у Матици српској 3. јула 2021. године. Нови Сад — Београд: Матица српска, 2021. С. 21–25.

- ¹³ *Ломпар Т.В.* «Родно осетљив језик» и питање израде уџбеника // Положај Српскога Језика у Савременом Друштву. Изазови, проблеми, решења. Зборник саопштења с округлог стола одржаног у Матици српској 3. јула 2021. године. Нови Сад — Београд: Матица српска, 2021. С. 39–40.
- ¹⁴ *Čaušević J., Zlotrg S.* Diskriminacija u jeziku: Istraživanja u BiH // Bosanskohercegovački slavistički kongres I. Zbornik radova (knjiga 1). Sarajevo, 2012. S. 321.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ АРЕАЛОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.07

Одежда и ее цвет в песенном фольклоре македонцев и болгар

Александра Игоревна Чиварзина

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Агата Павловна Якимова

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: porfironos@yandex.ru

Ключевые слова: фольклор, одежда, цветообозначения, болгарский, македонский

Clothing and its Color in the Bulgarian and Macedonian Folklore Songs

Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Agatha P. Yakimova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: porfironos@yandex.ru

Keywords: folklore, color terms, clothing, Bulgarian, Macedonian

Одежда — важнейший атрибут внешнего вида не только реального человека, но и персонажа фольклорного произведения. Тексты народных песен дают широкие возможности для анализа упоминаемых в них элементов костюма и тканей, из которых его делали. Признаки одежды, получающие актуальность в текстах подобного рода, разнообразны: это и материал, и способ создания, и принадлежность тому или иному герою. Наиболее распространенным признаком, присутствующим одежде в песенном фольклоре, является цвет. Цвет участвует в создании образов и важен для характера самой песни, с помощью цвета костюма подчеркивается душевное состояние персонажа.

В песенном фольклоре палитра сведена до архаических цветов: наиболее часто фиксируются обозначения белого, черного и красного. Это соответствует теоретическим заключениям о специфике фольклорных жанров и на материале других языков¹. По замечанию А.Т. Хроленко, черно-белая гамма является инвариантной в системе прилагательных, встречающихся в фольклорных текстах, она устойчива, однородна и превалирует во всех жанрах фольклора². Именно цветообозначения белого и черного, которые по отношению к предметам гардероба представлены исключительно славянскими лексемами от праслав. **běľъ* и **čьrnъ(jь)*, часто становятся постоянными эпитетами.

Белый в традиционной народной культуре и в фольклоре, как одной из ее сторон, символизирует красоту, благородство, физическую и нравственную чистоту³. Символика белого распространяется и на детали одежды. Кроме того, белый — это также обозначение ткани, которую не окрашивали, на которой нет вышивки. Таким бывает, например, саван или полотно, регулярно упоминаемые в песнях («*Ти ме прекрий с това бело платно*» — девушка предлагает ее прикрыть белым полотном, словно саваном⁴).

Использование обозначения «**черный**» при описании предметов одежды связано с переносным значением лексемы и траурной символикой, закрепленной за соответствующим цветом в народной культуре. Так в плачах и песнях,

посвященных национально-освободительной борьбе, непременно упоминается костюм тоскующего. О смерти гайдука сообщают метафорически: *Брата ќе женат за Македонија. Неговата мајка црно завиена...* [Брата поженили на Македонию, его мать в черное увита (в трауре)]⁵.

Параллельные конструкции, которые противопоставляют белый и черный цвета в песне, являются примером функционирования не только оппозиции белый / черный, но и чистый / нечистый, счастливый / несчастный: *Маре море, Маре, / а што бело переш, / а пак црно носиш* [Мара дорогая, Мара, / что же ты белое стираешь, / а черное снова надеваешь]⁶.

В отличие от обозначений белого и черного, которые в анализируемых нами текстах были представлены исключительно славянскими лексемами, предметы **красного цвета** могут описываться словами как славянского (праслав. **čьrv(j)enъ*), так и тюркского происхождения (тюр. *güvez* 'темно-красный', *al* 'красный'): *аловие фустан* 'красное платье', *црвен бајрак* 'красное знамя' и др.

В традиционной народной культуре **желтый** цвет, с одной стороны, наделяется преимущественно негативной оценкой, что связано с отрицательными коннотациями, подкрепленными желтоватым оттенком кожи умерших или больных людей⁷. С другой стороны, в песенном фольклоре желтый является постоянным нейтральным описанием цвета туфель: в XIV в. в Софии вырабатывали кожу красного и желтого цвета под названием *булгари*, а *жълти ботуши*, *катъри* были праздничной кожаной обувью⁸. Об этом эмоционально свидетельствует лазарская песня из Преславского района: *Кът си убаву играят! / Пъстри поли момински / Жълти чехли кдънски* [Как красиво танцуют! / Пестры юбки девицы, / Желтая обувь молодых!]⁹.

Кроме того, соответствующее цветообозначение может выступать в качестве синонима золотого: например, дериваты от праслав. **žьltъ*- используются для односложного наименования золотых монет (*жълтичке*). Полноценным колоронимом может выступать и **золотой**: *Породила сирота Влахинья, / Породила гиди мъшко дете, / Мъшко дете*

нишанлие: / На главата с златна коса, / На ръките със шес пърста. / Повила го в златни пльани [Родила сирота влашка, / родила мальчика, / Особого мальчика: / На голове у него золотые волосы, / На руках по шесть пальцев. / Запеленала его в золотые пеленки]¹⁰.

Зеленый цвет последовательно упоминается при описании полного народного костюма молодого болгарина: ... *Облечи го на чарвено, / Опаши го на зелено* [...Одень его в красное, / Опояшь его в зеленое]¹¹. Иные случаи употребления соответствующего колоронима от праслав. **zelenъ* связаны с характеристикой цвета ткани и не относятся в строгом смысле к предметам одежды: *зелен бајрак* ‘зеленое знамя’, *зелено седло* ‘зеленое седло’, *зелено кадиџе* ‘зеленый бархат’, причем последнее — метафора весеннего зеленеющего леса¹². Скучность зеленого в описании одежды обусловлена также и запретом в Османской империи носить зеленое не мусульманам (ср. устаревший фразеологизм *зелено не носи* ‘не мусульманин’).

Реже всего в песнях встречается **синий** цвет и его оттенки. Анализ показал, что для обозначения синего в рассматриваемых текстах используются лексемы как славянского происхождения (**sinъ*, **modъrъ*), так и тюркского (*mor* ‘фиолетовый’, *tavi* ‘синий’)¹³. Синий в народной культуре часто становится синонимом черного. Это можно проследить в соответствующих песнях на гибель героя: *Немој, мајко, не ме буди, / лоша сонa сум сонило: / бев облекло црна гуња, / црна гуња до колена, / мор фереџе дур до земна* [Не буди меня, мама, / Мне приснился плохой сон: / я была одета в черную безрукавку (верхняя одежда), / безрукавку до колен, / **синюю** чадру до земли]¹⁴. Синонимия с черным проявляется и в контекстах противопоставления: *бела риза — синя сая* [белая рубаша — синее платье].

Цветообозначения «синий» и «зеленый» также встречаются в традиционной связке *син-зелен*, обозначая темные тона: *Коприна не ми достигна... / Синџа зелена коприна* [Шелка мне не досталось... / Сине-зеленый шелк]¹⁵.

Как показывает корпус проанализированных текстов из болгарских и македонских сборников устного народного

творчества и этнографической литературы, различные цвета оказываются постоянными эпитетами для разных предметов одежды. Цвет предметов одежды упоминается не только в традиционном для конкретного цвета символическом значении, но и для обозначения национальной принадлежности лирического героя по цветам его национального костюма. Чаще всего получают цветовую характеристику платок, пояс, рубашка, верхняя одежда, одежда среднего слоя, головной убор. Кроме того, упоминается название костюма вообще: *премяна* ‘наряд’ и ‘траур’.

Примечания

- ¹ *Almalech M.* Balkan Folk Colour Language. Significance of Colour in Balkan Folklore: Marriage and Burial. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 1996. P. 14–15.
- ² *Хроленко А.Т.* Цвет в различных жанрах русского фольклора (К постановке проблемы) // Ученые записки Курского государственного педагогического института. Курск: Издательство Курского государственного педагогического института, 1972. Т. 94. Вопросы литературы / отв. ред. И.З. Баскевич. С. 211.
- ³ *Толстой Н.И.* Белый цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 151–154.
- ⁴ Сборникъ за Народни Умотворения (далее — СБНУ). София: Държавна печатница, 1890. Кн. 2. С. 59
- ⁵ *Органичева Ц.* Женидбена симболика во македонските комитски и револуционерни народни песни // Македонски фолклор. 1971. № 7–8. С. 24.
- ⁶ *Кежели-Каличанин Т.* Македонски материјали во «Анкетен пресек 1949–1953» // Македонски фолклор. 1986. № 38. С. 306.
- ⁷ *Усачёва В.В.* Желтый цвет // Славянские древности. Т. 2 (Д–К). С. 202.
- ⁸ *Ганева Р.* Знаците на българското традиционно облекло. София: Пенсофт, 2003. С. 122.
- ⁹ СБНУ. София: Държавна печатница, 1895. Кн. 12. С. 14.
- ¹⁰ СБНУ. София: Държавна печатница, 1892. Кн. 7. С. 101.
- ¹¹ СБНУ. София: Държавна печатница, 1891. С. 17. Кн. 6.
- ¹² *Олевска Р.* Музичките особености на песните од репертоарот на народната пејачка Милица Андреевска од с. Долно Крушје, Порече // Македонски фолклор. 1990. № 45. С. 154.
- ¹³ *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1972. Knjiga druga (K — poni’). S. 393.
- ¹⁴ Водички обичаи и песни во Порече од збирка на М. Ристески // Македонски фолклор. 1970. № 5–6. С. 141.
- ¹⁵ СБНУ. София: Държавна печатница, 1895. Кн. 12. С. 105–106.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.08

Представление об оппозиции «мужской – женский» на материале родинной и похоронной обрядности в Сербии

Янтун Чжэн

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: alexsasha1995@163.com

Ключевые слова: мужской, женский, родинная обрядность,
похоронная обрядность, Сербия

The Presentation of the Opposition “Male – Female” on the Material of Maternity and Funeral Rituals in Serbia

Yangtong Zheng

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: alexsasha1995@163.com

Keywords: male, female, maternity ritual, funeral ritual, Serbia

Семантическая оппозиция «мужской — женский» является одной из основных в народной культуре. С ней связано противопоставление мужского и женского начала в категории пола, грамматического рода, символики и обрядовых функций¹. С оппозицией «мужской — женский» соотносится ряд бинарных признаков, например, «хороший — плохой», «правый — левый», «внутренний — внешний», и т.д. Н.И. Толстой обобщил и подробно проанализировал семнадцать видов оппозиций типа «мужской — женский» в сербской народной традиции².

Обратившись к **родинной** обрядности, можно заметить, что ребенок мужского пола желаннее, чем ребенок женско-

го пола. Считается, что мальчик является «стержнем дома», он продолжает семейную линию. Если в семье не рождаются мальчики, это рассматривается как большое несчастье. В соответствии с сербской традицией выделять значимость мужчины в доме, «мужской — женский» последовательно ассоциируется с оппозицией «хороший — плохой». По сербским народным поверьям, рождение мальчика означает счастье в доме, а рождение девочки ведет к потере добра и удачи. В сербском языке известны следующие пословицы: 1) *Срећна је кућа са мушком децом!* [Счастлив дом с детьми мужского пола!]³. 2) *Женско је туђа срећа.* [Девочка — чужое счастье]⁴.

В гаданиях о том, какого пола родится ребенок, отражается не только оппозиция «мужской — женский», но и связанное с ней противопоставление «правый — левый». Например, считается, что если женщина чувствует, что ее ребенок первый раз начинает шевелиться справа, то она родит мальчика, а если слева, то девочку.

Оппозиция «мужской — женский» может связываться с противопоставлением «внутренний — внешний». Если беременная впервые почувствует шевеление ребенка, находясь дома, то считается, что будет мальчик, а если вне дома, то девочка⁵.

В магических ритуалах, когда загадывают рождение сына, важную роль играют животные мужского пола, а также «мужские» растения, то есть растения, которые носят «мужские имена». В районе Хомоле перед свадьбой невесте предлагают положить за пазуху дубовые желуди, грецкие или лесные орехи для того, чтобы, выйдя замуж, она рожала только сыновей. В другом ритуале женщина должна постирать свою юбку и рубашку, а затем искупать в этой воде петуха, произнося три раза следующие слова: «В этом году я купала петуха, а в следующем году буду купать маленького мальчика!» Эта же птица используется в обряде, записанном в районе Болеваца. Женщина, которая хочет родить сына, должна зарезать петуха, съесть его желудок, и тогда, по поверьям, ее желание исполнится⁶.

В похоронной обрядности сербов также прослеживается связь между оппозициями «мужской — женский», «правый — левый». Так, для предсказания пола того, кто умрет следующим, смотрят на ноги покойника: если правая нога у него короче левой, полагают, что в том же селе в скором времени умрет мужчина (или ребенок мужского пола), а если короче левая нога — смерть ожидает женщину (или ребенка женского пола)⁷. Еще пример: если телегой или санями, на которых лежит покойник, правит правша, и они не сразу трогаются, то в том году в доме покойника умрет женщина, а если лошадьми правит левша, и сани не сразу могут выехать со двора, то умрет мужчина⁸. Если по дороге из дома на кладбище наткнуться на правшу, везущего мертвое тело, то умрет женщина, а если на левшу, то умрет мужчина⁹. Изменение связи между признаками в данных оппозициях (правый здесь соответствует женщине, а левый — мужчине) обусловлено народными представлениями о добре и зле: считается, что дому будет хуже, если следующим покойником станет мужчина.

Оппозиция «мужской — женский» также может быть связана с противопоставлением «продольный — поперечный». В Хомоле в восточной Сербии известно верование, согласно которому, если в течение 40 дней после похорон покойника могила даст поперечную трещину, то это предзнаменование того, что в том же году умрет еще один член семьи женского пола, в то время как продольная трещина — к смерти члена семьи мужского пола. Перекрестные продольная и поперечная трещины — к смерти большого числа детей во всем селе¹⁰.

Оппозиция «мужской — женский» в народных представлениях связывается с жертвенными животными мужского и женского пола на поминках по усопшим. Если поминали мужчину, то резали барана. А если проводили поминки по женщине, то резали овцу¹¹.

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что оппозиция «мужской — женский» отражается в родинных и похоронных обрядах в Сербии и выражает отношение сербов к окружающему миру. В народе считают, что рождение

мальчика важнее для семьи, чем рождение девочки, а уход из жизни мужчины трагичнее, чем смерть женщины. Поэтому в рамках родинного обряда все традиционно «хорошие», «добрые» признаки иных оппозиций, связанных с противопоставлением мужского и женского, ассоциируются с рождением в скором времени мальчика, а в рамках похоронного обряда, наоборот, косвенное указание на мужской пол воспринимается как дурное предзнаменование скорой кончины мужчины.

Примечания

- ¹ *Валенцова М.М.* Мужской–женский // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. К–П. С. 311–317.
- ² *Толстой Н.И.* Бинарные противопоставления типа *правый–левый, мужской–женский* // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Индрик, 1995. С. 153.
- ³ *Влајинац М.* Жена у народним пословицама. Београд: САНУ, 1975. С. 198.
- ⁴ Там же. С. 2.
- ⁵ *Требјешанин Ж.* Представа о детету у српској култури. Београд, 2000. С. 35.
- ⁶ Там же. С. 24–25.
- ⁷ *Грбић С.* Српски народни обичаји из среза Бољевачког // Српски етнографски зборник. 1909. Т. 14. С. 243.
- ⁸ *Ђорђевић Т.Р.* Животни круг: рођење, свадба и смрт у веровањима и обичајима нашег народа. Ниш: Просвета, 2002. С. 353.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Милосављевић С.* Српски народни обичаји из среза Хомољског // Српски етнографски зборник. 1913. Т. 20. С. 257.
- ¹¹ *Зечевић С.* Самртни обичаји у околини Зајечара // Гласник етнографског музеја. 1978. Књ 42. С. 394.

Символика волос в восточнославянских обрядах жизненного цикла

Светлана Константиновна Мамонова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: smamonova10@yandex.ru

Ключевые слова: обряды жизненного цикла, волосы, символика телесных образов

Symbolism of hair in East Slavic rites of passage

Svetlana K. Mamonova

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: smamonova10@yandex.ru

Keywords: rites of passage, hair, bodily symbolism

Волосы в народной культуре восточных славян являются семантически нагруженной частью человеческого облика, с ними связано множество бытовых и ритуальных практик в контексте которых они наделяются сложной, зачастую амбивалентной символикой¹.

На концептуальном уровне важно различать два значения, которые лежат в основе традиционных представлений славян о волосах. Волосы могут осмысляться как вещество, из которого состоит человеческое тело, оказываясь в одном ряду с ногтями, зубами и костями, которые способны долгое время сохраняться после смерти (см. восточнославянское поверье о том, что волосы и ногти продолжают расти после смерти человека — отсюда жуткие детали облика являющихся покойников и иных мифологических персонажей²).

Во втором значении волосы — это прическа, неотъемлемая часть человеческого облика, которая способна репрезентировать социальный и половозрастной статус.

Выделенные значения по-разному реализуются в ситуациях обрядов перехода, образуя довольно сложные семантические комплексы. В статье предпринята попытка выявить и обобщить различные аспекты ритуальных действий с волосами.

Стрижка волос в обрядах родильно-крестильного цикла является одним из первых шагов приобщения ребенка к пространству человеческой культуры наряду с ритуальным обрезанием пуповины, крещением и имянаречением. Уже на этом этапе волосы становятся проекцией гендерных различий: известно, что, когда ребенку первый раз стригли волосы, его сажали на предмет, символизирующий мужское или женское начало (или клали такой предмет ему под голову)³. Некоторые исследователи (Т.А. Бернштам, А.К. Байбурин, Г.И. Кабакова) интерпретировали данный обряд как момент окончательного оформления гендерной принадлежности ребенка, однако подобный вывод кажется весьма противоречивым, поскольку характер ритуала определяет изначальная биологическая данность, сам же ритуал направлен на «программирование» будущего социального и гендерного статуса ребенка. Можно выделить три основных варианта соотносительности пола ребенка и соответствующих ему обрядовых действий с волосами: 1) с мальчиками и девочками совершают одно и то же действие (подкладывают под голову различные предметы), но эти предметы отличаются своей символикой; 2) мальчикам стригут волосы, а девочкам заплетают первую косу; или мальчиков и девочек стригут по-разному⁴; 3) ребенка вне зависимости от пола сажают на шубу, вывернутую мехом наружу, и крестообразно выстригают некоторое количество волос.

Крайне важным представляется рассмотрение символики волос в молодежном игровом фольклоре, поскольку здесь аккумулируются те значения прически, которые отражаются в свадебной обрядности. Различные игровые практики не об-

разумеют целостного обрядового комплекса как, например, родины или свадьба. Однако их функция близка к обрядовой: они постулируют новый статус человека в коллективе; обуславливают саму возможность смены статуса; строятся на различных нормах, выработанных социумом⁵.

Волосы, сопряженные с идеей роста и постоянного обновления, в игровом фольклоре становятся знаком расцвета человеческой жизни. Если говорить о мужчинах, то это отражено в символике кудрей в игровых песнях.

Девичья коса становится проекцией половозрастного статуса: посредством прически (через вплетание красной или цветной ленты в косу) девушка сообщала коллективу о готовности к браку. Помимо этого, в контексте молодежных игр коса являлась символом девичьей свободы, привлекательности. Эти символические значения затем переосмысливаются в контексте свадьбы.

Обрядовые функции и семантика прически подробно изучались на материале свадебной обрядности⁶. Сопоставление ритуальных действий, совершаемых с мужскими и женскими волосами, показало, что женские волосы обладают как положительной, так и отрицательной семантикой. Покрывание головы невесты становится способом овладения тем деструктивным началом, которое, как считалось, присуще женщине. Мужские волосы связываются с продуцирующей символикой, неотделимой от мужской сексуальной активности. Смена головного убора, расплетание косы у невесты и пострижение волос жениха функционально оказываются знаком перехода, однако для каждого из них этот переход сопряжен с различным набором чувств. Стрижка волос жениха (главным образом в белорусском свадебном обряде) не вела к существенному изменению внешности, в то время как для невесты расплетание косы и смена головного убора являлись отказом от важного элемента собственного облика, который символизировал свободу, связь с собственной семьей, с подругами, с определенной поведенческой моделью. Этот момент осмысливается драматически, что находит отражение в причитаниях и свадебной лирике.

В контексте похоронного обряда волосы осмысляются как одна из составных частей человеческого тела. Расчесывание (и в некоторых традициях стрижка покойника) входит в общий ритуал омовения, который выполняет не столько косметическую, сколько очистительную функцию. В большом количестве традиций существовала практика класть волосы, собранные в течение всей жизни, в гроб покойному. Они осмыслились как то, что может потребоваться ему на том свете. Кроме того, на основании представления о том, что волосы могут расти после смерти, они связываются с различными демонологическими представлениями: большое количество волос или неестественно длинные волосы — отличительная черта заложенных покойников, домовых, леших, мертвецов, водяных, русалок. Распущенные волосы в целом наделяются отрицательной семантикой и оказываются знаком некоего звериного начала в человеке (см. образ «девок-простоволосок» в заговорах, которые выступают как персонификация болезни, а также южно- и восточнославянские запреты выходить женщинам с непокрытой головой и распущенными волосами). В то же время, волосы в народнохристианских представлениях были символом бесчисленных человеческих грехов, за которые после смерти нужно отвечать перед Богом.

Одной из ключевых для обрядов перехода оппозиций является противопоставление собранных/распущенных волос. Распущенные волосы, как правило, маркируют переходный статус, однако в контексте конкретных обрядов распускание волос наделяется различной семантикой. Так, распускание волос во время родов символизирует размыкание границ тела женщины; в свадебном обряде распущенные волосы невесты являются знаком ее смерти для старого мира.

Таким образом, волосы являются неотъемлемой частью внешнего облика человека. В обрядах жизненного цикла через изменение прически закрепляются конкретные изменения возрастного и социального статуса. В то же время волосы как одна из субстанций, из которых состоит человеческое тело, обладает рядом негативных коннотаций, мотивированных прежде всего представлениями об их связи с потусторонним миром.

Примечания

- ¹ О значении волос в традиционной культуре см. *Толстой Н.И., Усачева В.В. Волосы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 420–424; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 46–55.*
- ² *Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 58; Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 37.*
- ³ *Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / отв. ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон. СПб., 1991. С. 257–265. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. С. 130.*
- ⁴ *Кузеля З. Дитина в звичаях і віруваннях українського народу // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1907. Т. 8. С. 106.*
- ⁵ «Бытование слова “игра” в качестве названия поведения в поре совершеннолетия позволяет назвать им и самый период, то есть время и образ жизни, переходное состояние, полный цикл которого молодежь проживала в течение календарного года и воспроизводила ежегодно до вступления в брак (или безбрачного выхода из возраста совершеннолетия)». *Бернштам Т.А. Совершеннолетние девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. С. 235.*
- ⁶ *Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881; Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavica. 1926. Вып. 2–3; Гаген-Торн Н.И. Магия волос // Женская одежда народов Поволжья: (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С. 139–150; Колесническая И.М., Телегина Л.М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 112–122; Мадлевская Е.Л. Девичья красота и социовозрастной статус девушки в традиционной культуре русских // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Наталии Михайловны Герасимовой / под ред. И.Ф. Даниловой. СПб., 2002. С. 88–102; Толстая С.М. Символика девственности в полесском свадебном обряде // Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010. С. 131–149; Толстая С.М. Мотив расставания с волей (красотой) в свадебных причитаниях Русского Севера // Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 271–277.*

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.10

Журавль в белорусском и китайском ассоциативном поле

Жоши Кан

Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь; e-mail: kangruoshi@gmail.com

Ключевые слова: журавль, психолингвистика, ассоциативный эксперимент, культура

Crane in Belarusian and Chinese association field

Zhoshi Kang

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus; e-mail: kangruoshi@gmail.com

Keywords: crane, psycholinguistics, associative experiment, culture

Ассоциации создают тесную связь между предметами и отдельными событиями, явлениями, отражая стереотипы нашего сознания, нашей памяти. Изучение ассоциаций и составление ассоциативных словарей помогает пополнить представление о языковой картине мира нации, при этом общие закономерности ассоциирования складываются из индивидуальных реакций носителей языка. Как писал Ю.Н. Караулов об ассоциативном словаре, «это еще не речь, но он являет язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ “держания” языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святыми, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего»¹.

В рамках работы по психолингвистическому изучению зоонимов в китайском языке и в речи русскоязычных белорусов были проведены свободные ассоциативные эксперименты, в результате чего собран большой материал, позволяющий выявить ассоциативные стереотипы и сопоставить ассоциативные поля (АП) зоонимов двух языков. Всего отобрано 1200 анкет, по 600 для обоих языков. В настоящей статье приводятся общие результаты анализа АП слова-стимула **журавль**.

Журавль у многих народов почитался как священная птица, например, у славян наряду с аистом². У восточных народов, в частности, у китайцев, журавль обладает разнообразной символикой. В Китае существует богатая фольклорная, текстовая и изобразительная традиция, связанная с журавлем. За долгую, более чем 3000-летнюю историю, которую можно проследить по сохранившимся произведениям искусства (поэзия, живопись) и которая находит отражение в словаре, у китайцев сложилось уникальное представление о журавле во многих областях культуры, таких, как литература, фольклор, искусство, религия, а также в языке, философии и даже в спорте. В глазах многих китайцев журавль является символом культуры, одним из ее олицетворений³.

Основные реакции китайцев на стимул *хэ* (鹤 ‘журавль’) связаны с небожителями, долголетием и элегантностью. Из 600 китайских ассоциаций на стимул *хэ* 145 связаны с небожителями: *сянци* (仙气 ‘дыхание богини’) — 54, *шэньсянь* (神仙 ‘небожитель, бессмертный, божество’) — 31, *сяньжэнь* (仙人 ‘небожитель, бессмертный, божество’) — 19, *сянь* (仙 ‘небожитель, бессмертный, божество’) — 11, *сяньфэн даогу* (仙风道骨 ‘манеры бессмертного и облик даоса’) — 7, *сянци пяо-пяо* (仙气飘飘 ‘летающее дыхание богини’) — 8, *сянци шицзу* (仙气十足 ‘чистое дыхание богини’) — 4, *цзя хэ си цюй* (驾鹤西去 ‘верхом на журавле унести на запад’, образно ‘уйти из жизни’) — 7, *цзя хэ си ю* (驾鹤西游 ‘сидя на журавле, путешествовать на запад’ с тем же значением) — 2, *сяньжэнь цзя хэ* (仙人驾鹤 ‘небожитель сидит верхом на журавле’ с тем же значением) — 2.

40 ассоциаций связано с долголетием: *чаншоу* (长寿 ‘долголетие’) — 34, *гаошоу* (高寿 ‘долголетие’) — 3, *яньнянь* (延年 ‘продлевать жизнь’) — 3.

Еще 48 из 600 китайских ассоциаций связаны с элегантностью, красотой, нравственностью, манерами: *гаоцзе* (高洁 ‘возвышенный и чистый’) — 9, *гаоя* (高雅 ‘изысканный, изящный, элегантный’) — 7, *юя* (优雅 ‘изящный, элегантный, грациозный’) — 8, *цингао* (清高 ‘чистый, высоконравственный’) — 5, *гаогуй* (高贵 ‘знатный’) — 4, *дуаньчжуан* (端庄 ‘благопристойный’) — 2, *гаоао* (高傲 ‘высокомерный’) — 3, *хэли цзицунь* (鹤立鸡群 ‘стоять как журавль среди кур’, образно ‘возвышаться над окружающими’) — 4, *сяньюньхэ* (闲云野鹤 ‘вольное облако и дикий журавль’, образно ‘не связанный никакими обстоятельствами’) — 2, *юмэй* (优美 ‘прекрасный’) — 2, *аогу* (傲骨 ‘гордый’) — 1, *бинциньюйцзе* (冰清玉洁 ‘прозрачный как лед, чистый как яшма’, образно так говорят о чьих-либо высоких моральных качествах) — 1. Здесь только одну реакцию — *гаоао* ‘высокомерный’ — можно отнести к негативным, в остальных случаях представление китайцев о журавле исключительно положительное.

Таким образом, в традиционном представлении китайцев *журавль* считается почитаемой птицей, символизирующей бессмертие, процветание, счастье. Ассоциации, которые вызывает журавль, обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, цвет его оперения. Белый — это сумма всех цветов спектра, его также называют «источником десяти тысяч цветов». Поэтому многие ассоциируют журавля с чистотой, святостью. А красный цвет для китайцев является символом удачи и радости⁴. Линии тела журавля мягкие и плавные. Длинный клюв, длинная шея, длинные ноги птицы, вытянутое тело связываются в народном сознании с элегантностью и благородством. Статичная красота журавля с красной короной не раз вдохновляла китайских писателей. Они сравнивали красную часть головы журавля с солнцем, а белые перья — со снегом: такое представление о журавле передавалось последующим поколениям.

Второе обстоятельство, повлиявшее на формирование ассоциативного поля слова *журавль* у китайцев — религия, даосизм. Даосы верят, что, совершенствуясь и обновляясь, душа и тело человека могут вознестись на небеса и жить там вечно. Еще они заметили, что продолжительность жизни журавля такая же, как у человека. Журавли могут высоко летать, считается, что на них передвигаются божества. Именно поэтому бессмертие как божественное свойство было перенесено на этих птиц, и их стали называть бессмертными⁵.

Во времена династий Тан и Сун в политических целях верховные правители начали широко распространять даосскую культуру. И журавль — птица, на которой по легенде передвигается высочайший наставник Чжан Даолин, основатель одного из ответвлений даосизма, ставший не только легендой, но и включенный в даосскую книгу «Юнь цзи ци цянью» («Семь грамот из облачного хранилища»). В сознании людей журавль стал воплощением бессмертных и даосов. С тех пор образ журавля неоднократно использовался в литературе и искусстве, особенно в эпоху династий Тан и Сун, что выразилось в разнообразных формах представлений о нем⁶.

Важной особенностью ассоциативного поля слова *журавль* у китайцев стали фразеологизмы, связанные со смертью, уходом из жизни. Таковы рассмотренные выше ассоциации ‘верхом на журавле унести на запад’, ‘сидя на журавле, путешествовать на запад’ и ‘небожитель сидит верхом на журавле’. Все они имеют значение ‘уйти из жизни, скончаться’⁷.

В ответах китайских респондентов также встречаются фразеологизмы, связывающие журавля с долголетием: *сунхэ яньнянь* (松鹤延年 ‘жить долго, как сосна и журавль’) и *гуйхэ ци лин* (龟鹤齐龄 ‘жить долго, как черепаха и журавль’)⁸. Сосны живут долго и не увядают зимой. В культуре многих народов, в том числе у китайцев, сосна — символ долголетия. А журавль как божественная птица бессмертен. Так устанавливается параллель сосны и журавля в китайском сознании, что связывает низший мифологический мир и вы-

сокий, небесный, божественный и позволяет их причислить к китайским мифологическим персонажам. Таким образом, здесь растительный и животный коды культуры пересекаются на уровне символического значения⁹.

Любопытна упомянутая ассоциация 'вольное облако и дикий журавль'. В китайской культуре облако символизирует свободу и чистоту. Идиома означает, что журавли, как облака, считаются существами, свободными от обыденности, и становятся символом благородства и элегантности¹⁰. Во фразеологизме *юнь чжун бай хэ* (云中白鹤 'белый журавль в облаках' — обозначение высоких моральных качеств человека) журавль сравнивается с человеком кристальной чистоты¹¹. Таким образом, формирование целостного значения фразеологизма происходит путем переосмысления компонентов этой единицы, в нашем случае, метафорического. Слово *журавль* расширяет значение, «захватывая» сферу, которая обычно относится к человеку.

Интересно, как представления китайцев о журавле перекликаются с восточнославянскими представлениями об этой птице, символизирующей обновление, элегантность, открытость, дружелюбие и теплоту¹². Русскоязычные белорусы являются одновременно носителями белорусской, русской и западной культуры, причем границы между ними размыты, часто их вообще нет. Это обусловлено историей, а также языковой ситуацией в Белоруссии, и подкрепляется данными о лингвистическом самосознании белорусов¹³. На фоне белорусского билингвизма можно говорить о культурном дуализме белорусов, ориентированных как на западную (польскую), так и во многом на русскую культуру.

Все, что связано с *журавлем* — это пример исторически обусловленного восточнославянского единого культурного пространства. Так, элегантность этой птицы в традиционных представлениях жителей Древней Руси отмечалась, в частности, академиком Б.А. Рыбаковым. Он писал, что славяне-язычники по-особому относились к журавлям из-за их отличавшихся элегантностью брачных танцев¹⁴. Из 600 белорусских ассоциаций на стимул *журавль* 29 связаны с элегантностью,

красотой: *грация* — 12, *длинноногий* — 6, *красивый* — 3, *изящность* — 2, *изящество* — 2, *утончённость* — 2, *грациозный* — 1, *красота* — 1.

Академик Б.А. Рыбаков в монографии «Язычество Древней Руси», отмечая существовавший на Руси культ журавлей, писал: «Журавли, наравне с аистами, голубями и соловьями, считались на Руси “божьими птицами”»¹⁵. Однако это отношение к журавлю у восточных славян никак не отражается в высокочастотных ассоциациях современных носителей. Это наводит на мысль о том, что в современном русском языке традиционное представление о журавле как о «божьей птице» ослаблено или даже утрачено.

В древних традиционных представлениях восточных славян изображение журавля отмечено, например, на серебряных браслетах, предназначенных для аграрно-магических действий, где оно переплеталось с солярными знаками и символизировало тепло и начало летних русалий¹⁶. Однако в ассоциативном поле данного зоонима у русскоязычных белорусов не было выявлено ассоциаций, связанных с подобной символикой, а ассоциация *долголетие* зафиксирована один раз: вероятно, она появилась под влиянием знания о связи долголетия с журавлем на Востоке — в Японии и Китае.

Среди самых частых реакций русскоязычных белорусов на стимул *журавль* отметим *небо* — 100 раз, *птица* — 68, *болото* — 29 (*болота* — 16), *Беларусь* — 24, *свобода* — 24, *белый* — 20, *в небе* — 18, *колодец* — 17, *крыло (крылья)* — 13) — 16, *грация* — 12. Мы видим, что ряд ассоциаций появились как отголоски знания паремий. Так, реакции *небо*, *в небе* свидетельствуют о распространенности пословицы *лучше синица в руке, чем журавль в небе*. А вот ассоциации *Беларусь* и *болото* локализуют места обитания птицы (к ним примыкают следующие ассоциации, связанные с местом обитания: *озеро* — 4, *гнездо* — 4, *поле* — 7, *деревня* — 2). Появление ассоциации *колодец* (17) связано с названием подъемного механизма, используемого до сих пор в некоторых белорусских деревнях и называемого журавлем из-за его сходства с фигурой птицы.

Ассоциативные поля слова *журавль*, полученные с помощью свободных ассоциативных экспериментов с носителями китайского языка и русского языка в Беларуси, являются фрагментом ассоциативных словарей, представляющих речь и культуру особым образом. Универсальное и специфическое в ассоциировании, свойственное каждому из языков, обусловлено как особенностями их семантики и грамматики, так и культурными традициями, оказавшими влияние на формирование ассоциаций. Универсальное проявилось в описании красоты, элегантности журавля. Если у китайцев в ассоциациях сохраняется древнее представление о связи журавля со смертью (во фразеологии) и небожителями, то у белорусов эта символика никак не проявилась, возможно, по причине утраты.

Китайские и белорусские ассоциации могут быть вызваны упоминанием журавля в устойчивых выражениях, они несут элементы образности, причем объем таких ассоциаций довольно большой: укажем здесь только ассоциации *небо* с частотой 100, *в небе* — 19 и *синица* — 5, записанные белорусами, а у китайцев *цзя хэ си цюй* ‘верхом на журавле унести на запад’ — 7, *цзя хэ си ю* ‘сидя на журавле, путешествовать на запад’ — 2, *сяньжэнь цзя хэ* ‘небожитель сидит верхом на журавле’ — 2. Это лишний раз напоминает об особой роли фразеологизмов, в которых консервируется языковой и культурный опыт поколений.

Мы проанализировали традиционный народный образ журавля, вокруг которого формируются языковые выражения и, как следствие, ассоциации. Проведенный анализ является вкладом в изучение культурно-психологической составляющей данного образа в китайском языке и в китайской культуре на фоне восточнославянской, белорусской культуры.

Примечания

¹ Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М.: Москва, 1994. Кн. 1. С. 191–218.

- ² *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 666.
- ³ *马国良.* 丹顶鹤的文化现象(连载之一) // 世纪桥. 2005. 4. С. 108–113. [Ма Голян. Культурный феномен журавля с красной короной (серия № 1) // Мост века. 2005. 4. С. 108–113].
- ⁴ *宋胜利, 李玉良, 冯立国等.* 中国鹤文化 // 森林与人类. 2015. №. 300. 6. С. 96–101. [Сун Шенли, Ли Юлиан, Фэн Лигуо и др. Китайская культура журавлей // Лес и люди. 2015. № 300. 6. С. 96–101].
- ⁵ *马国良.* 丹顶鹤的文化现象(连载之二) // 世纪桥. 2005. 5. С. 90–95. [Ма Голян. Культурный феномен журавля с красной короной (серия № 2) // Мост века. 2005. 5. С. 90–95].
- ⁶ *宋胜利, 李玉良, 冯立国等.* 中国鹤文化 // 森林与人类. 2015. №. 300. 6. С. 96–101. [Сун Шенли, Ли Юлиан, Фэн Лигуо и др. Китайская культура журавлей // Лес и люди. 2015. № 300. 6. С. 96–101].
- ⁷ *驾鹤西游* // 成语大全 [Сидя на журавле, путешествовать на запад // Энциклопедия идиом] URL: <http://chengyu.haoshiwen.org/view.php?id=11522> (дата обращения: 19.05.2023).
- ⁸ *龟鹤遐龄* // 成语大全 [Жить долго, как черепаха и журавль // Энциклопедия идиом] URL: <http://chengyu.haoshiwen.org/view.php?id=8570> (дата обращения: 19.05.2023).
- ⁹ *Толстая С.М.* Коды культуры и культурные концепты // *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–114.
- ¹⁰ *宋胜利, 李玉良, 冯立国等.* 中国鹤文化 // 森林与人类. 2015. №. 300. 6. С. 96–101. [Сун Шенли, Ли Юлиан, Фэн Лигуо и др. Китайская культура журавлей // Лес и люди. 2015. № 300. 6. С. 96–101].
- ¹¹ *云中白鹤* // 成语大全 [Белый журавль в облаках // Энциклопедия идиом]. URL: <http://chengyu.haoshiwen.org/view.php?id=26726> (дата обращения: 19.05.2023).
- ¹² *Айрапетян Я.* Символ журавля // Символистика. Литературный блог. URL: <https://simvolistika.ru/simvol-i-znachenie-juravlya/> (дата обращения: 19.05.2023).
- ¹³ *Горицкая О.С.* Язык и границы. Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск: МГЛУ, 2021. С. 10–15.
- ¹⁴ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 710.
- ¹⁵ Там же. С. 709.
- ¹⁶ Там же. С. 710–714.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.11

Топоним Смоленск как носитель многоплановой лингво- культурологической информации

Ольга Алексеевна Королёва

Смоленский государственный университет,
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных сил
Смоленск, Российская Федерация;
e-mail: olgakoroleva171188@yandex.ru

Ключевые слова: Топоним, Смоленск, лингвокультурология,
смола, смолить

The Toponym Smolensk as a Carrier of Multi-Aspect Linguo- cultural Information

Olga A. Koroleva

Smolensk State University,
Military Academy of Military Air Defense of the Armed Forces
Smolensk, Russian Federation;
e-mail: olgakoroleva171188@yandex.ru

Keywords: Toponym, Smolensk, linguoculturology, resin, to resin

Топонимы являются важной частью культурно-философского восприятия жизни любого этноса, поскольку в них закрепляется общественно-исторический опыт — общечеловеческий и национальный, хранится и транслируется культурная информация. На территории Смоленского края имеется большое количество археологических находок, памятников истории и культуры. Среди нематериальных носителей информации о прошлом можно выделить топонимы — названия древних городов, некоторые из которых используются

и в наши дни, а другие сохранились лишь в письменных и печатных памятниках книжности. В настоящем исследовании рассматриваются различные версии происхождения названия города Смоленска.

Историк Л.В. Алексеев писал: «Большинство сведений о Смоленске, превышающих объем сведений Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, восходят к новгородскому летописанию, и именно к тому времени, когда Смоленск был в наиболее тесных сношениях с Новгородом»¹. Вопрос о происхождении названия города и по сей день является спорным. Существует большое количество как научных, так и ненаучных версий.

По мнению В.П. Нерознака, «название города образовано от топоосновы *Смол(н)-* и суф. *-ескъ*, типового в древнерусской ойконимии. Весьма значительны расхождения в попытках истолкования самой топоосновы. Наибольшее распространение получила попытка связать название города со слав. *смола, смоль*»².

В статье о происхождении существительного *смола* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера после перечисления славянских лексических соответствий указано: «Отсюда произведен др.-русс. гидроним Смольня, откуда название города Смоленск, др.-русс. Смольньскъ, др.-сканд. *Smalenskja*. Согласно Погодину, назван так потому, что там смолили суда. Лит. *smala* «смола, вар», вост.-лтш. *smala* — то же заимств. из слав.»³.

Иеромонах И. Шупинский, написавший к приезду Екатерины II в 1780 г. «Историю города Смоленска» привел несколько версий происхождения названия города: «Некоторые производят оное <...> от Смолигова колодезя, который внутри города находится; другие — от имени некоего предводителя Смолига, который будто бы город населил и по имени своему назвал; а еще некоторые — от речки Смольянки, коим именем нынешний Егорьевский ручей в старину назывался»⁴.

Автор первого печатного труда по истории Смоленска Н.А. Мурзакевич выступил против этой точки зрения. Он отметил следующее: «Ежели б город Смоленск от Смолигова

колодезя название свое получил, то почему колодезь Смолиговым называется? Колодезям обыкновенно дают имена чьим старанием он выкопан или хорошо обделан, а иногда по месту и дому близ колодезя находившемся»⁵. В главе «Откуда город Смоленск получил свое название» Мурзакевич дал следующее объяснение: «Смоленск получил свое название от смолян, гнавших смолу и промышленявших ею в разные места; соседи и те, кои покупали оную для смоления водоходных судов, прозвали их смолянами, а селение Смоленец называлось»⁶. Современные топонимисты Б.А. Махотин⁷ и В.А. Никонов⁸ также связывают топооснову с наименованием жителей края (возможно, племени) — смолянами.

В последнее время пользуется популярностью точка зрения О.Н. Трубачева, который также связал топоним Смоленск с этническим наименованием проживавших на данной территории людей. «Похоже, что русская летописная традиция уже не застала смолян как особое племя; это следует из красноречивого сочетания летописного сообщения о племени кривичей, “город которых — Смоленск” (ихъ же градъ есть Смоленскъ). И хотя высказывалось мнение, что часть кривичей впоследствии была переименована в смолян по вновь возникшему Смоленскому княжеству, гораздо более вероятно обратное, — что смоляне постепенно растворились и целиком вошли в состав могущественных кривичей»⁹. Подобную точку зрения высказал еще в конце XIX в. смоленский историк С.П. Писарев¹⁰.

В отличие от рассмотренных выше версий о происхождении этнонима *смоляне* от слова *смола*, О.Н. Трубачев возвел название племени к глаголу *смолить* ‘медленно, постепенно жечь’ (т.е. смоляне — это первоначально «выжигающие лес»), а слово *смола* — к значению ‘выжженное место в лесу’, ‘продукт (медленного) пережигания древесины’. Глагол *смолить*, в свою очередь, означает ‘мазать, покрывать смолой’. О.Н. Трубачев отметил, что, «если правильно охарактеризовать в последнем слове корневое -а- как вторичное продление в производной форме с корневым -о-, мы логич-

но придем к исходному глагольному корню *smol-*, который с индоевропейской древности (**smel-*, **suel~*) был носителем значения “слабо гореть, тлеть; медленно, постепенно жечь”. Идея подпаливания, медленного, постепенного выжигания, а не одноразового сжигания целиком, оставалась изначальной и определяющей и для семантики славянского глагольного корня *smol-*. То, что описанная семантика оказалась стойко применена именно к постепенному выжиганию леса (н.-луж. *smala* ‘выжженное место в лесу’), указывает на большую актуальность связи этого древнего лексического гнезда не с добыванием смоль»¹¹. Следовательно, название племени *смоляне* связано с культурной стадией, которая называется в науке подсечно-огневым земледелием. «Но в имени *смолян* выражено не только отношение к лесу. В нем запечатлена, как я все же думаю, также обязательная связь с земледелием, ибо **smolene* — это, иными словами, славяне, отвоевывающие пашню у леса»¹².

Таким образом, о происхождении названия Смоленска существует ряд научных и ненаучных теорий. Наиболее популярной среди исследователей на сегодняшний день является точка зрения О.Н. Трубачева, согласно которой название топонима Смоленск связано с этническим названием проживавших на данной территории людей, занимавшихся в древности подсечно-огневым земледелием.

Примечания

- ¹ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. С. 19.
- ² Нерозник В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. С. 158.
- ³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева / 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. III. С. 690.
- ⁴ Шупинский И. Историческое и географическое описание города Смоленска. Смоленск: Библиотека журнала «Край Смоленский», 1991. С. 6.
- ⁵ Мурзакевич Н.Н. История губернского города Смоленска. От древнейших времен до 1804 года. Смоленск, 1804. С. 11–12.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Махотин Б.А. К живым истокам: Смоленщина в географических названиях. Смоленск: Московский рабочий, 1989. С. 10.

- ⁸ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. С. 387.
- ⁹ Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С. 98.
- ¹⁰ Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске (Историко-археологическое исследование в связи с историей Смоленска). Смоленск, 1894. С. 3, 6.
- ¹¹ Трубачев О.Н. В поисках единства. С. 104.
- ¹² Там же. С. 105.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.12

Кластеризуемые клитики в словенских диалектах: архаизмы и инновации

Мария Михайловна Громова

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: marija.gromova@list.ru

Ключевые слова: клитики, словенские диалекты, лингвогеография, диалектный синтаксис, словенские клитики

Clustered Clitics in Slovenian Dialects: Archaisms and Innovations

Maria M. Gromova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: marija.gromova@list.ru

Keywords: clitics, Slovenian dialects, linguogeography, dialect syntax, Slovenian clitics

В статье рассматривается распространение в современных диалектах словенского языка архаичной отрицательной конструкции с глаголом в форме сослагательного наклонения и подъем глагольных клитик будущего времени в начало кластера. Проанализирован и картографирован диалектный материал общим объемом 2500 страниц из 288 населенных пунктов на территории Словении и соседних стран.

Отрицательная конструкция *Conj* типа *bi ne + l-*причастие

В словенском литературном языке в отрицательных конструкциях с глаголами в форме сослагательного наклонения проклитика *ne* и клитика *bi* образуют слитную парокситоническую форму *ne bi*. Эта конструкция не является исконной. Так, во Фрейзингенских отрывках (X–XI вв.) представлен более древний тип отрицания, при котором частица *bi* остается в составе кластера, а отрицательная частица *ne* располагается непосредственно перед *l*-причастием:

ili efe mi ze tomu chotelo emufe mi bi · ne doztalo · choteti
(‘или потому, что мне хотелось того, чего я не должен был бы хотеть’; ср. современный словенский литературный язык: *ali ker se mi je hotelo to, kar se mi ne bi smelo hoteti*)

Этот тип отрицания находим и в протестантских памятниках XVI в., язык которых основан на центральнословенских диалектах, и в прекурском литературном языке XVIII в. См. Новый Завет в переводе Стефана Кюзмица (1771):

Oni so pa nej razmeli eto rejč, i skrita je bila od nyih, da bi jo ne razmili ‘Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его’ (Лк 9: 45).

В каринтийском старопечатном памятнике середины XVIII в. — сборнике «*Duhovna bramba*» («Духовный щит») — используется только этот тип отрицания:

da bi na pofabou ‘чтобы не забыл’; *da bi jas kna padou* ‘чтобы я не упал’.

В конце XIX в. словенский лингвист Матия Мурко отметил его в восточнословенских диалектах¹, а исследовательница Данила Зульян-Кумар в начале XXI в. зафиксировала его на западе словенской языковой территории — в диалектах приморской группы².

Под влиянием словенского литературного языка старый тип отрицания в диалектах постепенно вытесняется новым.

Обширный дисперсный ареал распространения архаичной отрицательной конструкции охватывает все каринтийские диалекты, северо-запад штирийской группы диалектов, восток гореньской и север приморской групп:

Kaj bi_{Conj} pa nej_{Neg} süji bijo_{1.PTC}, vej pa vertinja sakšo noč pride v ižo, name ličij konjsko vüzdo pa té konj postanem ‘Еще бы мне не отоцать, если хозяйка каждую ночь ко мне в комнату приходит, надевает на меня узду и я превращаюсь в коня’ (прекмурский диалект, Андовци/Орфалу).

Каринтийские и приморские диалекты за пределами Словении не демонстрируют высокой частотности старого типа отрицания; при этом высокую частотность показывает верхнесавиньский диалект штирийской группы и его солчавский говор, находящиеся на территории Словении.

Также отмечены четыре дистантных микроареала. Два из них находятся на востоке словенской языковой территории, в прекмурском диалекте паннонской группы, причем плотный ареал на территории Венгрии (в Порабье) дает частотность 96 %, а ареал на территории Словении — 7 %. Ареал в восточнодоленьском говоре дает частотность 8 %. Еще один точечный ареал находится в севницско-кркском говоре штирийской группы.

Подъем глагольных клитик будущего времени в начало кластера

Инновационное явление, рассмотренное далее, касается порядка клитик в кластере. В синтаксическом отношении наиболее важный признак клитики — ее строго определенное место в предложении (в простом предложении это место находится после первой ударной составляющей). Если в предложении несколько клитик, они стоят в строгом порядке, образуя кластер. Большая часть глагольных клитик в словенском языке стоит в начале кластера, за исключением клитики будущего времени и 3Sg Praes глагола *biti*, которые стоят в самом конце кластера: *Te bom poklicala* ‘я тебе позвоню’.

В разговорной речи допустимо поднять глагольную клитику в начало кластера: *Bom te poklicala*. Этот процесс идет в люблянском городском койне, отмечен в художественной литературе, постепенно захватывает и центральнословенские диалекты.

М. Мурко в 1891 г. упомянул подъем клитик будущего времени как яркую восточнословенскую особенность, объяснив его просодическими причинами: на востоке они представлены редуцированными, так называемыми слабыми формами. Некоторые из них редуцировались настолько, что вовсе утратили вокальный элемент (1Sg 'n, 3Sg *dä*)³. Благодаря этой просодической облегченности они поднялись в начало кластера сравнительно рано.

Большой дисперсный ареал подъема клитик будущего времени охватывает все северо-западные словенские диалекты. Очаг явления находится на востоке словенской диалектной зоны — в трех диалектах паннонской группы, где частотность подъема клитики будущего времени составляет 92–100 %. Чем дальше на запад, тем частотность ниже. В халозском диалекте паннонской группы и севернопохорско-ремшникском диалекте каринтийской группы клитики будущего времени поднимаются в начало кластера всего в 29 % всех контекстов. Частотность подъема резко возрастает на западной границе словенского языкового пространства — в зильском диалекте каринтийской группы и резьянском диалекте приморской группы, который до XVII в. был частью зильского:

Možhanə tudə, al hočəš, da se_{Ref} na_{Neg} bə_{Conj} sčisila_{1-PTC} 'И мозги, если хочешь, чтобы они не прокисли' (рожанско-подъюнский каринтийский говор, Радише/Радсберг).

Еще один ареал с высокой частотностью находим на юго-западе, в чичарийском и нотраньском диалектах приморской группы, где сосуществуют две формы будущего времени — словенского типа (форма будущего времени глагола *biti* + *l*-причастие) и характерная для остальных южнославянских языков — усеченная форма вспомогательного глагола *xotъти*

(*ći, ćeš, će...*) + инфинитив. Во второй из этих форм глагольная клитика зачастую стоит в начале кластера, как в соседнем хорватском языке. Можно предположить, что глагольная клитика в «словенской» форме будущего времени поднимается по аналогии.

Еще три микроареала отмечены в гореньской части Любляны, церклянском диалекте ровтарской группы и нотраньском диалекте приморской группы.

Таким образом, как и в случае с предыдущим рассмотренным явлением, подъем клитик будущего времени представлен одним большим дисперсным ареалом, одним плотным небольшим дистантным с высокой частотностью и тремя невыразительными микроареалами.

Но, в отличие от архаичной отрицательной конструкции *Conj*, основной ареал подъема клитик не регрессирует, оставляя в центральнословенских диалектах одинокие островки, а, наоборот, продвигается с востока (где его экспансии изначально поспособствовал просодический фактор), клинообразно вторгаясь в центральнословенские диалекты. На юго-западе тем временем независимо сформировался латеральный ареал, где общесловенские клитические формы будущего времени глагола *бити* поднимаются в начало кластера под влиянием параллельно существующих общеюжнославянских клитических форм глагола *хотѣти*.

Примечания

- ¹ *Murko M.* Enklitike v slovenščini. II. del: Skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1892. Ljubljana, 1892. S. 73.
- ² *Zuljan Kumar D.* Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih // Škrabčeva misel VI: zbornik s simpozija 2007 / ur. J. Toporišič. Nova Gorica, 2008. S. 130.
- ³ *Murko M.* Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1891. Ljubljana, 1891. S. 42–43.

Семантические особенности сербских глаголов речи (говорити, казати, причати, рећи)

Виктория Валерьевна Каприелова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nikakap@mail.ru

Ключевые слова: глаголы речи, семантика, сербский язык

Semantic Peculiarities of Serbian Verbs of Speech (govoriti, kazati, pričati, reći)

Viktorija V. Kaprielova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikakap@mail.ru

Keywords: verbs of speech, semantics, Serbian

Одной из наиболее употребительных семантических групп глаголов, без которой невозможно представить живое общение, являются глаголы речи. Они не только используются в нарративе для обозначения действия, совершаемого тем или иным лицом, но также необходимы для оформления прямой или косвенной речи, где такие глаголы выступают в качестве авторизаторов (обозначая источник информации).

К наиболее употребительным глаголам речи в сербском языке можно отнести лексемы *говорити*, *казати*, *причати* и *рећи*, которые часто переводятся на русский язык с помощью слов *говорить*, *сказать*, *рассказывать*.

В Сербохорватско-русском словаре И.И. Толстого можно найти следующие соответствия между сербскими и русскими лексемами: «**говорити** <...> 1) говорить, беседовать, <...> го-

ворить на иностранном языке <...> 2) произносить речь; выступать»¹, «казати <...> сказать, говорить»², «причати <...> 1) рассказывать; 2) много говорить, болтать»³, «рећи <...> сказать»⁴. Опираясь только на эти данные, сложно разграничить значения глаголов речи в сербском языке.

Не поможет в решении этой проблемы и Толковый словарь сербского языка, где толкования наиболее частотных значений глаголов *казати*, *рећи* и *причати*, сформулированы практически идентично:

казати — «1. усмено саопштити, рећи; испричати, исприповедати»⁵,

рећи — «1. а. усмено саопштити, казати; испричати, исприповедати»⁶,

причати — «1. усмено саопштавати, казивати, говорити (нешто или о некоме, нечему); приповедати»⁷.

Различение семантики глаголов речи в условиях живого общения между собой носителей сербского и русского языков затрудняет также и наличие сходных по форме глаголов речи в обоих языках (*говорити* (срп.) — *говорить* (рус.), *казати* (срп.) — *сказать* (рус.)). В результате носители русского языка под действием механизма межъязыковой интерференции склонны приравнивать значения глаголов сербского языка к значениям похожих глаголов родного языка, что является большой ошибкой, так как объемы значений данных глаголов не равны.

К сожалению, существующие учебные пособия не помогают разграничить значения сербских глаголов речи. Например, в Грамматике сербского языка для иностранцев⁸ глаголы речи не выделяются в отдельную семантическую группу и описываются лишь с точки зрения формы наряду с другими глаголами.

Опираясь на данные толкового словаря и корпуса сербского языка (из него взяты приведенные ниже примеры⁹), в лингводидактических целях возможно изучить структуру значения и особенности употребления глаголов *говорити*, *казати*, *причати*, *рећи*.

Наибольшую сложность для носителей русского языка представляет сербский глагол *govoriti*, обладающий особенной структурой значения. Анализируя толкование, данное в словаре Матицы сербской («1. а. служити се говором за исказивање мисли и осећања, саопштавати нешто речима <...> б. фиг. Саопштавати нешто спољним, вањским знацима, покретима»¹⁰) можно сделать вывод, что базовым значением данного глагола является: ‘преобразовывать информацию в знаковую или материальную форму’.

Когда позицию субъекта замещает имя, обозначающее ситуацию, глагол *govoriti* часто функционирует подобно знаку-индексу: обозначает «смежность между означаемым и означающим в реальной действительности»¹¹. Другими словами, имеет значение: ‘ситуация Б свидетельствует о наличии ситуации А; ситуация Б является следствием ситуации А’ (как и русский глагол *говорить*):

(1) *Ukoliko nedostaje kočione tečnosti na instrument-tabli, pali se crvena lampica koja govori da nešto nije u redu sa kočionim sistemom.* Ср. перевод: «*При недостатке тормозной жидкости на панели приборов загорается красная лампочка, свидетельствующая о неисправности тормозной системы*».

Данное значение глагола *govoriti* можно воспринимать как развитие базового значения, здесь также речь идет о передаче информации, в данном случае информация опосредована ситуацией. Нужно отметить, что употребления глагола *govoriti* в этом значении достаточно частотны.

При употреблении в качестве авторизатора, глагол *govoriti* практически никогда не вводит прямую речь, обозначая лишь тему сообщения. Возможно, это говорит о том, что содержание слишком велико (целая речь, длинная история), чтобы его замещать в предложении (ср. функционирование глагола *рассказывать*).

Если же после глагола *govoriti* следует придаточная часть с союзом *да*, то глагол реализует итеративный компонент значения, то есть обозначает повторяющееся действие:

(2) Pa ipak majka joj je često **govorila** da nosi magiju u svojoj kosi koje je divila mnoge. — «*И все-таки мама часто ей **говорила**, что она носит магию в своих волосах, которыми восхищались многие*».

Глагол *говорити* также используется для обозначения способности говорить на иностранном языке (*говорити шпански* — «говорить по-испански»).

Достаточно сложно определить различия в семантике глаголов *казати* и *рећи*, которые часто функционируют в качестве авторизаторов, вводя как прямую речь, так и изъяснительные придаточные.

Скорее всего, глагол *рећи* отличается наличием прагматического компонента в значении: с помощью данного глагола говорящий оценивает информацию, вводящуюся данным глаголом как особенно важную (своего рода заявление) (пример 3) или вызывающую негативную (пример 4) или (реже) положительную реакцию:

(3) Gospođa Pančić mi je **rekla** da nema osnova za proširenje optužnice. **Posebno su impresivne i reči** koje mi je uputila... — «*Госпожа Панчич **сказала** мне о том, что нет оснований для расширения обвинений. Особенно впечатляют слова, которые она мне адресовала...*».

(4) **Rekli** su mi da je kupljena kao poklon nekom važnom posetiocu Opštine Šabac i da je verovatno отпутовала u иностранство. Ova информација mi **izvlači novi osmeh na lice**... — «*Мне **сказали**, что она была куплена как подарок какому-то важному гостю муниципалитета Шабач, и что ее, наверное, увезли за границу. Эта информация снова вызвала улыбку на моем лице*».

В свою очередь, глагол *казати* употребляется как немаркированный по признаку оценочности, а потому близкий по значению русскому глаголу *сообщить*.

(5) Grejna sezona u Srbiji biće zvanično завршена u недељу, 15. aprila, **kazali** su danas <...> u Poslovnom удруženju Toplane Србије. — «*Отопительный сезон официально завершается в воскресенье, 15 апреля*», — **сообщили** сегодня в деловом объединении «*Котельные Сербии*».

По наблюдениям, глагол *казати* практически не употребляется в условном наклонении, в то время как глагол *рећи* вполне может использоваться для обозначения «воображаемого» действия (ср. вводное слово *рецимо* — «скажем»):

(6) Stranegård kaže da se postavlja pitanje — šta dolazi posle 1 i 2? Većina **bi rekla** 3. — «Страннегорд говорит, что если задать вопрос: “что стоит после 1 и 2?” — большинство **бы сказали** 3».

Глагол *причати*, в свою очередь, обозначает протяженный во времени акт говорения (сближаясь с русскими глаголами *говорить*, *рассказывать*).

На употребление глаголов речи оказывают влияние их грамматические характеристики. Так, глагол *казати* является двувидовым в презенте, но в прошедшем времени функционирует исключительно как глагол совершенного вида¹², об этом же свидетельствует помета в Толковом словаре, согласно которой *казати* редко употребляется как глагол несовершенного вида¹³. В результате он переводится на русский язык с помощью двух глаголов: *сказать* (когда требуется глагол совершенного вида) и *говорить* (когда нужен глагол несовершенного вида).

Глаголы *рећи* и *говорити*, в свою очередь, образуют супплетивную видовую пару: «Шта је рекао онај човек? — Шта говори онај човек? Рекла је да ће отићи. — Увек је говорила да ће отићи»¹⁴ («Что **сказал** этот человек? — Что **говорит** этот человек? Она **сказала**, что уедет. — Она всегда **говорила**, что уедет»), причем *рећи*, будучи глаголом совершенного вида, не имеет формы настоящего времени и, как было сказано, часто употребляется в форме сослагательного наклонения.

Таким образом, объемы значений сербских глаголов *говорити*, *казати*, *причати*, *рећи* не соответствуют в полной мере объемам значений русских глаголов *говорить*, *сказать* и *рассказывать*, требуя внимательного изучения их семантики перед предъявлением в учебной аудитории.

Примечания

- ¹ Толстой И.И. Сербохорватско-русский словарь. М., 2001. С. 68.
- ² Там же. С. 199.
- ³ Там же. С. 467.
- ⁴ Там же. С. 517.
- ⁵ Вујанић М. и др. Речник српскога језика. Нови Сад: 2007. С. 515.
- ⁶ Ibid. С. 1162.
- ⁷ Ibid. С. 1053.
- ⁸ Mrazović P. Gramatika srpskog jezika za strance. Sremski Karlovci, 2009.
- ⁹ CLARIN.SI. URL: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/corp_info?corpname=srwac&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹⁰ Вујанић М. и др. Речник српскога језика. С. 206.
- ¹¹ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 37.
- ¹² Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад, 2013. С. 178.
- ¹³ Вујанић М. и др. Речник српскога језика. С. 515.
- ¹⁴ Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. С. 180.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.14

Займствованные соматизмы в чешских диалектах

Али Сотаевич Тепсаев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,

Москва, Российская Федерация; e-mail: astepsaev@edu.hse.ru

Ключевые слова: диалект, чешский язык, соматические термины

Somatic Loanwords in Czech Dialects

Ali S. Tepsaev

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation; e-mail: astepsaev@edu.hse.ru

Keywords: dialect, Czech language, somatic terms

В данной работе исследованы случаи заимствования соматических терминов в чешский язык из языков-соседей. Как известно, соматизмы являются одной из важных составляющих списка Сводеша, что говорит об их устойчивости к замене иноязычными наименованиями, однако, несмотря на это, такие случаи все же встречаются. Следует отметить, что перечень заимствований в диалекты чешского языка, проанализированный в данной работе, не претендует на полноту: лексемы были взяты из выпуска «Человек» Общеславянского лингвистического атласа¹, первого тома Чешского языкового атласа² и Словаря мистржицкого говора И. Малины³. Для целей работы следует разделить группу заимствований на три части: а) прямые заимствования с сохранением семантики и стилистических характеристик как в языке-доноре; б) заимствования со сменой значения; в) заимствования со сменой стилистической окраски. Для большей наглядности обзор каждой лексемы состоит из трех частей: 1) приводится само слово-заимствование, 2) дается комментарий его значению в современном чешском литературном языке и в его диалектах, 3) приводится слово из языка-донора в его первоначальной форме, а также его значение в этом языке. Целью данной работы является определение источников заимствований терминов, обозначающих части тела, в чешском языке и изменение их референтов.

Начнем со слова *fald*, заимствованного из немецкого языка и имеющего разные значения в литературном чешском языке и в его диалектах. В современном литературном чешском языке это слово имеет значение 'складка на одежде', а также переносно 'жировая складка на теле человека'⁴. В диалектах же (например, в говорах сел Постршеков Домажлицкого округа Пльзенского края и Поникла округа Семилы Либерецкого края) появляется семантика 'морщина'⁵. Слово происходит от ср.-в.-немецкого *valde* в значении 'морщина; складка, закладка'⁶. Неудивительно прямое заимствование с семантикой 'складка (на одежде)' в литературном языке; более интересным с точки зрения семантического дрейфа и вполне объяснимым является появление значения

‘жировая складка’ в разговорном языке вследствие схожести складок на теле и на ткани, которое может быть обусловлено как заимствованием термина из какого-либо говора немецкого языка, так и чешским нововведением.

Другим примером является диалектное пейоративное название головы — *goložňa*, распространенное в Моравии⁷. По мнению Ф. Бартоша, оно было заимствовано из юж.-нем. *Gosche* ‘рот, рыло’⁸, однако фонетическая разница между *Gosche* и *goložňa* слишком велика, чтобы считать эту версию правдоподобной. Более вероятно предположить заимствование из польского *golizna* ‘нагота’ вследствие наличия суффикса *-izn-*, более распространенного именно в польском языке как средство словообразования, и большей фонетической схожести с чешским словом по сравнению с представленным немецким вариантом.

Лексема *ksicht* употребляется для грубого обозначения лица в литературном чешском языке, но распространено как стилистически нейтральное его обозначение в чешских диалектах. Происходит от немецкого *Gesicht* с аналогичным значением ‘лицо’^{9,10}.

Слово *šurpiny* в значении ‘ресницы’ зарегистрировано в единичном случае как архаизм в диалекте деревни Ёезд Злинского края (Восточная Моравия). Происходит из немецкого *Schuppe*, имеющего значение ‘рыбья чешуя’¹¹.

Gemba/gymba является диалектизмом, распространенным в восточной Моравии^{12,13}. Из-за нетипичного для чешского ареала произношения первого согласного как заднеязычного взрывного (вместо стандартного глоттального фрикативного) и наличие сочетания [em], соответствующего польской реализации праславянского *q (ср. польск. *gęba*) становится ясно, что это заимствование именно из польского, где данная лексема также имеет пейоративное значение ‘рот’.

В современном литературном языке и в диалектах слово *knír/-y* имеет значение ‘усы’¹⁴. В работе Я. Ваняковой¹⁵ предлагается следующая версия этимологии исследуемого слова: в немецком языке существует слово *Schnurrbart* означающее буквально ‘мурчащая борода’ (от *schnurren* ‘мурчать’ и *Bart*

‘борода’). Чешское *knír* устроено схожим образом в семантическом отношении, однако в его основу лег другой немецкий глагол *knirren* в значении ‘скрипеть, хрустеть’. По предлагаемой в работе Ваняковой этимологии, низкий мужской голос при разговоре доносится как бы из усов, растущих над верхней губой. Таким образом, можно сказать, что мы наблюдаем семантическое калькирование значения ‘мурчать’ из первой части существительного *Schnurrbart*, однако иное фонетическое оформление на базе другого звукоподражательного глагола *knirren/knarren*.

Sop — распространенное как в литературном языке, так и в диалектах обозначение женской косы. Имеется ряд фонологических и морфологических вариантов: *sup/-an*, *soran/-án*, *sep* (в аугментативном значении)^{16,17}. Происходит от диалектного немецкого *Zopp* (аналог литературного *Zopf*) с тем же значением ‘женская коса из волос’¹⁸.

Термин *nerky* обозначает почки человека в некоторых моравских и силезских говорах чешского языка¹⁹. Происходит от немецкого *Niere*, образовано присоединением уменьшительного суффикса *-k*. Употребляется в переходных чешско-польских говорах Силезии и прилегающих к ним польских наречиях²⁰. Форма слова говорит о вероятном польском посредничестве, ср. пол. *nerka* ‘почка человека’. Несколько сужает изначальное значение немецкого эквивалента — ‘почка’ как анатомический орган в целом²¹.

Термин *setr* в чешских диалектах обозначает спину, однако используется в грубых, пейоративных контекстах. Заимствовано из немецкого языка, где имело форму *Ziemer* ‘спина животного’²².

Итак, чешский диалектный материал подтверждает заявленный тезис: соматическая лексика действительно является устойчивой областью языка, слабо поддающейся замещению иноязычными единицами. В диалектах чешского языка обнаруживается некоторое количество соматизмов нечешского происхождения, что отсылает к политике языкового пуризма, которой придерживались «будители» чешского народа при формировании литературной нормы, активно заменяв-

ших иностранные, в частности немецкие слова, чешскими. Это объясняет почти полное их отсутствие в литературном языке и большую сохранность в диалектах. Можно выделить три группы заимствований соматизмов, вошедших в чешские диалекты: 1) заимствованные пейоративно окрашенные термины, впоследствии потерявшие такую окраску (*ksicht*); 2) заимствованные пейоративные термины, сохраняющие эту характеристику (*gamba/gymba*); 3) термины, вошедшие в чешский язык и поменявшие первичное значение (*šupiny*).

Примечания

- ¹ Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Краков, 2009. Выпуск 9. Человек / под ред. Я. Сятковского и Я. Ваняковой.
- ² Český jazykový atlas 1 / J. Balhar, P. Jančák a kol. — 2., elektronické, opravené a doplněné vydání. Praha: Academia, 2012. URL: <https://cja.ujc.cas.cz/CJA1/> (дата обращения: 15.05.2023).
- ³ Malina I. Slovník nářečí mistříckého. Praha: Česká Akademie věd a umění, 1946.
- ⁴ Общеславянский лингвистический атлас. С. 78–79.
- ⁵ Český jazykový atlas 1. S. 133, 135.
- ⁶ Общеславянский лингвистический атлас. С. 78–79.
- ⁷ Malina I. Slovník nářečí mistříckého. S. 28.
- ⁸ Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906. S. 84.
- ⁹ Общеславянский лингвистический атлас. С. 28–30.
- ¹⁰ Ksicht // Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?hledej=Hledat&heslo=ksicht> (дата обращения: 15.05.2023).
- ¹¹ Общеславянский лингвистический атлас. С. 50–51.
- ¹² Там же. С. 64–65.
- ¹³ Malina I. Slovník nářečí mistříckého. S. 27.
- ¹⁴ Общеславянский лингвистический атлас. С. 80–81.
- ¹⁵ Waniakowa J. O pochodzeniu czes. kníry 'wąsy' // Linguistica Brunensia. 2010. Roč. 58. Č. 1–2. S. 217–223.
- ¹⁶ Český jazykový atlas 1. S. 124–126.
- ¹⁷ Общеславянский лингвистический атлас. С. 84–85.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Общеславянский лингвистический атлас. С. 148–149.
- ²⁰ Český jazykový atlas 1. S. 242, 245.
- ²¹ Общеславянский лингвистический атлас. С. 148–149.
- ²² Rejzek J. Český etymologický slovník. Český Těšín: Leda, 2001. S. 104.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.15

Технологический детерминизм как экстралингвистический фактор онлайн-коммуникации

Балаж Вереш

Университет им. Лоранда Этвёша,
Будапешт, Венгрия; e-mail: veres.m.balazs@gmail.com

Ключевые слова: детерминизм, онлайн коммуникация, цифровая лингвистика

Platform-Based Technological Determinism as an Extralinguistic Component of the Digital Language

Balazs Veres

Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary; e-mail: veres.m.balazs@gmail.com

Keywords: digital communication, digital linguistics, determinism

Введение

Технологический детерминизм — это многофакторное явление, изучающееся в различных областях науки. Распространение электронных средств коммуникации оказывает постоянное влияние в том числе на лингвистические процессы, направление и характер изменения языкового инвентаря говорящих. В рамках исследования предпринята попытка доказать, что рост популярности онлайн-платформ и их активная интеграция в повседневное межличностное общение играет значимую роль в индивидуальном употреблении языка. Видимо, появление различных онлайн-пространств и распространение принятых в них форм коммуникации за их пределы является следствием технологического

детерминизма, сегодня мы можем наблюдать смену парадигм такого масштаба, который редко встречается в истории. Цель исследования — показать, что новые технологии и технологические возможности оказывают сильное воздействие на язык. Для этого необходимо проанализировать, как технические новшества (устройства и платформы) влияют на способы коммуникации пользователей интернета.

История вопроса и значимость исследования

Термин «технологический детерминизм» в исследованиях СМИ и теории коммуникации был впервые использован в работах канадских исследователей Г. Инниса и М. Маклюэна. Маклюэн¹ разделил процесс развития человечества на несколько периодов, каждый из которых характеризуется появлением нового средства коммуникации: 1) племенной период; 2) период письменности; 3) век печати; и 4) век электроники. По мнению автора, смена эпох представляет собой не континуум с постепенными переходами, а имеет свои переломные моменты, совпадающие по времени с появлением инноваций. К наиболее важным технологическим новшествам в истории человечества Маклюэн отнес появление письменности, изобретение печатного станка и изобретение телеграфа, который положил начало телекоммуникации и впоследствии стал основой для развития СМИ и современных форм коммуникации между людьми. Однако следует отметить, что эти изобретения, как в свое время, так и сегодня, оказывали большое влияние не только на сами средства массовой информации и язык, но и на развитие организации общества в целом, и именно в этом заключается их важность. Влияние технологических новшеств на социум также отметил Г. Иннис², обративший внимание на то, что крупные инфраструктурные изменения в менее заселенных районах (например, строительство разветвленных железнодорожных сетей) приносят значительное расширение культурных практик местных сообществ, а развитие технологий влияет на язык и формы коммуникации между людьми. Одним из результатов технологического детерминизма можно считать

возникновение дигилекта, то есть особого онлайн-варианта языка со своими правилами и характерными чертами.

Дигилект как компонент технологического детерминизма

Термин «дигилект» связан с именем А. Весельски, которая обратила внимание на то, что различные технические возможности, в том числе электронные устройства и социальные сети, вызывают появление новых способов коммуникации, и вследствие этого языковая личность и поведение пользователей в виртуальных средах может изменяться³. Исходя из этого, автор заявила, что одной из основных черт цифровой коммуникации является технологический детерминизм, то есть зависимость поведения и речи пользователей от уровня развития компьютерных технологий. Для изучения цифрового поведения пользователей А. Весельски ввела термин «дигилект» (венг. *digilektus* 'цифровой диалект') — способ использования языка, который применяется при коммуникации в рамках виртуального пространства (*Computer Mediated Communication* 'проходящая посредством компьютера коммуникация')⁴. Таким образом под термином «дигилект» понимается новый вариант языка, имеющий следующие характерные черты: 1) сильное влияние английского языка, которое проявляется в виде использования большого количества заимствований и калек английского происхождения («бро», «сорян», «краш», «го», «шарить», «банить»*); 2) многочисленные сокращения («хз», «тя», «че», «чсв», «кмк»); 3) появление акронимов (обычно обозначающих целые выражения и часто являющихся транслитерацией английских аббревиатур) («лол», «рофл», «имхо», «омг»); 4) орфографические отклонения от стандартного написания («блэт», «не пон», «шиза», «туть», «сделяль»); 5) повышенная роль визуальности (мемы, эмодзи, GIF, и т. д.); 6) появление

* Здесь и далее приводятся примеры, полученные в рамках проведенного автором анкетирования русскоязычных пользователей Интернета.

новой специфической лексики (использование заимствований и производных от них слов для номинации явлений, для которых не было слова в родном языке («лайкнуть», «сторис»)⁵. Некоторые из перечисленных лексем переходят в устную речь. Данные характеристики являются универсальными, они наблюдаются в большинстве языков, на которых происходит онлайн-общение, но в рамках настоящего исследования ограничимся изучением русского дигилекта.

Дигилект должен стать предметом лингвистических исследований, поскольку он является средством передачи информации в онлайн пространстве независимо от используемого устройства и от возможностей, представляемых платформой. При помощи методов социолингвистики можно наблюдать изменения и варьирование дигилектов. В рамках работы было проведено анкетирование с целью определения, как в аналогичных эмоциональных ситуациях меняются средства и формы выражения мыслей в зависимости от используемого электронного устройства (смартфона или компьютера).

Практические итоги исследования

Результаты анкетирования показали, что пользователи интернета выражают мысли лингвистическими и экстралингвистическими средствами по-разному в зависимости от используемого устройства и от коммуникативной ситуации. Вероятно, в будущем онлайн коммуникация станет предметом не только работ по лексикологии и стилистике, но также психолингвистических и когнитивных исследований. Приведенные примеры показывают, что технологические возможности облегчают написание эмодзи на смартфоне (благодаря отдельной вкладке), а при посещении сайтов с использованием компьютера пользователи испытывают сложности со вставкой эмодзи: она занимает больше времени, чем выражение эмоций с помощью знаков препинания, например «))». Использование строчных и прописных букв, а также графическое отображение звуковых эффектов наблюдается в большей мере при использовании компьютера, чем при письменной коммуникации через смартфон. Причиной этого, вероятно,

также являются различия в технологических возможностях создания текста, так как на компьютере быстрее и проще печатать повторяющиеся буквы и символы, на смартфоне же для этого нужно несколько раз нажать определенный символ, а в некоторых случаях специально искать его в дополнительных вкладках. Стоит также отметить, что некоторые респонденты употребляли большое количество знаков препинания для выражения высокой интенсивности тех или иных эмоций и придания высказыванию определенной интонации, а также проставляли в сообщении с этой целью случайные буквы (били по клавиатуре или хаотично набирали символы).

Итоги исследования

Данное исследование показывает, что развитие технологий и использование новых технических устройств активно влияет на язык онлайн-пространства. Анкетирование позволило сделать вывод, что люди, использующие для письменной коммуникации смартфон, чаще прибегают к визуальным элементам для выражения эмоций, тогда как при использовании компьютера собеседники предпочитают символы, доступные на физической клавиатуре. Проведенный анализ подтверждает актуальность исследования направления и характера технологического детерминизма, а также его влияния на поведение пользователей при онлайн-общении.

Примечания

- ¹ McLuhan M. *Understanding media: The extensions of man*. New York: McGraw Hill, 1964.
- ² Innis H. *The bias of communication*. Toronto: University of Toronto Press, 1951.
- ³ Veszelszki Á. *Megfontolások a digitális kommunikáció pragmatikai leírásához // A nyelvi pragmatika kérdései szinkrón és diakrón megközelítésben / szerző B. Vilmos*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2015. O. 239–250.
- ⁴ Veszelszki Á. *Digilektus és netszótár // Irodalomismeret*. 2013. 1. URL: www.irodalomismeret.hu/files/2013_1/veszelszki_agnes.pdf (дата обращения: 12.09.2022). O. 184–197.
- ⁵ Ibidem.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.16

Вопросительные конструкции в заголовках современной польской прессы (на примере журналов *Wysokie Obcasy. Kraj* и *Men's Health*)

Вера Ильинична Бужинская

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: buzhinskaia.v@gmail.com

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, заголовок, предложение, вопросительная конструкция

Interrogative Constructions in the Headlines of the Modern Polish Press (On the Example of the Magazines *Wysokie Obcasy. Kraj* and *Men's Health*)

Vera I. Buzhinskaia

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: buzhinskaia.v@gmail.com

Keywords: expressive syntax, headline, sentence, interrogative construction

Изучение заголовков прессы — необходимый элемент исследования языка СМИ, поскольку заголовок является привлекающей внимание «этикеткой» любой статьи. Он характеризуется как название текста, которое организует, направляет и облегчает чтение и углубляет понимание предлагаемого в статье материала¹. Под термином «заголовок» имеется в виду понятие, соответствующее польскому *tytuł* — заглавную часть публикации, не содержащую подзаголовков². Исследователями выделяются различные типы заголовков,

среди которых отдельное место занимают вопросительные конструкции.

В статье рассмотрены особенности вопросительных конструкций (далее — ВК) в заголовках в выпусках польских журналов. Внимание было сконцентрировано не на газетах и журналах, посвященных политико-экономической аналитике, а на изданиях, освещающих бытовые вопросы и ориентированных на более широкую аудиторию (что может влиять на стилистику и структуру заголовков), поэтому выбор пал на выпуски журналов «*Wysokie Obcasy. Kraj*» и «*Men's Health*» (далее *WO* и *MH*) за период с 2009 по 2014 г. Результатом работы стала картотека объемом 4 500 единиц заголовков, из которых методом сплошной выборки были экцерпированы заголовки, содержащие ВК. Их количество составило около 7 %. Несмотря на то, что процентное содержание заголовков с ВК невелико, в силу специфической структуры они представляют интересный пример актуализации экспрессивной и прагматической функций заголовков.

При анализе материала уделялось внимание структурно-грамматическим особенностям ВК в заголовках; учитывались ВК различной структуры: конструкции, оформленные традиционно при помощи вопросительного знака, а также заголовки без него, сохраняющие интеррогативную функцию. Были также отмечены заголовки, содержащие вопросительные и утвердительные предложения одновременно. Был исследован прагматический аспект подобных заголовков, а именно влияние структуры (в частности наличие ВК) на иерархию функций заголовков.

Заголовок статьи выполняет не только типичную для имен собственных функцию называния, но и функцию информирования читателя, которая для прессы является основной³. ВК могут быть рассмотрены как синтаксическое средство актуализации заголовка, особенно заметное на фоне утвердительных предложений, а потому побуждает читателя к прочтению статьи, к поиску ответа, к участию в дискуссии. В заголовках встречаются не только вопросы, на которые

читатель мог бы ответить (*Czy jest jak Polak? — Ешь ли ты как поляк?* [МН 2011, №4]), но и вопросы, не побуждающие адресата к ответу (*Kto bogatemu zabroni? — Кто богатому запретит?* [WO 04.12.2010]).

ВК в заголовках различаются по типу актуализируемой информации:

- 1) общие вопросы с потенциальным ответом «да — нет», строящиеся по схеме «*Czy* + подлежащее + сказуемое». Данный тип составляет около 29 % от общего числа ВК: *Czy jesteś uzależniony od sieci? — Ты зависишь от сети?* [МН 2011, №1];
- 2) частные вопросы, строящиеся по схеме «Вопросительное местоимение + сказуемое + подлежащее». На данный тип приходится около 40 % ВК: *Gdzie są profesorki? — Где учительницы?* [WO 02.07.2011];
- 3) частные вопросы к подлежащему по схеме «*Kto/co* + сказуемое». Данный тип составляет около 24 % всех проанализированных ВК: *Kto jest ważny dla Polski? — Кто важен для Польши?* [WO 02.10.2010];
- 4) частные вопросы к предикативу по схеме «*Jaki/który, kim/czym* + связка *być* + подлежащее». Данный тип встречается в проанализированных ВК реже всего (около 7 % ВК): *Jakie tempo? — Какой темп?* [МН январь 2012, спецвыпуск].

ВК представлены следующими синтаксическими типами предложений: простые предложения (96 %) и сложные предложения (4 %). Аналогичное соотношение фиксируется и в других исследованиях заголовков, в частности в статье Н.Н. Чайко, посвященной синтаксическим средствам выразительности заголовков немецкоязычной прессы⁴.

В выбранных изданиях предикативные вопросительные предложения, описывающие не только тему, но и действие, преобладают и составляют около 60 % заголовков. Предикативные предложения в подавляющем большинстве (до 90 %) представлены фразами из двух–пяти слов: *Co słychać? — Что слышно?* [WO 19.03.2011], *Co inni powiedzą? — Что скажут другие?* [WO 30.07.2011]. Сложносочиненные или сложнопод-

чиненные конструкции составляют около 7 % предикативных предложений: *Dlaczego ktokolwiek uważa, że człowieka pracującego dwa czy trzy lata za umiarkowaną pensję powinno być stać na własne mieszkanie?* — Почему кто бы то ни было считает, что человек, работающий два или три года за умеренную плату, должен быть в состоянии позволить себе собственную квартиру? [WO 05.11.2011]. Предложения, состоящие из одного глагола, встречаются в 3 % случаев: *Leczyć się? U doktora Google!* — Лечиться? У доктора Google! [WO 16.01.2010]. Номинативные вопросительные предложения в 60 % примеров представлены одиночным существительным (*SOLARIUM? Wejdz z głową* — Солярий? Войди с умом [WO 22.08.2009]), а также конструкциями из нескольких существительных (*Plastyk czy kosmetyk* — Пластика или косметика [WO 20.06.2009]), или же существительных с прилагательным (*Nowa reformacja?* — Новая реформация? [WO 20.10.2012]).

Эллиптические конструкции, обнаруженные в вопросительных предложениях, делают вопрос более емким и эмоциональным, что способствует еще большей его выразительности. Данное явление свидетельствует о приближенности стиля заголовков выбранных изданий к разговорному стилю, что объясняется бытовой тематикой этих журналов. Примерами эллиптических конструкций могут служить следующие заголовки:

- a) *W czym na party* — В чем на лыжах [МН 2010, № 11] — возможно восстановить инфинитив *jechać* — ехать;
- b) *Kto bogatemu zabroni?* — Кто богатому запретит? [WO 04.12.2010] — возможно завершить фразу словами *kupować wyspę* — покупать остров;
- c) *Zrzucasz brzech?* — Убираешь живот? [МН март 2010, спецвыпуск] — опущена вопросительная частица *czy*.

Одним из средств расширения синтаксической структуры вопросов в заголовках является обращение, усиливающее эмоциональность конструкции и называющее одно из возможных действующих лиц в статье: *Z którego świata jesteś, kobieto?* — Из какого ты мира, женщина? [WO 08.08.2009].

Введение противопоставления при помощи разделительного союза *czy* служит как повышению информативности заголовка, так и приданию дополнительной оценочности и эмоциональности ВК: *Do łóżka czy do ołtarza? — В постель или к алтарю?* [WO 24.09.2011].

В анализируемом материале присутствуют заголовки, представленные в форме реплик предполагаемого диалога. Герой статьи как бы повторяет слова собеседника, личность которого не проявляется в статье, и дает ответ или эмоциональный комментарий, иногда ироничный, негодующий: *Leczyć się? U doktora Google! — Лечиться? У доктора Google!* [WO 16.01.2010], *Chcecie baletu? Macie! Udławcie się! — Хотите балет? Вот вам! Подавитесь!* [WO 27.06.2009], *JA? NIEMOŻLIWE — Я? НЕМЫСЛИМО* [WO 26.06.2012], *Triatlon? Czemu nie — Триатлон? Почему бы нет* [МН 2010, № 7]. Данные примеры свидетельствуют о доминировании эмоционально-экспрессивной функции в заголовках-репликах, о приближении их к разговорному стилю; этот эффект достигается за счет самой формы заголовка, разнообразия пунктуационных знаков (или их отсутствия) и написания отдельных заголовков заглавными буквами. При этом в рассмотренных заголовках отсутствуют примеры микродиалогов, которые выделила Э. Палушиньская⁵, где в первой реплике цитируются фразы людей, о которых говорится в статьях, а в ответной реплике содержится мнение автора статьи.

Примечательной пунктуационной особенностью, встречающейся в анализируемых ВК, является отсутствие вопросительного знака. В этом случае лишь вопросительное слово передает характер вопроса: *A jeśli on zabierze mi matę — А если он заберет у меня маму* [WO 15.01.2011]. Некоторые заголовки, лишенные вопросительного знака, носят характер инструкции: *Jak pić piwo i nie tyć — Как пить пиво и не толстеть* [МН 2011, № 6].

Перечисленные особенности синтаксиса и пунктуации ВК в заголовках способствуют усилению прагматической функции, также в ряде случаев они усиливают эмоционально-экспрессивную окраску. Благодаря использованию

маркированных структурно-синтаксических средств в анализируемом материале происходит перестройка иерархии функций заголовков: информативная функция уходит на второй план, уступая место прагматической (эмоционально-экспрессивной). Исследованный материал свидетельствует о тенденции к использованию в заголовках разговорного синтаксиса, что обеспечивает особое звучание заголовка и позволяет эффективнее установить контакт с аудиторией.

Примечания

- ¹ Мильчин А.Э. Заголовок // Издательский словарь-справочник / 2-е изд., испр. и доп. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 145–146.
- ² Furman W. Tytuł // Słownik terminologii medialnej / red. W. Pisarek. Kraków, 2006. S. 255.
- ³ Pisarek W. Poznać prasę po nagłówkach: Nagłówki wypowiedzi prasowej w oświadczeniu lingwistycznym. Kraków, 1967. S. 25.
- ⁴ Чайко Н.Н. Синтаксические средства выразительности заголовков прессы (на материале публикаций журнала Spiegel) // Современные исследования социальных проблем. 2019. №1-1. С. 208.
- ⁵ Pałuszyńska E. Zmiany w językowej formie nagłówków prasowych // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. 2016. T. LXII. S.110.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.17

К вопросу о транскрипции и транслитерации французской лексики в болгарском языке

Константин Александрович Лукашук

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация; e-mail: k.a.lukashuk@yandex.ru

Ключевые слова: заимствованные слова, болгарский язык, французский язык, транскрипция, транслитерация

On the Question of Transcription and Transliteration of French Words in the Bulgarian Language

Konstantin A. Lukashuk

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: k.a.lukashuk@yandex.ru

Keywords: loanwords, bulgarian language, french language, transcription, transliteration

Французские заимствования, или галлицизмы — широкий пласт иноязычной лексики в болгарском языке. В него входят, например, наименования предметов мебели, гардероба, топонимические единицы. Также в болгарском языке встречаются заимствованные из французского языка разговорные фразы. Основной поток галлицизмов проник в болгарский язык в XIX в. и совпал с эпохой болгарского возрождения¹. Изучение французского языка было синонимом приобщения к европейской культуре. В Галатасарайском лицее Стамбула обучение велось на французском. Неудивительно, что в первом новоболгарском детском учебнике П. Берона «Букварь с разными поучениями» (1824 г.) среди болгарских слов встречались французские заимствования (например, *етаж*).

Влияние галлицизмов на болгарский язык стало предметом интереса ученых в конце XIX в.² Например, закономерности проникновения галлицизмов в болгарский язык изучал лингвист И. Богоров. Проблематику франкоязычного лексического влияния развил в 30-е годы XX в. Л. Болю (Léon Beaulieux), который рассмотрел ассимиляцию французских заимствований в болгарском языке. Однако проникновение французской лексики в болгарский и ее дальнейшую эволюцию начали изучать систематически лишь в 60-е годы XX в. Здесь следует отметить научную деятельность

Любомира Ванкова и Павла Патева. Их исследования внесли значительный вклад в обобщение накопившихся данных о проникновении галлицизмов в болгарский язык. «Инвентаризацию» франкоязычной лексики в болгарском культурном пространстве провели уже в современной Болгарии. Это связано с выходом «Словаря французских слов в болгарском языке» (2015–2017 гг.) Д. Веселинова и А. Ангеловой. Словарь является наиболее полным перечнем галлицизмов в болгарском языке³.

Несмотря на обширное количество материалов, связанных с «френцизмами» (термин ввел Д. Веселинов), многие вопросы, касающиеся способов заимствования французской лексики, не решены. Приемы перевода подобной лексики также остаются малоизученными. Цель настоящего исследования — проанализировать закономерности транскрипции и транслитерации галлицизмов в болгарском и обозначить перспективы дальнейшего изучения вопроса. Транскрипция определяется как передача средствами переводящего языка звуковой формы слова, а транслитерация — как передача графической формы (буквенный состав) слова исходного языка⁴.

Разберем примеры заимствований (см. *таблицу*). Анализ проведен в соответствии с таблицей практической франкорусской транскрипции Д.И. Ермоловича⁵, а также с нормами французского произношения, приведенными в учебнике И.Н. Поповой⁶. Предполагается, что общая для двух языков кириллическая графика и схожая звуковая система позволяют экстраполировать нормы транскрипции для русского языка на болгарский язык. Приведенные примеры выбраны в силу их общеупотребительности в современном узусе болгарского языка. Эти слова входят в пласт ассимилированной французской лексики, способ написания которой унифицирован и не оставляет сомнений. Таблица служит иллюстрацией для проблематики приемов заимствования подобной лексики в болгарском.

Примеры галлицизмов в болгарском и комментарии к способу их передачи			
Французское слово	Болгарский галлицизм	Русский перевод	Комментарий
<i>fauteuil</i>	<i>фотъойл</i>	кресло	Произносится как /fo.tœj/, что в болгарской кириллической графике соответствует «фотъойл». Сочетание <i>il</i> не передано транскрипцией, как в остальной части слова: неприносимый во французском <i>l</i> становится произносимым в болгарском. Однако диграфы <i>ai</i> и <i>ei</i> переданы по правилам.
<i>croissant</i>	<i>кроасан</i>	круассан	Французское сочетание <i>oi</i> читается как /wa/, при этом уклад губ и языка для произношения /w/ тот же, что и для /u/. Однако в болгарском это передано сочетанием <i>oa</i> . Сочетание <i>an</i> для носового гласного передано согласно произносительной норме. Полная транскрипция: /kwa.sã:/.
<i>boulevard</i>	<i>булевард</i>	бульвар	Используется по большей части прием транслитерации, в отличие от русского (ср. /bul.va:v/ — «бульвар»). Однако диграф <i>oi</i> передан транскрипцией — буквой <i>y</i> , а не сочетанием <i>ou</i> .

<i>acteur</i>	<i>актьор</i>	актер	Диграф <i>eu</i> передается согласно правилам. Произносится как /ak.tœ:v/
<i>ascenseur</i>	<i>асансьор</i>	лифт	Слово транскрибировано по правилам: <i>en</i> передано как <i>ан</i> , <i>eu</i> — как <i>во</i> (французская транскрипция: /a.sɑ̃.sœ:v/).

Галлицизмы часто передаются с помощью смешения транслитерационных и транскрипционных приемов с преобладанием последних. Разобранные «френцизмы» не передаются с помощью точной транскрипции или транслитерации. Примечательно, что некоторые диграфы транскрибируются согласно правилам французского произношения, в то время как другие «дробятся» на кириллические буквы: диграфы для носовых гласных обозначаются точно, однако звук /w/ в типичном для французского языка сочетании *oi* записывается как *о*. Основной прием, которым руководствовались при передаче французской лексики, — транскрипция, но слово *boulevard* по невыясненным причинам усвоено посредством транслитерации.

Перспективной представляется систематизация подобных трансформаций, возможно, с привлечением технологий корпусной лингвистики. Нахождение закономерностей в передаче французских заимствований на болгарский — задача современной болгаристики, требующая инвентаризации галлицизмов, а также сравнительного фонетического анализа изначальной французской лексики и «френцизмов» в болгарском. Если первый вопрос представляется закрытым благодаря словарю Д. Веселинова, второй только предстоит детально проработать и решить.

Примечания

- ¹ *Веселинов Д.* История на обучението по френски език в България през Възраждането. София, 2003.
- ² *Веселинов Д.* Теоретични основи на «Речник на френските думи в българския език» // *Веселинов Д., Ангелова А.* Речник на френските думи в българския език: в 6 т. София, 2015. Т. 1. С. 5–36.
- ³ *Легурска П.* Рец. на кн.: *Веселинов Д., Ангелова А.* Речник на френските думи в българския език в шест тома // Слово.ру: Балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 2. С. 110–117.
- ⁴ *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975. С. 95.
- ⁵ *Ермолович Д.И.* Правила практической транскрипции имен и названий с 29 западных и восточных языков на русский. М., 2016. С. 180–187.
- ⁶ *Попова И.Н. и др.* Французский язык: учебник для I курса институтов и факультетов иностранных языков. М., 2009.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И СЕМАНТИКИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.18

Некоторые грамматические особенности славянского перевода Жития Святого Григория Синаита

Полина Юрьевна Караваяева

Государственный академический университет
гуманитарных наук при Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: ikaravaeva30@yandex.ru

Ключевые слова: славянский перевод, греческий оригинал,
Житие Святого Григория Синаита, двойственное число, пред-
лог *ради*

Some grammatical features of the Slavic translation of the Life of St. Gregory of Sinai

Polina Yu. Karavaeva

State Academic University for the humanities at the base RAS,
Moscow, Russian Federation; e-mail: ikaravaeva30@yandex.ru

Keywords: Slavic translation, Greek original, St. Gregory of Sinai,
dual number, preposition “radi”

Византийское Житие святого Григория Синаита (далее — ЖГС) было составлено в 1351–1352 гг. учеником преподобного константинопольским патриархом Каллистом I. В греческой агиографической традиции наиболее известны три

списка ЖГС: 1) рукопись из собрания ОР ГИМ (Син. греч. 293, вторая половина XIV в., лл. 7–40); 2) кодекс из собрания библиотеки святогорской Великой Лавры (I 117, XV в., лл. 224–257); 3) кодекс афонского монастыря св. Пантелеймона (173, конец XV — середина XVI вв.)¹. Сравнительно недавно вышло в свет критическое издание оригинала ЖГС, подготовленное Х.-Ф. Байером, в результате текстологических изысканий установившим, что к реконструируемому греческому протографу наиболее близок лаврский список².

На славянский язык ЖГС было переведено в третьей четверти XIV в. одним из ближайших учеников св. Григория св. Феодосием Тырновским, пребывавшем некоторое время в Великой Лавре и Зографской обители. Согласно исследованиям рукописной традиции, переводного ЖГС, из известных 22 южно- и восточнославянских списков жития древнейший (болгарский) список второй половины XIV в. принадлежит библиотеке Зографского монастыря (Zogr. 214, лл. 208–247³). Именно этот список второй половины XIV — начала XVI в., а именно: Zogr. 214, Погод. 1282, Соф. 1366, Син. 923, Епарх. 348, ТСЛ 116, ТСЛ 186, ТСЛ 748 — имеет наименьшее количество разночтений с оригиналом и архетипом перевода и привлекается в настоящей работе при сопоставлении с византийским оригиналом (по изданию Байера).

О принадлежности изучаемого переводного ЖГС к кругу афоно-тырновских текстов свидетельствуют яркие переводческие приметы на уровне лексики: πλήθος (I 117, л. 225) — множество, а не народъ (Zogr. 214, л. 210); εὐχή/προσεῦχή (I 117, лл. 224 об., 228 об.) — молитва, а не обътъ (Zogr. 214, лл. 209 об., 214 об.); ἀσπάζομαι (I 117, л. 224 об.) — обლობызати, а не цѣловати (Zogr. 214, л. 209 об.); ἀλλήλων/ἀλλήλους (I 117, л. 228 об.) — друоѓъ друоѓа/друоѓъ къ друоѓоу, а не себе/себѣ (Zogr. 214, л. 214 об.); ποιμήν (I 117, л. 256) — пастырь, а не пастоухъ (Zogr. 214, л. 243 об.) и др. примеры⁴. Однако первостепенное внимание необходимо уделить особенностям употребления форм двойственного числа в соответствующих контекстах и исконного послелого ради.

Характер употребления форм двойственного числа

Свободное двойственное число. Лексемы, обозначающие природные парносимметричные предметы, при субъекте в форме ед.ч. употребляются в изучаемом переводном ЖГС вариативно (и в дуалисе, и в плюралисе), при этом существенную роль играет лексический фактор. Так, исключительно в форме дв.ч. засвидетельствованы лексемы соматической группы око (Zogr. 214, л. 209 очима своима; лл. 216об., 226об., 227 (два случая), 227об., 228 (три случая)), роука (Zogr. 214, л. 212об. хждожднѣ рѣцѣ, лл. 212, 221, 239об.), колъно: и прѣзь вѣса ношь любовіа ср[ь]д[ь]чнао мола са и колънѣ прѣкланѣж (Zogr. 214, л. 210). Существительное же нога в славянском переводе встречается преимущественно в форме множественного числа: 1) Zogr. 214, л. 223об. оучителевѣма ногама и 2) Zogr. 214, л. 215 къ того ногам[ь] припадаеть; Zogr. 214, л. 215 къ краснымъ его ногамъ; Zogr. 214, л. 225об. ногамъ его; Zogr. 214, л. 243об. ногамъ. Особый интерес вызывает тот факт, что при дистрибутивном употреблении слово нога тоже засвидетельствовано в плюральной форме (Zogr. 214, л. 221об.). Примечательно, что на фоне преобладания форм двойственного числа у лексем соматической группы, что свойственно сложившейся еще в XIII–XIV вв. грамматической традиции Афонской книжной школы, замена свободного двойственного числа множественным свидетельствует об отражении утраты дв.ч. в живом болгарском языке и поступательном изменении грамматической нормы употребления дуалиса. Принадлежащие к разновидности конгруэнтного двойственного числа употребляемые в данных контекстах согласованные определения (оучителевѣма ногама) последовательно согласуются в числе с существительными.

Связанное двойственное число, представляющее сочетание существительного с числительным дѣва/оба (дѣвѣ/обѣ), встречается в ЖГС один раз и употреблено верно: Zogr. 214, л. 235 об. дѣвѣма же мимошедшема мѣсацема. При координации с числительными дѣва также присуще и языку переводного

Жития св. Афанасия Афонского конца XIII в.⁵, и южнославянскому переводу XIV в. Жития св. Андрея Юродивого⁶. Относящаяся к конгруэнтной разновидности причастная форма (мимошедшема) тоже употреблена в двойственном числе. При собирательном числительном *ѡбои* глагольные формы фиксируются только в плюралисе: Zogr. 214, л. 229 *оубо ѡбои пришедше [...]* *испытавше [...]* *ѡбрѣтошѡ*. И следует обратить внимание, что принадлежащие к конгруэнтной разновидности дуалиса глагольные формы, дистантно расположенные от двух упоминаемых в тексте субъектов действия, употребляются в ЖГС во множественном числе: Zogr. 214, л. 214об. и *доуховнаа прирекше дроугъ дроугоу* [Григорий Синаит и его ученик Арсений] и *провѣщавше* и *ѡбычнѡа молитвѡа богови въздавше*, и *ѡ молитвы прѣставше коупно сѣдошѡ*.

Несомненный интерес представляет отразившаяся в языке переводного ЖГС яркая тенденция последовательной замены форм **прономинально-вербального** двойственного числа на плюральные. Так, вслед за греческим оригиналом личное местоимение *мы* употребляется исключительно в форме множественного числа (Zogr. 214, л. 225 *нас[ъ]*, л. 225об. *намъ*, л. 239 *мы*, *нас[ъ]*, л. 245об. *нас[ъ]*), как и формы глаголов, соотносимых с местоимением 1 лица (Zogr. 214, л. 225об. *прѣклонше*, *сподоблѣше сѡ*, *бѣхомъ неразлжчи*, *дышжще*, *мѡдрѣствоужще*, *дѣлажще*; л. 239 *въшедше*, *пристахм горѣ*).

Анализ характера употребления форм двойственного числа позволяет говорить о поступательном движении литературной нормы в сторону замены дуальных форм плюральными с последующим вытеснением форм двойственного числа.

Местоположение исконного послелога «ради»

В языке ЖГС обнаружено зародившееся в книжных центрах на Афоне и получившее развитие в переводах Тырновской книжной школы последовательное использование исконного послелога *ради* в препозиции: Zogr. 214, л. 226 *ради врачеванїа страсти*, то же лл. 209об., 210, 210об. (2), 213об., 214об., 216, 218об. (2), 219, 226 (+1), 227 (3), 231об.,

232, 232об., 234, 237 (2), 237об., 241 (3), 242, 243об., 244. Синтаксический грецизм ради принадлежит к числу ярких примет языковой нормы тырновских переводов⁷.

Итак, грамматические особенности, присущие исследуемому переводному ЖГС, во многом предвосхищают яркие отличительные черты Ефимьевской книжной справки, нашедшие отражение и получившие развитие в творениях Евфимия Тырновского, Дионисия Дивного и Григория Доброписца.

Примечания

- ¹ *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). Предисл. священника Б. Даниленко. М., 1993. С. 129.
- ² *Байер Х.-Ф.* Каллист I, патриарх Константинополя. Житие и деятельность иже во святых отца нашего Григория Синаита. Екатеринбург, 2006. С. 103–226.
- ³ *Δελγκάρη Α.* Ἁγιος Γρηγόριος ο Σιναΐτης: Η δράση και η συμβολή του στη διάδοση του ησυχασμού στα Βαλκάνια — η σλαβική μετάφραση του βίου του κατά το αρχαιότερο χειρόγραφο. Θεσσαλονίκη, 2004. Σ. 199–213.
- ⁴ *Карачорова И.* Към вопроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира // Кирило-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6. С. 130–245.
- ⁵ *Караваева П.Ю.* Отражение представлений о грамматической норме в «Сборнике житий греческих Святых» Преподобного Нила Сорского // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 2. С. 64–65.
- ⁶ *Тюняева Д.Б.* Житие Андрея Юродивого в славянском переводе XIV века: особенности языка и переводческой техники: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 101–105.
- ⁷ *Харалампиев И.* Езикът и езиковата реформа на Евтимий Тырновски. София, 1990. С. 100; *Афанасьева Т.И., Козак В.В., Мольков Г.А., Соколов Е.Г., Шарихина М.Г.* Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана // Slovně. 2015. Т. 4. № 1. С. 30; *Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В.* Афоно-тырновская книжная справка конца XIII–XIV вв. и ее рецепция на Руси // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 6. С. 21.

О графико-орфографических и фонетических особенностях текстов маргиналий Христинопольского Апостола XII века

Алёна Андреевна Токсубаева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация; e-mail: arven13@yandex.ru

Ключевые слова: Христинопольский Апостол, древнерусский язык, маргиналии

Graphic-Spelling and Phonetic Features of the Texts of the Marginals of the Apostolus Christinopolitanus of the XII Century

Alyona A. Toksubaeva

Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation; e-mail: arven13@yandex.ru

Keywords: Apostolus Christinopolitanus, Old Russian language, marginalia

Галицко-волынский Христинопольский Апостол XII в. (далее — АпХр¹) — древнейший среди обнаруженных переводов Деяний и Посланий апостолов. Уникальной особенностью рукописи является наличие разветвленной системы маргиналий, корпус которых составляет 16 разновременных записей и более 300 приписок (исключая литургическую разметку), выполненных четырьмя писцами².

В рассматриваемой рукописи можно выделить две группы экстратекстов (термин В.Б. Крысько), представленных записями (занимают строки, не занятые основным текстом,

первые и последние страницы книги, чистые листы, переплеты) и приписками (содержат комментарии и дополнения к тексту)³. В свою очередь приписки АпХр включают 1) литургическую разметку, 2) комментарии, призванные облегчить чтение рукописи (деление текста на значимые фрагменты (главы, зачала, рекламаны), 3) редаKTура основного текста; 4) глоссы; 5) схолии. Отдельно следует отметить комментарий переписчика к 2Тим. 3:8 (л. 290об., львовская часть) о лексическом значении слова мъшелоищць⁴, а также написанную, вероятно, более поздним почерком уникальную рамочную катену.

В данной работе рассмотрены некоторые графико-орфографические и фонетические особенности приписок* львовской и киевской частей рукописи, выполненных рукой основного писца АпХр.

1. При анализе особенностей дистрибуции вариантных обозначений гласных фонем в текстах маргиналий выявлены незначительные расхождения с основным текстом. В звене **и-і** маркированным членом является графема **і**, используемая писцом в конце строки или в заключающей строку словоформе (такое же употребление характерно для лигатурного написания **ѣ**). Графема **ї** встречается только в позиции начала слога (в основном тексте АпХр — также в позиции конца строки после согласного). Как и в основном тексте, в маргиналиях наблюдается упорядоченное употребление аллографов **о-о**, при котором **о** употребляется в начале слога, однако аллограф **е-широкое**, в отличие от основного текста, оформляет лишь единичные написания (как правило, грецизмы). Нейтральным в положении после шипящих и **ц** является использование графем **а**, **ю**. Графема **ѵ** не употребляется за пределами греческих заимствований.

2. Писец АпХр последовательно отражает южнославянские рефлексy, если они не противоречат древнерусской фонетической системе, в обратном случае имеет место отраже-

* К сожалению, данные машиночитаемой версии АпХр не позволяют представить корректную статистику объёма приписок в знаках, так как набор данных текстов осуществлен не в полном объёме.

ние новой нормы. Так, рефлексы сочетаний *tj, *kt, *gt перед гласными переднего ряда, групп типа *tort, начальных *ort, *olt, *je, *a восходят к южнославянским написаниям; *dj — к восточнославянским. Для обозначения рефлексов сочетаний *stj, *skj, *sk перед гласными переднего ряда используется лигатура щ. Во львовской части рукописи обнаружен единственный пример, отражающий написание **жч** на месте старославянского **жд**: **ражчъжени/и** 44об. в группе *zg перед гласным переднего ряда (подобные написания характерны для восточнославянского юга и отражены в основном тексте АпХр). Важными представляются одноеровые написания в группах типа *tʔrt, которые находят отражение, прежде всего, в древнерусских южных источниках (в отличие от основного текста рукописи, в маргиналиях руки основного писца не встречаются двуеровые написания). В текстах приписок не отмечено русифицированных неполногласных сочетаний (в основной части рукописи доля написаний с **ре** на месте **рѣ** в сочетаниях группы *tert составляет ок. 4,5 %).

3. Важной особенностью основной части АпХр является последовательное обозначение палатальных⁵. В приписках палатальные **н**, **л** обозначаются несколькими способами: 1) последующей йотированной буквой, 2) надстрочной точкой (используется также в сочетании с йотированной буквой), 3) крюковой буквой. Большая вариативность в выборе способа маркирования палатального может быть обусловлена стремлением писца к демонстрации своих профессиональных знаний.

4. В маргиналиях, как и в основной части рукописи, наблюдается сохранение редуцированных гласных не только в сильной, но и в слабой позиции. В корневых морфемах утрата редуцированного допускается в абсолютно слабой позиции. Для значительного числа корней не зафиксировано примеров утраты еров, либо отмечены единичные случаи пропуска слабого редуцированного. Утрата еров в суффиксах составляет ок. 15 % (характерен для причастных суффиксов **-въш/-ъш-**, а также суффиксов **-ън-** и **-ъц-**). Редуцированный в приставках и предлогах сохраняется в большинстве

словоформ, отмечаются единичные случаи утраты слабого ера в предлоге **къ**, приставке **съ-**. Отмечено несколько словоформ с восточнославянским окончанием **-ъмь** в Т.п. ***ѡ**, ***ѣ**-основ имен существительных; с исконным окончанием **-ъхъ** в М.п. ***ї**-склонения, разносклоняемых имен существительных. Встречаются единичные случаи пропуска редуцированного в конце слова в позиции конца строки, пропуск редуцированного перед энклитикой **са**. Напряженные редуцированные обозначаются при помощи графем **ы** и **и**, однако, как и в тексте основной части рукописи, отмечается довольно большое (ок. 18 %, в основной части АпХр — ок. 15 %) число написаний с **ъ** и **ь**.

Проведенный анализ указывает на единую орфографию основного текста и текстов маргиналий. Для текстов приписок характерна довольно высокая степень нормализованности в отражении орфографических и фонетических особенностей, являющаяся важной особенностью основной части рукописи. Расхождения с основным текстом незначительны и, как правило, связаны с необходимостью увеличения плотности текста и со сравнительно небольшим объемом приписок, а, следовательно, небольшим корпусом текстов для анализа.

Примечания

- ¹ Христинопольский Апостол, толковый (Национальная библиотека Украины, ИР, ф. VIII, № 3, лл. 1–8; Библиотека Чарторыйских, Краков, Польша, лл. 9–12; Львовский исторический музей, ОР, № 37, лл. 13–303) — список славянского Апостола XII в., 303 лл. [машиночитаемое интернет-издание] URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=61> (дата обращения: 12.04.2023). Львовская часть АпХр: *L'vivs'kyj istorychnyj muzej*, Рук 39 // НММЛ Reading Room. URL: <https://www.vhmml.org/readingRoom> (дата обращения: 12.04.2023). Киевская часть АпХр: *Гнатенко Л.А. Слов'янська кирилична рукописна книга XII–XIII ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського: Каталог. Кодиколого-палеографічне та графіко-орфографічне дослідження. Палеографічний альбом. Київ, 2012. С. 105–120.* Приписки, содержащиеся в краковской части АпХр, опубликованной С.А. Волощенко, не рассматриваются в данной публикации. См. *Woloszczenko S. Niedawno odkryte fragmenty Apostoła Krystynopolskiego z XII wieku // Biblioteka. 2022. 26 (35). S. 33–85.*
- ² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 101–103.

- ³ Крысько В.Б. Мольков Г.А. Письменные источники по истории русского языка // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь. М., 2020. С. 289.
- ⁴ О составе приписок АпХр см. также Бахшаева А.А. Маргиналии Христинопольского Апостола XII века: состав, палеографические и орфографические особенности // Вестник КемГУ. 2022. №2 (90). С. 213–216.
- ⁵ Попов М.Б. Вторичное смягчение полумягких согласных // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь. М., 2020. С. 60–61.

DOI: DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.20

Особенности исследования библейских цитат в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв.

Максим Андреевич Гаврилков

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: maxim.gavrilkov@gmail.com

Ключевые слова: Библейские цитаты, церковнославянский,
Мелетий Смотрицкий

Study of Biblical Quotations in Church Slavonic Grammars of 16th–17th centuries

Maksim A. Gavrilkov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: maxim.gavrilkov@gmail.com

Keywords: Biblical Quotations, Church Slavonic, Meletius Smotrytsky

Исследование библейских цитат в славянской книжности является одной из актуальных задач современной славистики. Функциональный подход к изучению библейских цитат до сих пор разрабатывался на материале только книжных текстов, тогда как библейские цитаты в метатекстах (букварях, словарях, орфографических трактатах и грамматиках) не рассматривались. Их исследование требует выработки особой модели, которая формулируется ниже.

Первые грамматики церковнославянского языка, «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (1596 г.) и «Грамматики славенския правильное Синтаagma» Мелетия Смотрицкого (1619 г.), созданные в пространстве культурно-языкового пограничья в Великом княжестве Литовском, явились выражением смены доминирующего лингво-филологического подхода к нормализации книжного языка. Более древний, характерный для *Slavia Orthodoxa* **текстологический** способ нормализации, «который по терминологии того времени можно назвать “исправлением книжным”, [который] заключался в филологической обработке древних текстов, <...> основанной на соблюдении принципа “святой старины” и ставящей своей задачей в общем сохранение архетипа»¹ (деятельность Острожского кружка и издание Острожской Библии), сменился распространенным в *Slavia Latina* **грамматическим** способом нормализации, «до XVII в. почти не применявшимся в ареале греко-славянского мира» и заключавшимся в «создании грамматик, выработке грамматических норм <...> и фиксации словарного состава в лексиконах»².

Первые грамматики церковнославянского языка XVI–XVII вв. были созданы в рамках доминирующей конфессиональной христианской культуры, для которой императивными текстами являлись Священное Писание и Священное Предание, занимавшие верхние позиции в иерархии славянской книжности³. Эти тексты задавали культурный императив, горизонт историко-символической экзегезы и ядро цитатного пространства — библейское цитатное пространство, в котором можно выделить три уровня: 1) библейские формулы; 2) библейские имена; 3) библейские цитаты.

В рамках функционального подхода исследование библейского цитатного пространства в славянской книжности направлено на установление характера библейского материала и соотношения цитатного и нецитатного уровней текста. Модель исследования в рамках функционального подхода была теоретически осмыслена и задана в трудах Р. Пиккио, М. Гардзанити и Н.Н. Запольской. Р. Пиккио выявил композиционно маркированный «библейский тематический ключ», который должен раскрывать «тотальный» смысл текста ввиду отношения синсемии между буквальным и символическим уровнями смысла⁴. М. Гардзанити выделил различные функции библейских цитат в зависимости от типа текста: иллюстративную (агиография), апокалиптическую (летописи и исторические повести), референциальную и описательную (паломнические тексты), аргументирующую или авторитетную (нравоучительные тексты)⁵. Н.Н. Запольская исследовала отличия в языке цитатного и нецитатного пространства и рассмотрела лингвистическую адаптацию цитат⁶.

Успешное исследование функциональности библейского цитатного пространства в метатекстах предполагает решение следующих задач:

- I. Выявить и атрибутировать библейские цитаты;
- II. Определить вид цитат. Цитаты автором 1) маркированы и атрибутированы (эксплицитные), 2) маркированы, но не атрибутированы, 3) не маркированы и не атрибутированы (имплицитные);
- III. Определить позиции цитат в структуре метатекста: 1) «конвой» — сопроводительный текст (предисловие, послесловие, примечания и вставки), 2) текст грамматических правил и объяснений, 3) примеры;
- IV. Дифференцировать цитаты по книгам Ветхого и Нового Заветов с учетом тематической библейской типологии;
- V. Установить вхождения цитат в чтения богослужебного церковного года: 1) в подвижный богослужебный

круг, 2) в неподвижный богослужебный круг; 3) цитаты, не относящиеся к богослужебным чтениям;

VI. Привлечь библейскую экзегезу: Феофилакт Болгарский // Феодорит Кирский;

VII. Выявить источник библейских цитат;

VIII. Проанализировать лингвистическую адаптацию библейских цитат.

Апробация данной модели была осуществлена на Грамматике М. Смотрицкого 1619 г.⁷:

Атрибуция. Впервые выявлено и атрибутировано 110 библейских цитат, уточнена атрибуция всех отмеченных в научных изданиях Грамматики О. Горбача и Е.А. Кузьминовой библейских цитат. В результате общий корпус библейских цитат составил 273 позиции.

Вид цитаты: Смотрицкий маркировал и атрибутировал пометами на полях 65 библейских цитат, 208 цитат представлены в Грамматике немаркированными и неатрибутированными.

Позиция цитат: маркированные библейские цитаты находятся исключительно в разделе о синтаксисе в главах о сочинении имени, местоимения, глагола, «неопределенных» и являются примерами к грамматическим правилам. Немаркированные цитаты — примеры в разделах об орфографии и синтаксисе.

Дифференциация цитат: ветхозаветные и новозаветные цитаты находятся примерно в равном количественном распределении (133 и 140 соответственно), при этом доминируют цитаты из Псалтыри (84). Особое внимание должно быть обращено на названные Смотрицким в предисловии учительные библейские книги (Псалтырь; Притчи Соломоны, книга Премудрости Соломона и книга Премудрости Иисуса сына Сирахова), которые являются источниками для большинства ветхозаветных цитат.

Источники цитат: точкой отсчета является Острожская Библия, при этом ряд цитат демонстрирует орфографические, акцентологические, лексические и грамматические

расхождения с Острожской Библией. Были выявлены следующие лексические разночтения между цитатами Грамматики Смотрицкого (ГС) и текстом Острожской Библии (ОБ), которые могли возникнуть в результате, во-первых, использования других церковнославянских источников, во-вторых, перевода нецерковнославянских (латинских или греческих) источников, в-третьих, цитирования по памяти:

1. время // лѣто — Деян. 1:6:
 ГС: Гди/ аще в сѣ время оустроаеши царствіе ейлево
 ОБ: ги, аще въ лѣто сѣ оустрааеши црѣствіе ийлево
2. разума // смысла — Ис. 11:2:
 ГС: Дѣх премѣдрости и разума
 ОБ: дѣхъ премѣдрости, и смѣсла.
3. праведномѣ семѣ // праведникѣ томѣ — Мф. 27:19:
 ГС: Ничтоже тебѣ и праведномѣ семѣ
 ОБ: ничтоже тебѣ, и праведникѣ томѣ
4. раздражай // разгнѣвай — Сир. 4:2:
 ГС: дѣла алчущиа не вскорби/ и не ра^здражай мѣжа в ницетѣ егѣ
 ОБ: дѣи алчущи не ѡскорби, и не разгнѣвай мѣжа в ницетѣ егѣ.
5. твою // свою — Сир. 2:1:
 ГС: Чадо/ аще пристѣпаеши работати Гдѣви Бгѣ/ оуготови Дѣш твою во искѣшеніе
 ОБ: Чадо аще пристѣпаеши работати гѣви бгѣ, оуготови дѣш свою въ иѣскѣшеніе
6. чашѣ стѣдены воды // чашѣ водѣ — Мк. 9:41:
 ГС: Иже напоить вы чашѣ стѣдены воды во има мое
 ОБ: Иже бо аще напоить вы чашѣ водѣ въ има мое
7. дланію // горьстію — Ис. 40:12:
 ГС: Падію измѣри нѣбо/ дланію землю
 ОБ: Кѣто иѣзмѣри гѣрстію водѣ, и нѣбо падію, и всю зѣмлю гѣрьстію

8. сѣ // бл҃гъ — Мф. 19:17:

ГС: никтѣже сѣ тѣкмѣ единѣ Б҃гѣ

ОБ: никтѣже бл҃гъ, тѣкмѣ едѣнѣ б҃ѣ

9. начатка // конца — Пс. 18:7:

ГС: Ѡ начатка нѣсѣ исход егѡ/ и срѣтеніе егѡ до конца нѣсѣ

ОБ: ѡ конца нѣсѣ ѡсхѣдѣ е҃го. ѡ срѣтеніе е҃го до концѣ нѣсѣ⁸.

Таким образом, исследование функциональности библейских цитат в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв. является многоступенчатым процессом, ключевые шаги которого сформулированы в описанной здесь модели.

Примечания

- ¹ Толстой Н.И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // Толстой Н.И. Избранные труды. М., 1998. Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. С. 134.
- ² Там же. С. 136.
- ³ См. Там же. С. 129–130. Ср. иерархию книжности в древнейший период *Slavia Orthodoxa*: Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. 2. С. 70.
- ⁴ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*: литература и язык. М., 2003. С. 34, 437.
- ⁵ Гардзанини М. Библиейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. С. 195–202.
- ⁶ Запольская Н.Н. Библиейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 482–492.
- ⁷ Подробнее см.: Гаврилков М.А. Библиейское цитатное пространство «Грамматики славенския правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г. // Славяноведение. [в печати]
- ⁸ Мелетій Смотрискій. Грамматіки Славенскіа правилное Свнтагма. Евю, 1619. С. 28, 386, 399, 416, 417, 421, 424, 448, 452. [Электронный ресурс] URL: https://collections.thulb.uni-jena.de/receive/HisBest_cbu_00035439 (дата обращения: 12.04.2023).

Об одном семантическом сдвиге в истории прилагательного *хороший*

Ксения Павловна Костомарова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация; e-mail: kostomaa@gmail.com

Ключевые слова: семантика, хороший, добрый, обработанный, подходящий

One semantic shift in words with the root *dobr-* and *xor-*

Ksenia P. Kostomarova

Lomonosov Moscow State University,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: kostomaa@gmail.com

Keywords: semantics, good, kind, treated, appropriate

Слова с корнем *хор-* (*хороший*, *хорошо*) являются основными словами, выражающими значение положительной оценки в русском языке. В других славянских языках для выражения этого значения употребляются только слова с корнем *dobr-*.

Прилагательное *хороший* не имеет убедительной этимологической интерпретации, но обычно возводится к и.-е. корню **(s)ker-* ‘резать, гнуть, скрести’¹. О.Н. Трубачев описывал прилагательное *хороший* как производное от **xorostь* (русс. диал. *хóрость* ‘удобство, красота, приятность’), которое рассматривал как производное от **хогъжь*². Согласно Трубачеву, такая модель развития **(s)ker > *хогъжь > *xorostь >*

**xorošijь*) учитывает скрытые стороны значения слова *xorošijь* и гнезда **sker-* / **skor-* ‘скрести, чистить’³. В предлагаемой этимологии особенно затруднительным оказывается объяснение появления у прилагательного *xorošijь* положительного значения.

Ж.Ж. Варбот отчасти объясняет его появление, сближая прилагательное *xorošijь* с глаголом *xoroxoritься* и определяя древнейшее значение прилагательного *xorošijь* как ‘красивый’. Она предлагает такую схему развития значения: ‘топорщащийся, взъерошенный’ > ‘украшенный’ > ‘красивый’⁴, однако согласиться с первичностью значения ‘красивый’ у прилагательного *xorošijь* довольно трудно. Три самых ранних примера употребления этого слова в приписке к Монастырскому уставу (Соф. № 1136 л. 53) и в Пандектах Никона Черногорца не могут быть проинтерпретированы однозначно, а в картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв. и в старорусском подкорпусе НКРЯ слово *xorošijь* и его производные встречаются в значении ‘красивый’ в среднем в три раза реже, чем в значении ‘соответствующий норме определенного класса объектов’. Такое соотношение употреблений сохранилось и в XV, и в XVII в.: *и абие показася ему вино сладкое, хорошее* (Х.Вас.); *Корабельное пристанище добре хорошо* (Арс.Сух.)⁵. Реализующееся в этих примерах значение соответствия норме не противоречит отмеченной Ж.Ж. Варбот и В.П. Гудковым связи исходной семантики слова *xorošijь* с внешними положительными качествами⁶ и, как кажется, позволяет прояснить один семантический сдвиг в истории этого слова.

Если считать первичным и основным значением прилагательного *xorošijь* не значение красоты, а значение соответствия норме, можно обнаружить большое количество слов с корнем *xog-*, имеющих значение ‘очищать, обрабатывать’: полес. *xorošit* ‘лущить, чистить’, белор. *xaroшыць* ‘чистить’, *xorošitь* ‘очищать овощи от листьев и корешков’; белор. диал. *xoroшыты* ‘чистить рыбу, морковь, картошку’; арх. *xo(a)po(a)вина* ‘сырая или высушенная шкура зверя’⁷. Эти слова позволяют предположить существование у корня *-xog*

некоторого промежуточного отрицательного значения ‘грубый, шершавый’, которое косвенно отражается в лексике со значением обработки и очистки.

Идея грубого и шершавого близка к значению ‘топорщащийся’, которое Ж.Ж. Варбот определяет как первичное. Вместе с В.П. Гудковым она также отметила родственные прилагательному *хороший* образования от основы *к/хорs-t- (русск. *короста*, польск. *krosta*, чешск. *chrasta*, сербохорв. *к(х)паста*), которые используются для описания реалий с шероховатой и бугорчатой, а не топорщащейся поверхностью. См. также русск. диал. (буйск., костр.) глагол *хороветь* ‘покрываться инеем’, для которого Т.В. Горячева предполагает сдвиг ‘покрываться жесткой шершавой корой’ > ‘покрываться инеем’⁸. Если считать, что первичное значение корня хог-связано с идеей ‘топорщиться, быть взъерошенным’, которая воспринимается исключительно положительно и позднее переосмысливается как украшенность и красота, возникают трудности в интерпретации группы приведенных выше слов со значением обработки, предполагающие, что делать *хорошим* значит устранять неровности и шероховатости.

Кажется, что идею обработки и очистки можно считать связующим звеном между значениями ‘грубый, шершавый’ и частью производных положительных значений. В таком случае модель семантического развития прилагательного *хороший* можно представить так: ‘необработанный’ > ‘обработанный’ > ‘соответствующий положительной оценке’ / (‘украшенный’ > ‘красивый’).

Похожий сдвиг при формировании значения положительной оценки фиксируется, например, в истории эстонского прилагательного *hea* ‘хороший’, которое возникает из исходного значения негативного свойства и проходит через стадию ‘грубый, шершавый’. А. Вальде и Ю. Покорный привели для *hea* цепочку: *sāi- ‘боль, болезнь’ > *sayəw- ‘грубый, шершавый, болезненный’ > *sîw-a- (*seiw-a) > *hüvä > hea*⁹.

* См. возводимые к этому же корню: лат. *saevus* ‘жестокий, жесткий’; финск. *sairas* ‘больной’.

Последние два этапа в цепочке развития значения прилагательного *хороший*: ‘обработанный’ > ‘соответствующий положительной оценке’ оказываются близки модели ‘подходящий’ > ‘положительно оцениваемый’, по которой положительное значение развивается у слов с корнем *dobr-*: и.-е. **dhabh* ‘подходящий, соответствующий’ > **dhab-ro* > балт.-слав. **dabas* > **dobъ*. Ср. чеш. диал. *dobrý* (**dobrej*) ‘подходящий, удобный, подобающий’¹⁰.

Соединение идей, характерных для истории развития прилагательных *хороший* и *добрый*, — идеи обработки и идеи соответствия — можно также заметить в истории развития многих тюркских слов со значением положительной оценки, входящих в этимологическое гнездо с корнем **yak*: башкирское *якшы*, казахское *жақсы*, азербайджанское *yaхşı*. Ср. тюрк. **yaqşı* ‘good’ < **yak-* ‘приближаться, подходить’ < **yak* ‘тереть, быть близко к чему-л.’¹¹

Примечания

- 1 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 8 (**ха*—**јъvъlga*) / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1981. С. 80–81; Rix H. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001. P. 556, 613; *Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959. P. 938–947, 1050; *Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2007. Vol. IV. P. 206; *Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии // Этимология. 1979 / под ред. Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1981. С. 37–42.*
- 2 Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 8. С. 80–81.
- 3 Там же. С. 21, 79–80.
- 4 *Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии. С. 41.*
- 5 Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока, 1558–1561 гг. / Под ред. Х.М. Лопарева // *Православный палестинский сборник. 18-й выпуск. 1887. Т. VI. Вып. 3.*; Проскинитарий Арсения Суханова: 1649–1653 гг. / Под ред. Н.И. Ивановского // *Православный палестинский сборник. 21-й выпуск. 1889. Т. VII. Вып. 3. Прил. II. С. 3–300.*
- 6 *Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии. С. 37–38; Гудков В.П. Три русские этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. 1966. Вып. V. С. 35–36.*
- 7 Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 8. С. 81, 83.
- 8 *Горячева Т.В. Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов // Этимология. 1977 / под ред. Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1979. С. 104–105.*

- ⁹ *Walde A., Pokorny J.* Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. Berlin, 1932. Band 2. P. 445; *Valpy F.E.J.* An etymological dictionary of the Latin language. London, 1828. P. 414; *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. P. 877.
- ¹⁰ Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1992. Т. 3. (dělo — gospodь) / hlavní redaktorka E. Havlová. P. 137.
- ¹¹ *Старостин С.А., Николаев С.Л.* Индоевропейский словарь.; *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1872. P. 896.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.22

О семантическом развитии русского наречия зря 'напрасно'

Ирина Игоревна Колесниченко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: irinakolesn@gmail.com

Ключевые слова: семантический переход, конативы, история русского языка, семантическая эволюция наречий

Semantic Evolution of Russian Adverb *zrja* 'in vain'

Irina I. Kolesnichenko

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: irinakolesn@gmail.com

Keywords: semantic shifts, conatives, history of Russian language, semantic evolution of adverbs

В данной работе рассмотрены семантические переходы, которые могли привести к возникновению значения ‘напрасно’ у наречия *зря*, произошедшего от глагола *зрѣти* ‘смотреть’.

1. Русское наречие *зря* ‘напрасно’ стало употребляться в литературном языке не раньше XIX в.: об этом свидетельствуют как данные словарей (наречие не встречается в словаре русского языка XVIII в.), так и корпусные данные. В.В. Виноградов указал, что «в русский литературный язык из народных говоров наречие *зря* проникло не ранее 30-х годов XIX в.» и что оно «носит яркую печать разговорно-фамильярного стиля»¹. Хотя подробной истории развития значения ‘напрасно’ нет в этимологических словарях, можно найти различные предположения о том, как это наречие появилось. Н.М. Шанский считал, что *зря* ‘напрасно’ происходит от значения ‘наугад, на глазок’². М. Фасмер определил первоначальное значение *зря* как ‘праздно смотря’³. В словаре П.Я. Черных нет новых значений у *зря*, приведен лишь пример из Жития Андрея Юродивого, который рассмотрен ниже⁴.

Типологические данные позволяют выдвинуть еще одну гипотезу формирования нового значения у *зря* — через значение попытки. Семантика *зря* предполагает, что субъект хочет достичь какого-то результата, предпринимает попытки для его достижения, но ожидаемый результат не наступает, ср. *она зря искала словарь — его нигде не было*. Схожую семантику в русском языке имеют конативные глаголы, указывающие на повторяющиеся попытки совершить действие. Ср. конативный глагол *решать* в СРЛЯ: *решал задачу* значит, что пытался ее решить, но так и не решил. Дело в том, что типологически конативное значение бывает грамматикализовано, и в некоторых языках оно выражается с помощью вспомогательного глагола, этимологически связанного с глаголами зрительного восприятия⁵. Так обстоят дела во многих тюркских и алтайских языках, ср. (1) в якутском языке, где употребляется вспомогательный глагол *kör*, первоначально ‘смотреть’:

- (1) keten kōr
 put.on AUX.IMV
 попробуй надеть (одежду)⁶

С помощью конатива в якутском языке выражается значение попытки, независимо от того, удачна она или нет, что отличает его от значения *зря* в русском, где попытка обязательно приводит к неудаче. Можно предположить, что значение неуспешной попытки у *зря* возникло из общего значения попытки, допускающей как неуспешный, так и успешный исход.

2. Чтобы проверить гипотезы происхождения значения ‘напрасно’, были проанализированы данные исторических подкорпусов НКРЯ⁷ и выделены примеры, в которых глагол *зрѣти* употребляется в переносных значениях. Ниже приведены некоторые из них.

В примере (2) из берестяной грамоты 531 сестра просит брата проверить, правда ли она виновата в том, что совершила, и вынести справедливое наказание, не ориентируясь на мнение ее мужа — Федора. В близком значении *зрѣти* употреблено и в Поучении Владимира Мономаха, ср. (3), где Владимир дает совет действовать самостоятельно, не полагаясь на мнение тиуна, отрока или воевод.

(2) <...> *тѣ пако брате испѣтаво которое слово звело на ма и пороукоу а боудоу люди на томо тебе не сѣтра а моужевѣ не жена тѣ же ма и потени не зѣра на вѣдора* [Берестяная грамота 531 (1200–1220)]

(3) *В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, <...> На войну вышедѣ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы* [Поучение Владимира Мономаха (1090-е — 1110-е)]

В (4) Данило и Василько с матерью не буквально смотрят на город Владимир, а желают заполучить его:

(4) *и княжаста с мѣрью в немь. а на Володимерь зрѣща. се ли шво ли Володимерь боудеть наю. Бѣжиею же помощью на Володимерь призирающа.* [Галицкая летопись (1201–1260)]

Если в (4) *зрѣти* предполагает активное желание субъекта, то в (5) *зрѣти* употреблено скорее в ситуации пассивного ожидания. После убийства Андрея Боголюбского игумен Арсений предлагает не ждать старших игуменов, а самостоятельно отпеть князя.

(5) *на третии дѣнь приде арьстьнии игуменъ стѹю кузмы и дельмана и р(ѣ)е и долго намъ зрѣвшимъ на старѣишии игумени и долго сему князю лежати. штомькни[те] [ми] [божницу]. да ѿпою надъ нимъ. [Киевская летопись (1119–1199)]*

Близки к (5) ситуации в (6) и (7), однако субъекты действия в них еще более пассивны: где от них требуется действие, они бездействуют.

(6) *и нача глѣти стояще округъ ѿго чѣто стоите зръщце· пристоупивъше сконьчаимъ повелъною намъ. [Сказание о Борисе и Глебе, вторая пол. XI в.]*

(7) *ставъ ту. нача звати. “плавы и прахъ”. слышаху же сущи ту. да не разумьюще. что глѣть. глѣху. “что юсть. како бладетъ похабъ онъ”. да друзѣи смиахуса. а друзѣи хритахуса. а друзѣи биаху ѿго по шии. да како стояше стѣи и все троговною видѣше. старецъ мимоидыи ре(ѣ) к нему. “чѣто зря. похабе. зовещи плавы. да аще плавы продажши. да шедъ. продаи. кдеже продають людие плавы”. [ЖАЮ, середина XI в. — середина XII в.]*

В (6) бездействуют воины, которые должны закончить начатое и убить святого, в (7) — блаженный, который продает солому не там, где ее обычно продают. На современном языке блаженному бы сказали что-то вроде: «Чего стоишь, глазами хлопаешь? Иди продавай солому». Важно, что и в (6), и в (7) *зрѣти* употребляется без дополнения. Если в (6) из контекста ясно, что воины смотрят на святого, то в (7) — то, куда смотрит блаженный, не только неясно, но и неважно. В этом месте *зря* из (7) схоже с современным *зря*, утратившим валентность объекта. Из этой поразительной близости семантики *зря* в (7) к современному *зря* можно

было бы предположить, что значение ‘напрасно’ появляется у *зря* еще в древнерусском языке, что и отражается в ЖАЮ. Однако обнаружить других примеров в исторических под-корпусах, где *зря* было бы настолько близко по значению к современному, не удалось, поэтому судить о времени возникновения нового значения в живом языке все еще трудно.

3. Не обнаружено среди проанализированных контекстов ожидаемого значения попытки, хотя в языках мира оно может развиваться на базе глаголов зрительного восприятия и могло бы стать связующим звеном между значениями ‘смотреть’ и ‘напрасно’. Тем не менее, описанные в Разделе 1 типологические данные кажутся важной параллелью для истории русского *зря* и требуют более подробного рассмотрения.

Из семантических переходов, описанных в этимологических словарях, наиболее близким к диахроническим данным оказывается упомянутое в словаре М. Фасмера значение *зря* ‘праздно смотря’. Оно соотносится с контекстами, в которых глагол *зрѣти* обозначает бездействие субъекта, ср. (6)–(7). Можно предположить, что значение ‘напрасно’ появляется в тех контекстах, в которых наблюдатель со стороны оценивает действия субъекта. По мнению наблюдателя, 1) субъект должен достичь определенной цели, 2) но субъект недостаточно активен и не делает того, что он должен был бы сделать, а просто «стоит и смотрит», 3) то, что субъект делает сейчас, он делает **зря**, поскольку нужный результат не будет достигнут. Описанный таким образом семантический переход, безусловно, требует проверки на более широком, в том числе и диалектном, материале. Однако, если он верен, то значение ‘напрасно’ у *зря* могло возникнуть еще в живом древнерусском языке (хотя частотным оно становится лишь в литературном языке XIX в.).

Примечания

¹ Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 208.

² Этимологический словарь русского языка / ред. Н.М. Шанский. М., 1975. Т. II. Вып. 6. С. 111.

- ³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Изд. 2-е, стереотипное. М., 1986. Т. II. С. 106.
- ⁴ *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. I. С. 330.
- ⁵ *Плунгян В.А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. М., 2001. Вып. 1: Глагольные категории. С. 61–62; *Voiron V.* 'Seeing' is 'trying': The relation of visual perception to attemptive modality in the world's languages // *Language and Cognition*. 2013. N 5 (1). P. 61–80.
- ⁶ *Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова.* М., 1972. С. 180.
- ⁷ Исторический корпус. Национальный корпус русского языка. URL: https://rus-corpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения: 14.04.2023)

Секция
**«ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИЕ»**

**Доминанты мотивной структуры
краткой прозы И. Цанкара
(сборник «Книга для легкомысленных
людей», 1901)**

Вероника Викторовна Старкова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: Starkova.Veronika2014@yandex.ru

Ключевые слова: Цанкар, мотив, словенская литература

**Dominants of the motive structure
of short prose by I. Cankar
(collection “Book for frivolous people”,
1901)**

Veronika V. Starkova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: Starkova.Veronika2014@yandex.ru

Keywords: Cankar, motif, Slovenian literature

Второй сборник словенского писателя, поэта, публициста и общественного деятеля Ивана Цанкара (1876–1918) «Книга для легкомысленных людей» (*Knjiga za lahkomiselne ljudi*) написан в «венский» период его творчества, когда писатель вернулся в столицу империи после смерти матери¹. В этом

сборнике, по мысли литературоведа Ф. Берника, важен социальный тематический акцент — отражение «большой пропасти между бедными, эксплуатируемыми рабочими и богатыми мещанами в больших городах»². На материале четырех рассказов из этого сборника («Неудовлетворенность», «В предместье», «Крестный путь» и «Перед целью»), посредством анализа их мотивных структур были выделены основные сюжетно-смысловые доминанты.

В рассказе «Неудовлетворенность» (*Nezadovoljnost*) герой-рассказчик встречается с самим дьяволом, который хочет создать новое человечество. Он дает герою все, что только его душе угодно, но герою этого мало. И лишь когда герой от пресыщения начинает желать невозможного и недостижимого — солнца, которое бы светило в его спальне, звезд, с которыми могла бы играть его любовница и т. д., дьявол говорит о том, что он наконец-то создал такого человека, какого стремился создать. Кроме отмеченных Ф. Берником мотивов **бедности и богатства**, в рассказе присутствуют такие важные для поэтики словенского писателя элементы мотивной структуры, как мотив **пути**: путь ведет героя от нищеты через баснословное богатство к неудовлетворенности и отчаянию; мотив **цели**, которая в финале трансформируется в нечто недостижимое: «“Ты что, не видишь!” — закричал я и у меня полились слезы из глаз. — “Ты что, не видишь, что я хочу недостижимого? Дай мне то, что недостижимо! Дай мне, чтобы я увидел то, чего не видно, услышал то, что вечно немо, и почувствовал то, что бесплотное! Дай мне то, чего я хочу, но не знаю, что хочу этого, дай мне то, чего ты не можешь дать!”»³. Важными элементами, раскрывающими авторскую позицию, являются мотив **неудовлетворенности**, который гонит героя за все новыми наслаждениями, а также мотив **стыда** за свою жизнь: «Только теперь я почувствовал всю мерзость и все убожество своей прежней жизни»⁴.

Рассказ «В предместье» (*Iz predmestja*) посвящен истории четырнадцатилетней девочки с венской окраины Анке, которая вынуждена работать швеей и все деньги отдавать матери. Живя в нищете, она мечтает о красивой жизни. Однаж-

ды хозяйка дает ей поручение принести из города выручку. Героиня не выдерживает искушения: по дороге домой она заходит в магазины и кафе и тратит деньги. Обвиненная в воровстве, Анка попадает в тюрьму на два месяца, потом следы ее теряются. Основу мотивной структуры составляют те же мотивы, что и в первом рассказе: на контрасте представлены мотивы **богатства** (жизнь хозяйки) и **бедности** (жизнь Анки в предместье), а также **пути** (дорога Анки с деньгами домой), **цели** (в тот момент, когда Анка получает все, о чем она мечтала всю жизнь, она все теряет и попадает в тюрьму), а также мотивы **вины, страха и стыда** — чувств, которые испытывает мать девочки: «Мать пришла за госпожой Ригловой, бледная, худая, испуганная, с заплаканными глазами»⁵.

Сюжет рассказа «Крестный путь» (*Križev pot*) отличается особым трагизмом. Марко, подающий надежды ребенок из бедной семьи, прислуживает в церкви. В деревне наступает засуха, для борьбы с ней организовывается крестный ход, во время которого Марко несет тяжелое Распятие. Из-за голода, жажды и нестерпимой жары герой падает, ударяется головой о крест и через несколько дней умирает. Здесь спектр мотивов, характерных для двух первых рассказов: **богатства** (описание толстого священника и человека из суда, который на глазах у Марко купил большую корзину персиков) и **бедности** (жизнь Марко и его семьи), **пути** (описание крестного хода как пути маленького голодного Марко на Голгофу), **цели** (мальчик мечтает попасть в город, в школу, но мечта его оказывается недостижимой), **страха** (страх Марко перед священником) расширяется за счет введения новых — мотива **смерти** (смерть Марко) и мотива **голода** (как одной из причин смерти ребенка).

В последнем из рассматриваемых рассказов «Перед целью» (*Pred ciljem*) герой Карел Ереб, житель предместья, отправляется в театр в центр города. Там он видит, как живут богачи, и размышляет о том, почему эта жизнь ему недоступна. Поняв всю безысходность своего положения, Карел бросается из окна. Мотивная структура этого рассказа в це-

лом повторяет модель трех предыдущих: мотив **бедности и богатства** (описание разных районов города, которые проходит Карел на пути в театр), мотив **пути** (поход Ереба в театр), мотив **цели** (который представлен в рассказе как богатство и роскошь, к которым стремится герой, но в финале рассказа понимает, что ему, как и его предшественникам все это будет доступно только после смерти), мотивы **стыда и страха** (их герой испытывает, проходя по богатым, освещенным улицам), мотив **смерти** (в финале герой умирает).

На основании вычленения мотивов, которые И. Цанкар использовал в рассказах из «Книги для легкомысленных людей», можно говорить о присутствии в его краткой прозе основных мотивных доминант, к которым относятся мотивы **бедности и богатства, цели, пути, страха и стыда**. Социально-критический аспект, ранее отмеченный исследователями, является важной стороной поэтики писателя: он отмечен мотивами **бедности и богатства**; во многих рассказах также присутствуют мотивы **смерти и голода/страданий**, которые усиливают трагизм повествования и, в то же время, ярче раскрывают данную проблематику. При этом налицо и иные мотивные узлы, благодаря которым писатель перевел социальные проблемы в нравственную плоскость. Так, мотивы **цели, пути, страха и стыда** раскрывают внутренний мир персонажей. Несмотря на то, что социальная действительность детерминирует их внешнюю жизнь и образ мыслей, в центре внимания Цанкара стоит индивид с его нравственным выбором и ответственностью, которая за этот выбор наступает.

Примечания

- ¹ Периодизация творчества И. Цанкара представлена в книге: *Avsenik Nabergoj I. Ljubezen in krivda Ivana Cankarja*. Ljubljana, 2005. S. 18.
- ² *Bernik F. Tipologija Cankarjeve proze*. Ljubljana, 1983. S.137.
- ³ *Cankar I. Izbrana dela II*. Ljubljana, 1951. S. 58.
- ⁴ *Ibid.* S.50.
- ⁵ *Ibid.* S.71.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.02

Импульс классических сюжетов в драматургии Вацлава Гавела (на примере пьес «Искушение» и «Уход»)

Полина Сергеевна Левина

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: p.levina15@mail.ru

Ключевые слова: чешская литература, В. Гавел, театр абсурда, интертекстуальность

The impulse of classic stories in Václav Havel's drama (on the example of the plays "Temptation" and "Leaving")

Polina S. Levina,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: p.levina15@mail.ru

Keywords: Czech literature, V. Havel, theater of the absurd, intertextuality

Вацлав Гавел (1936–2011) — чешский писатель, драматург, правозащитник, государственный деятель. В данной работе проанализированы пьесы «Искушение» (*Pokoušení*, 1985) и «Уход» (*Odcházení*, 2007), относящиеся к позднему периоду его творчества. О поздней драматургии Гавела написано немного, хотя она особенно интересна тем, что в ней писатель осмысляет свою политическую карьеру и творчество. Так, о пьесе «Искушение» Гавел писал, что она может являться ретроспективой всего того, чего он достиг, «своеобразным подведением итогов или авторезюме»¹. Пьесе «Уход» уже без сомнения можно назвать подведением итогов — Гавел написал ее в 2007 г., после того как в 2003 г. покинул пост прези-

дента, а одной из основных тем пьесы является осмысление героем окончания своей политической карьеры.

Драматургию Гавела традиционно связывают с театром абсурда, подчеркивая при этом и отличие его пьес от этой традиции. Если классический театр абсурда «не доказывает абсурдность человеческого удела, он просто показывает его»², то Гавел использует прием абсурда для критики современной действительности, для него недостаточно «просто показать» абсурд, нужно выявить его причины и наметить пути его преодоления.

Театр абсурда часто характеризуют как «связующее звено эпох модерна и постмодерна»³. Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий выделяют следующие элементы драматургии постмодернизма: развернутые авторские ремарки, постоянное нарушение сценической условности, перенос внимания с действия на языковую игру, сложная сеть интертекстуальных отсылок⁴. В пьесах Гавела можно заметить все эти элементы, но особого внимания заслуживают интертекстуальные отсылки, которые в поздний период творчества стали определяющей чертой его драматургии.

Ярче всего интертекстуальность используется Гавелом в пьесах «Искушение» и «Уход», сюжет каждой из которых основан на известном сюжете классической драматургии. Так, «Искушение» — переложение сюжета «Фауста» И.В. Гете. Действие происходит в научном институте, ученый Генрих Фауст превращается в научного работника Индржиха Фоустку, Мефистофель — в пенсионера-инвалида Фистулу, а Маргарита — в секретаршу. Основные события повторяют сюжет «Фауста» — Фоустка, увлеченный оккультными науками и стремящийся ко всестороннему познанию мира, заключает сделку с Фистулой, который первым делом в качестве «опыта» предлагает Фоустке сделать так, чтобы в него влюбилась Маргарита. Как и Фауст, Фоустка заблуждается, думая, что «с помощью дьявола можно что-то урвать для себя и при этом не отдать ему душу»⁵.

В отличие от «Искушения» пьеса «Уход» не основана на определенном произведении, но завязка сюжета, обра-

зы некоторых персонажей и ряд мотивов отсылают читателя к «Вишневому саду» А.П. Чехова. Главный герой пьесы, бывший канцлер Вилем Ригер, узнает, что ему и его семье придется покинуть правительственную виллу. Вокруг виллы растет вишневый сад, который в итоге вырубает, а виллу у государства приобретает вице-председатель Кляйн, ассоциирующийся в пьесе с чеховским купцом Лопахиным. Другой персонаж, заимствованный у Чехова, — работник Освальд, о котором в конце так же, как о лакее Фирсе из «Вишневого сада», забывают и оставляют его на вилле. Пьеса пронизана рефлексией, меланхолией и ощущением одиночества, что тоже сближает ее с «Вишневым садом».

Сюжеты, заимствованные из классических образцов драматургии, Гавел по-новому осмысляет и помещает в новый контекст. Во-первых, каждый из сюжетов в пьесах приобретает ироническое звучание, в первую очередь благодаря контрасту оригинальных образов и событий и их отражения в пьесах. Так, Мефистофель в «Искушении» становится пенсионером-инвалидом, он описывается как «человек маленького роста, эдакая пигалица, прихрамывающий, весьма подозрительного вида»⁶, который, к тому же, неприятно пахнет. Во-вторых, в обеих пьесах поднимаются темы, традиционные для драматургии Гавела — бюрократия, обезличивание и формализация языка, господство фразы, благодаря которой можно приспособиться к любым условиям и стремление человека к рациональности, которое ведет к потере индивидуальности. Соприкасаясь с этими темами, известные сюжеты приобретают новое звучание.

В «Искушении» сюжет о борьбе добра со злом оказывается сюжетом о борьбе рационального с иррациональным в самом прямом смысле — одной из задач научного института является «борьба с проявлениями иррационалистического мистицизма»⁷. Власть, которой подчиняется институт, превращает мир в бюрократический, устремленный к рациональности и отвергающий любую индивидуальность. В этом мире Фоустка не может мыслить шире, выходить за пределы научного взгляда, и в этом он видит трагедию челове-

чества: «Современный человек отверг все, что превосходит его, высмеял саму идею, что может быть нечто выше его и что вообще жизнь его и мир могут иметь какой-то высший смысл!»⁸. Но Фоустка, как многие другие герои Гавела, прикрывается фразой — говоря о ограниченности науки, о бессмысленности системы, он сам до последнего старается в эту систему вписаться, используя язык, красивые фразы для того, чтобы к ней приспособиться.

В «Уходе» сюжет «Вишневого сада» служит лишь рамкой для истории конца политической карьеры героя, уход которого из политики сопровождается вынужденным расставанием с виллой. Шанс спасти ситуацию предоставляется — если в «Вишневом саду» Лопахин предлагает спасти дом, раздав землю сада под дачи, то в «Уходе» Кляйн предлагает Ригеру снимать виллу у государства, надеясь, что Ригер публично поддержит его политику. Ригеру предлагается пожертвовать не садом, а своими убеждениями, и он с легкостью делает это, принимая в конце должность советника Кляйна. Убеждения для Ригера мало что значат — так же, как Фоустка в «Искушении», он ловко приспосабливается к обстоятельствам, пользуется фразой, чтобы достичь успеха в обществе. В конце Кляйн, отвечая на вопросы журналистов, дословно повторяет политические лозунги Ригера, чем доказывает их абсолютную универсальность и бессмысленность — в мире пьес Гавела красивые фразы оказываются важнее реальных действий.

В «Уходе» Гавел использует множество прямых цитат из «Вишневого сада», они встраиваются в речь героев, оставаясь не связанными с остальным текстом, но органично вписываясь в диалоги. Например, когда все уезжают с виллы и оставляют на ней Освальда, в его словах можно узнать заключительную реплику Фирса из «Вишневого сада»: «Уехали! Про меня забыли! А барин, небось, шубы не надел, в пальто поехал? Жизнь-то прошла, словно и не жил. Я полежу. Силушки-то у меня нету. Точно без шубы уехал. Ничего не осталось, ничего»⁹.

В «Уходе» Гавел обращается и к другим текстам — в отношениях Ригера с дочерьми и в сцене бури, отражающей ду-

шевное состояние героя, видны аллюзии на «Короля Лира» У. Шекспира. Встречается и ряд аллюзий на другие пьесы Гавела. Например, в конце своего заключительного монолога Ригер, подобно Гуго из «Праздника в саду», выкрикивает «Шах!»¹⁰, подчеркивая то, что владение фразой в очередной раз обеспечило ему успех в обществе. Его политический противник, Кляйн, завладев виллой, произносит «Мат!»¹¹, что означает окончательное поражение Ригера.

Таким образом, в своих поздних пьесах Гавел обращается к классическим сюжетам драматургии, которые он соединяет со своим особым типом абсурдной драмы, благодаря чему эти сюжеты приобретают новое звучание и помогают автору осмыслить события своей жизни, политическую карьеру и творческий путь.

Примечания

¹ Гавел В. Трудно сосредоточиться. М., 1990. С. 294.

² Эсслин М. Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. С. 26.

³ Муравьева А.В. Модификация абсурда в постмодернистской драме // Трансформация реальности: стратегии и практики. Екатеринбург, 2021. С. 472.

⁴ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература, 1950–1990-е годы: в 2 тт. М., 2003. Т. 2 С. 510–511.

⁵ Гавел В. Трудно сосредоточиться. С. 355.

⁶ Там же. С. 302.

⁷ Там же. С. 306.

⁸ Там же. С. 313.

⁹ Гавел В. Уход // Иностранная литература. 2009. № 1. С. 129.

¹⁰ Там же. С. 128.

¹¹ Там же. С. 130.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.03

Интертекстуальность гимна бывшей Югославии: истоки, идеи, эволюция

Анастасия Андреевна Конева

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: konevaanastasia@gmail.com

Ключевые слова: интертекстуальность, «Гей, славяне!», гимн, Югославия

Intertextuality of the ex-Yugoslavian hymn: sources, ideas, evolution

Anastasia A. Koneva

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: konevaanastasia@gmail.com

Keywords: intertextuality, “Hej, slavs!”, hymn, Yugoslavia

В 1834 г. Самуэль Томашик написал текст песни, которая вскоре стала гимном панславизма — первоначально она носила название «Гей, Словаки!», но уже к 1838 г. появилась и общеславянская версия «Гей, Славяне!». Автор вдохновлялся «Маршем Домбровского», из которого позаимствовал и напев новой песни. В течение последующего десятилетия песня «Гей, Славяне!» под влиянием идей национального возрождения была переведена на большинство славянских языков. На Славянском съезде 1848 г. песня исполнялась под музыку в обработке Ватрослава Лисинского.

В течение следующих ста лет произведение Томашика получило всенародное признание и многократно печаталось в сборниках. Эту песню пели партизаны во время Второй ми-

ровой войны, она играла роль гимна на собраниях АВНОЮ и исполнялась на Учредительном собрании СФРЮ, много лет оставалась неофициальным гимном Югославии. В 1977 г. статус песни «Гей, Славяне!» формально был закреплён, и она сохраняла статус государственного гимна вплоть до распада Государственного союза Сербии и Черногории в 2006 г.¹

В настоящее время на пространстве бывшей Югославии мелодия и слова гимна «Гей Славяне» могут использоваться для обращения к темам травмы поколений, исторической памяти и ностальгии.

Тексты, связанные с песней «Гей, Славяне!» интертекстуальными связями², относятся к трем историческим периодам:

- период славянского возрождения (30–70-е годы XIX в.);
- период Второй мировой войны и создание СФРЮ (40-е годы XX в.);
- постъюгославский период (90-е годы XX в. — настоящее время).

К сожалению, на базе данного исследования не представляется возможным охватить все тексты, участвовавшие в интертекстуальном диалоге, однако отобранные здесь тексты могут выступать как репрезентативные.

Для анализа периода славянского возрождения были отобраны следующие тексты: оригинальный словацкий текст Самуэля Томашика³, два подстрочных перевода (на хорватский⁴ и сербский⁵ языки), поэтические переводы Драгутина Раковца (на хорватский)⁶ и Радослава Разлога (на словенский)⁷. Для дополнительной полноты картины был также рассмотрен текст Юзефа Выбицкого (Марш Домбровского)⁸.

В период национального возрождения в славянских литературах доминировали темы родного языка, родства, связи поколений, согласия и борьбы против общего врага. Концептуально они могли выражать идеи национальной идентичности и независимости, или же различные версии панславизма, югославизма и иллиризма⁹. Рассмотренные песенные тексты хорошо демонстрируют этот комплекс идей.

В них присутствует обращение к языку предков, надежда на славное будущее, аллюзия к славному прошлому. Д. Раковец в своем переводе затуманивает аллюзию на языческого бога-громовержца Перуна, малопонятную хорватскому читателю. Вместо города, стены которого защищают персонажи С. Томашика и Р. Разлага, у Д. Раковца появляются образы горных утесов и родной земли. Мотивы активной борьбы и противостояния общему врагу перекликаются с вдохновившим С. Томашика «Маршем». В результате был создан текст, который авторы, издатели и исполнители могли адаптировать для своей культуры и своих убеждений.

Три рассмотренные версии гимна на официальных языках Югославии (сербохорватском, македонском, словенском) были созданы в середине XX в. Сербохорватский текст сложился из первой и третьей строф стихотворения Д. Раковца, словенский — соответствующим образом из текста Р. Разлага, македонский восходит к хорватскому источнику. Вторая строфа, упоминавшая «Бога, даровавшего язык», не вошла в эту версию, так как религиозные мотивы не соответствовали государственной идеологии. Текст гимна транслирует идеи единства и родства, общности языка, стойкости в борьбе против врага, осуждения предателей. Обращение к адресату закреплялось в варианте «славяне». Однако в контексте внутренней политики Югославии такой текст, исключая «неславянское население», трактовался либо как неподходящий по своему содержанию на роль государственного гимна, либо как пропагандирующий идею славянского превосходства¹⁰.

К этой группе примыкает текст «партизанской» песни «Oj, Slaveni!»¹¹, написанный, предположительно, Владимиром Назором. Автор сохранил все три рефрена, меняя полностью основной текст куплетов, добавил географические ориентиры, обращение к Сталину и Тито, усилил мотив борьбы. Также в тексте сохранилась аллюзия на общий язык.

После распада Югославии текст гимна по-прежнему востребован как важный элемент культурной памяти. На его основе в разное время были созданы новые тексты, имеющие разную направленность, например, пародийное произ-

ведение Предрага Луцича «Hej, Kreteni!»¹², переложение на английский словенского индастриал-бенда Laibach «Slovania»¹³, рэп-композиция хорватской группы Elemental «Hej, Slaveni!»¹⁴.

Версия П. Луцича — типичная пародия, цель которой — «десакрализация» текста гимна как способ проживания общей травмы, связанной с политическими событиями 90-х годов XX в. Десакрализация происходит через создание гротескного образа «кретина» из страны «Кретинии». В этом тексте интересен дополнительный уровень интертекстуальности, который текст приобрел в издании 2010 г.: автор добавил к нему рамку в форме политического комментария на тему исторической памяти и ревизионизма.

Песня группы Laibach посвящена окончательному распаду бывшей Югославии в 2006 г. и критикует механизмы пропаганды. Наряду с клишированными лозунгами текст содержит перевод некоторых строк гимна, и, частично, исходный текст на словенском. В тексте И. Новака присутствует аллюзия на историю возникновения песни «Гей, славяне!».

Авторы самого современного из рассмотренных сочинений — текста песни группы Elemental, М. Приселац и Л. Тралич, через цитирование гимна СФРЮ обратились к теме югоностальгии. Они провозгласили несостоятельность идеи славянской общности, а также обозначили проблемы балканской идентичности¹⁵. М. Приселац и Л. Тралич вступили в диалог не только с текстом гимна, но и с окружающей его внетекстовой реальностью.

Как писал М.М. Бахтин, текст всегда существует в контексте и вступает в диалог с другими текстами, благодаря чему рождаются новые смыслы¹⁶. На примере текста гимна бывшей Югославии видно, как исторический контекст влиял на семиотику текста. Гимн является важным носителем государственной идеологии и занимает важное место в общественном сознании, поэтому он может играть активную роль в интертекстуальном диалоге.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Kučinić T.* Himne na tlu Hrvatske u 20. stoljeću [Master's thesis]. Zagreb: University of Zagreb, Academy of Music; 2019. URL: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:116:031876> (дата обращения: 15.04.2023).
- ² Об интертекстуальности см. *Еременко Е.Г.* Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-intertekst-i-osnovnye-intertekstualnye-formy-v-literature> (дата обращения: 15.04.2023).
- ³ Опубликован в 1838 г. Цит. по: *Český lid XXI*. S. 373. URL: <https://www.nul.kz/ek-obsah/ceskylid/html/knihy/ceskylid21/> (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁴ Опубликован в журнале «Даница Илирска» (1837), № 50. С. 202. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_7090093_001/pages/ldpd_7090093_001_00000424.html?toggle=image&menu=maximize&top=&left= (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁵ Опубликован в альманахе «Сербска пчела» (1839). С. 98. URL: <http://ubsm.bg.ac.rs/ruski/dokument/1081/serbska-pcela-1839> (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁶ Опубликован в сборнике стихов «Рѣсмарца : sbirka I: pësme domorodne» (1842. С. 69–70) под названием «Дух славянский» URL: <https://digitalnezbirke.kgz.hr/?pr=i&id=18525> (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁷ Опубликован в сборнике стихов «Pesmarici» (1863) под названием «Дух славянский», во втором издании название было изменено на «Гей, словенцы!». URL: https://sl.wikisource.org/wiki/Hej_Slovenci! (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁸ URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Hymn_Polski#Tekst (дата обращения: 15.04.2023).
- ⁹ История литератур западных и южных славян: в 3-х тт. / Ред. совет: Л.Н. Будагова, А.В. Липатов, С.В. Никольский. М.: Издательство «Индрик», 1997–2001. Т. 2.
- ¹⁰ URL: https://hr.wikipedia.org/wiki/Unitarističko_jugoslavenstvo (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹¹ *Naše pjesme. Kult.-umjetnički odsjek Propagandnog odjela ZAVNOH-a, [Mračaj], 1944.* URL: https://hr.wikisource.org/wiki/Oj_Slaveni (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹² *Lucić P.* Hej, Kreteni. Feral Tribune 472, 1994; *Lucić P.* Bezgaća povijesne zbiljnosti. Zagreb: Algoritam, 2010. URL: <https://zurnal.info/clanak/predrag-lucic-hej-kreteni-joste-zivi/2342> (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹³ *Ivan "Jani" Novak*, 2006. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WjIOP7M2DrY> (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹⁴ *Mirela Priselac Remi i Luka Tralić Shot*, 2016. URL: <https://www.elemental.hr/tekstovi/elemental-hej-slaveni/> (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹⁵ Проблема поднята в работе *Todorova M.* *Imagining the Balkans*, Oxford: Oxford University Press, 1999 (2009).
- ¹⁶ *Бахтин М.М.* К методологии литературоведения // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-metodologii-literaturovedeniya> (дата обращения: 15.04.2023).

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.04

Еще раз о первоцвете: некоторые элементы образа цветка в стихотворении Адама Мицкевича «Pierwiosnek»

Александра Александровна Широкова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: szuroczka.szyrokowa@gmail.com

Ключевые слова: флороним, фитоним, художественный образ,
А. Мицкевич

Once again about the Primula: some elements of the flower image in the poem “Pierwiosnek” by Adam Mickiewicz

Aleksandra A. Shirokova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: szuroczka.szyrokowa@gmail.com

Keywords: fitonym, floronym, fiction image, A. Mickiewicz

Стихотворение «Первоцвет» (*Pierwiosnek*) открывает цикл «Баллады и романсы» (*Ballady i romanse*), вошедший в дебютный поэтический сборник Адама Мицкевича, изданный в 1822 г., и ознаменовавший начало романтизма в польской литературе. Стихотворения, включенные в этот сборник, отражают личные переживания молодого поэта (в том числе опыт несчастной любви), одновременно автор обращается к фольклорным мотивам, совершенствуется в пейзажной лирике, полемизирует с литературной критикой по поводу природы романтизма как литературного направления.

В текстах «Баллад и романсов» широко используется фитонимическая лексика, которая не только участвует в создании пейзажа, но и выступает как компонент метафоры, приобретает символическую функцию. В стихотворении «Первоцвет» флористический образ является центральным: лирический герой, влюбленный юноша и поэт, беседует с только что распустившимся цветком. Ранее¹ нами уже были проанализированы атрибуты данного образа, связанные прежде всего с внешним видом растения: цвет и размер соцветий (небольшие и желтые), составные части растения (соцветия, лепестки, стебель), а также особенности номинаций первоцвета в поэтическом тексте. Теперь же предлагается подробно рассмотреть такие составляющие образа, как время цветения и место произрастания, а также представленные в стихотворении корреляции с иными флористическими образами.

Время цветения для первоцвета совпадает с временем появления самого растения из-под снега; тот факт, что цветок появляется и зацветает одним из первых, отражен и в его названии, образованном от адъективной основы **pr̥ivesn̥* 'первый' (близость с основой *wiosna* 'весна' неэтимологична²) — так же, как и в латиноязычной номинации *Primula* и восточнославянских названиях). В стихотворении указание на раннее время цветения передано на лексическом уровне различными способами:

- употреблены слова с общей семей 'рано': *najrańszy* 'самый ранний', *za wcześnie* 'слишком рано';
- использованы лексемы из лексико-семантической группы «Весна»: упомянуто название месяца *kwiecień* 'апрель', цветок в качестве автономинации использует сочетание слов *wiosny młodej aniołek* 'ангелочек молодой (юной) весны';
- за счет соотнесения с иными атрибутами весны: песней жаворонка (*Z niebieskich najrańszą piosnek / Ledwie zadzwonił skowronek... — «Едва самую раннюю из небесных песенок запел жаворонок...»*);
- нежный цветок оказывается противопоставлен атрибутам зимы: морозному дыханию севера (т. е. северному

ветру), «белой плесени» снега на горах, изморози (*Nim cię zgubi śronu ząbek...* — «Прежде чем тебя погубит зубок изморози»).

Также в тексте стихотворения указывается на непродолжительность цветения растения: цветок сравнивает свою жизнь с жизнью бабочки, мотылька, рождающегося на восходе и умирающего к полудню: *Dni nasze jak dni motylka, / Życiem wschód, śmiercią południe.*

Место произрастания также описано достаточно подробно и не лишено оценочных эпитетов — юноша-поэт восклицает: *W podłej trawce, w dzikim lasku / Urosłeś, o kwiatku luby!* («В скудной травке, в диком леске / Ты вырос, милый цветочек!»). Из высказываемых им же несколько ранее переживаний мы узнаём о более крупных деталях пейзажа: горах, дубраве: *Z gór białe nie zeszy pleśnie, / Dąbrowa jeszcze nie sucha* («С гор белая плесень (снега) не сошла, / В дубраве еще мокро»). Таким образом, подчеркивается, с одной стороны, скудность окружающей золотой цветочек зелени, с другой — величественность пейзажа, на фоне которого тот смотрится еще более хрупким.

Первоцвет также сопоставляется с другими цветами: когда растение предлагает герою-поэту сплести веночек из своих побегов, тот соглашается, но замечает, что первоцвет не может похвастаться ни «чалмой тюльпана», ни «платьем лилии», ни «расписной грудью розы»: *Ni zawoje tulipana, / Ni lilijowe sukienki, / Ni róży pierś malowana...* Интересно, что во всех трех сравнениях для описания соцветия использованы различные метафоры: цветок тюльпана сравнивается с восточным головным убором, лилии — с нарядом, прежде всего женским, розы — с частью женского тела (что, пожалуй, наиболее неожиданно). Растения, которым оказывается противопоставлен первоцвет, являются флористическими «эталоном красоты»: здесь поэт опирается и на фольклорную, и на общекультурную европейскую традицию, в которой роза — символ «красоты, в том числе девичьей и женской»³, лилия — «чистоты и невинности», а также «высшего счастья»⁴.

По сравнению с пышными кумирами мира цветов скромный первоцвет отличается внешней непритязательностью и — одновременно — любопытными душевными качествами: юноша называет их *chluba* и *ufność* (*Cóż ci daje tyle chluby?; Lecz skądże ufności tyle!*). Непосредственными эквивалентами здесь были бы соответственно «достоинство, гордость» и «доверчивость». Впрочем, представляется верной стратегия переводчика Н.П. Семенова, предлагающего для второй из данных строчек перевод: «Но слишком веришь ты в себя!»⁵. Судя по всему, цветку, по мысли лирического героя, одновременно свойственно и доверие к миру людей (друзей поэта, его возлюбленной), которые оценят его привлекательность, и вера в свои силы, которая и позволяет ему предложить себя в дар.

Можно сделать вывод, что образ первоцвета в исследуемом стихотворении представлен достаточно полно и глубоко. Помимо собственно описания характерных черт внешнего вида, в стихотворении дается представление о времени появления растения и его соцветий (ранней весной, почти еще зимой), месте произрастания (в дикой природе, в лесу). Первоцвет противопоставлен эталонам красоты — лилии, розе, тюльпану: их образы, вводимые в текст на основе данного контраста, также даны метафорически. Также цветку приписываются сложные душевные качества: вера в себя, доверие к миру, чувство собственного достоинства.

Логично предположить, что образ первоцвета в данном стихотворении отчасти является замещающим: за ним скрывается образ первой любви, романтической влюбленности, метафорически преломляющийся во флористической интерпретации.

Примечания

- ¹ Широкова А.А. Образ первоцвета в стихотворении Адама Мицкевича «Pierwiosnek» и его переводах на восточнославянские языки // Stephanos. 2023. Т. 57. № 1. С. 95–106.
- ² Wielki słownik języka polskiego. URL: <https://wsjp.pl/haslo/podglad/75608/pierwiosnek/5191342/roslina> (дата обращения: 25.05.2023).

- ³ Słownik stereotypów i symboli ludowych. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2022. T. II. Rośliny. Kwiaty. S. 216.
- ⁴ Ibid. С. 140.
- ⁵ Сочинения А. Мицкевича. Рус. пер. В. Бенедиктова, Н. Семенова и др. рус. поэтов / под ред. Н. Полевого. М.; СПб, 1882. Т. 1. С. 3–4.

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАДИГМЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.05

Роль метафизического пространства в религиозно-философской концепции книги «Земля Ульро» Ч. Милоша

Ирина Александровна Либина

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация; e-mail: falsh746@mail.ru

Ключевые слова: Чеслав Милош, Оскар Милош, Сведенборг,
аналогия, пространство

The role of metaphysical space in religious phylosophic concepts of book “The Land of Ulro” by Czeslaw Milosz

Irina A. Libina

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: falsh746@mail.ru

Keywords: Czeslaw Milosz, Oscar Milosz, Swedwnborg, analogy,
space

Книга-эссе нобелевского лауреата по литературе Чеслава Милоша (1911–2004) «Земля Ульро» (*Ziemia Ulro*, 1977) объединяет основные идеи польского писателя, относящиеся к сфере этической проблематики XX ст. и, по словам Станислава Баранчика, является «суммой» идейных воззрений самого автора¹. Композиционную основу книги составляет изложение философско-литературных концепций ряда мыс-

лителers XVIII–XX вв. Западной и Восточной Европы. Цель настоящей работы — рассмотреть идейные отголоски интеллектуального наследия Эммануэля Сведенборга, Уильяма Блейка и Оскара Милоша в книге «Земля Ульро». Общая черта философии указанных мыслителей, ставших одновременно центральными героями анализируемого произведения, — протест против односторонности научного сознания Нового времени, спровоцировавшего кризис «символического мышления», который привел к забвению «многослойной конкретности» и утрате чувства пространственной иерархии. Обозначив проблему «разума, лишённого наследства», Милош выступает преемником философской мысли своих предшественников и в качестве основной причины исторических катаклизмов современной ему эпохи называет произошедший на рубеже XVIII и XIX в. разрыв между разумом и воображением.

Название книги Милош заимствует из поэтической системы Блейка. Земля Ульро — это край отчуждения, страна, в которой «человек превращается в заменимую цифру и, более того, сам для себя, в своем сознании становится не более чем заменимой цифрой»² во исполнение всеобщего закона Природы, управляемого духом небытия. Переход от антропоцентрической картины мира к ньютоновской космологии, утвердившей Абсолют бесконечной и вневременной вселенной, повлек за собой эрозию религиозного сознания, которая проявилась в утрате пространственного обоснования Рая и Ада и забвении факта создания человека по образу и подобию Божьему: «Решающую роль сыграли не дискуссии, не умозаключения и даже не вера или неверие, но представления о вселенной, которые все больше формировались “научным мировоззрением”». Когда сформированный таким образом ум пытался представить себе основные категории христианства: Творение, Первородный грех, Воплощение, Воскресение тела — его воображению не доставало пищи»³. Роль человека в пространстве, лишённом своего сакрального измерения, ограничилась участием в борьбе за выживание, где любая попытка обосновать собственное существование,

придать ему метафизическое значение, рассматривалась экзистенциальной философией в лице Ж.-П. Сартра как претензии на исключительность «“мерзавцев”, которые не осознали абсурдности бытия»⁴. Между тем «самую суть тревог и обид Нового времени»⁵, по Милошу, отражает постановка вопроса о случайности и воплощенной в божественном провидении предначертанности человеческого существования. Вопрос этот тождественен проблеме присутствия в современном мире Бога, исчезновение которого вводит человека в пространство inferнальной пустоты, обрекая его на бездомность и небытие.

Важное место в системе «персонажей» рассматриваемой книги занимает фигура Оскара Милоша — французского писателя и родственника Ч. Милоша. Судьба его в основных чертах подобна судьбе автора книги, пережившего двойное изгнание (эмиграция Ч. Милоша в 1951 г., разрыв связей с культурной средой Польши, литературная травля писателя) и называвшего себя духовным «сыном» литовско-французского поэта. Зрелый период творчества О. Милоша посвящен проблеме пространства, связанной с поисками дома и путешествием к бытийному истоку. По словам Ч. Милоша, ключом к «метафизическим поэмам» О. Милоша становится воспринятый из алхимической теории трансмутаций закон аналогии, на основе которого выстраиваются еще до О. Милоша системы Эммануэля Сведенборга и Уильяма Блейка. В связи с этим биография и мышление обретают у О. Милоша символическое единство: «Бездомность в племенном и географическом смыслах становилась *correspondence* духовной бездомности современного человека, а поиски отечества, Места, приобретали двойной аспект»⁷. Этой же концепции аналогии между пространством географическим и метафизическим придерживается в «Земле Ульро» и сам автор, для которого ориентиром, некой «точкой отсчета» является родная усадьба Шетейне, расположенная в Кейданском уезде — самом сердце Литвы: «Ибо у человека должно быть жилье, причем ему недостаточно просто крыши над головой в физическом смысле. Его ум нуждается в вертикальных и горизонтальных соотношениях и ориентирах»⁷.

В семейной традиции польского писателя жила идея Великого княжества Литовского, ставшая со своей языковой полифонией этносов и культур ответом национализму, который в реалиях XX в. был основой польско-литовских отношений. Причисляя себя к последнему поколению, которое соотносилось с понятием *«gente lituanus, natione polonus»* («по происхождению литовец, по национальности поляк» (лат.)), Милош в переписке с Томасом Венцловой говорит об интернациональности и космополитичности своего склада ума, что, по словам В. Британишского «позволяет ему сочетать любовь к своей малой родине с всемирностью и универсализмом»⁸. Таким образом, рядом с пространством реальным, биографическим в творчестве Милоша возникает сформированное синтезом памяти и поэтического воображения пространство метафизическое, в основе которого лежит «запомнившаяся деталь»⁹, ставшая источником поэтики эпифаний польского писателя с ее суггестивными, сенсуальными образами (см. стихотворение «Присутствие» (*Obecność*), где происходит наложение двух типов пространства). В этом отношении Милош далек от превращения утраченного края детства в идеальную страну, которое происходит в частной «мифологии» О. Милоша; ему скорее ближе блейковское понимание земли как эдемского сада, где источником небесных наслаждений становятся пять чувств, а спасение мыслится как вечно длящееся сейчас: «Вот в чем секрет моей созвучности Блейку. Обладая многочисленными манихейскими наклонностями, я всегда был экстатическим пессимистом: земля слишком восхищала меня, чтобы я видел в ее красоте лишь отблеск недостижимого чистого Блага»¹⁰.

Потеря малой родины в реальном пространстве компенсируется продлением ее существования в пространстве слова, которое играло важную роль в концепции Эммануэля Сведенборга: «Значение Сведенборга определяется не богословием, но его усилиями по прочтению Писания и созиданию «словесного пространства» [...]. Хотя труд Сведенборга совершенно не поэтичен по стилю, он, подобно “Божественной комедии”, представляет собой крупные соты с медом,

слепленные по какой-то внутренней необходимости пчелами воображения»¹¹. Именно слово, по Милошу, способно противостоят небытию. Следуя за Блейком, утверждавшим подлинное существование того, что воссоздается воображением, Милош, посредством закона аналогии, трактующего все творение как язык, на котором Бог обращался к человеку, стремится вернуть действительности ее символичность. Истинный язык — это символический язык Священного Писания, в основе которого, по словам А. Фьюта, лежит идея единства знака и значения, символа и скрытого за ним содержания¹².

Однако возвращение к религиозной картине мира, по Милошу, не представляется возможным, а наука как таковая не оценивается писателем однозначно отрицательно. В этом вопросе Милошу близка концепция новой науки Гёте и Блейка, идейной основой которой становится синтез воображения и разума. Проблема состоит в том, как с учетом открытых наукой «незыблемых законов Природы», которые исключали элемент чудесного, выстроить аналогию между микро- и макрокосмосом. Милош осознает свою принадлежность к современной ему эпохе, что, по словам поэта, обрекает его на постоянные сомнения и «путешествие по окраинам ересей».

Примечания

¹ *Barańczak S.* Summa Czesława Miłosza. Poznawanie Miłosza 2. Część druga. Kraków, 2001.

² *Милош Ч.* Земля Ульро. СПб, 2018. С. 219.

³ Там же. С. 371.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ *Британишский В.* Введение в Милоша // Вопросы литературы. 1991. № 6.

⁹ *Милош Ч.* Земля Ульро. С. 47.

¹⁰ Там же. С. 281.

¹¹ Там же. С. 263.

¹² *Fiut A.* Moment wieczny. Poezja Czesława Miłosza. Kraków, 2011. S. 135.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.06

Тема катастрофы в поэтическом сборнике Радека Малого «Вороньи песни»

Любовь Андреевна Винокурова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: ficbespierre@mail.ru

Ключевые слова: Радек Малый, современная поэзия, чешская поэзия, тема катастрофы

The catastrophe theme in R. Malý's poetry collection "Vrani zpěvy" (Crow Songs)

Liubov A. Vinokurova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: ficbespierre@mail.ru

Keywords: Radek Malý, modern poetry, Czech poetry, catastrophe theme

Радек Малый (р. 1977 г.) — современный чешский поэт, пишущий для детей и взрослых, филолог-германист, занимающийся немецким экспрессионизмом, переводчик с немецкого. Его сборники — как оригинальные, так и переводные — были высоко оценены в литературных кругах (премия И. Ортена (2003 г.), премия *Magnesia Litera* (2006 г., 2012 г., номинация 2002 г. и др.) и входят в Почетный список ИВВУ. На русском языке в апреле 2023 г. вышла его детская энциклопедия «Книга исчезнувших животных» (*Atlas ohrožených živočichů*, 2020 г.).

Творческий путь Малого начался на рубеже тысячелетий — в период, когда для литературы был характерен песси-

мизм, трагизм, даже катастрофизм¹. Это отразилось и в творчестве чешского писателя — особенно во втором его сборнике «Вороньи песни» (*Vraní zpěvy*, 2002 г.), одной из основных проблем которого стала проблема исторической памяти человечества о войнах XX ст. С помощью аллюзий на события Первой и Второй мировых войн, равно как и войн рубежа XX–XXI вв. в результате распада Югославии, Малый демонстрирует в «Вороньих песнях», как человечество учится жить с воспоминаниями о катастрофах, что в памяти по-прежнему живо, а что забывается.

По мнению немецкого слависта Р. Иблера для поколения Малого переплелись, с одной стороны, «длинная история катастроф, через которые пришлось пройти человечеству, история, которая не закончилась и по сей день», и, с другой стороны, унаследованное от предыдущих поколений осознание катастрофы как символа, «бесконечного и универсального явления», что способствует метафоризации катастрофы (статья «Посткатастрофические подходы к Шоа в современной чешской поэзии»)².

Сильнее всего тенденция к метафоризации проявляется в аллюзиях на Первую мировую войну, представленных в виде ряда топонимов, ставших прецедентными именами (река Марна, Пьяве, Ипр, Галиция в стихотворении «Штыки») и выступающих в роли паттернов для запуска ассоциативных цепочек у современного читателя. Малый понимает, что читать эти стихи будет человек, не обладающий собственными уникальными воспоминаниями о Первой мировой войне, поэтому ограничивается универсальными аллюзиями, не вдаваясь в подробности, что способствует ее мифологизации. В стихотворении «На замерзшие георгины падает тухлый туман» (*Do zmrzlých jirín žluklá mlha padá*) автор предлагает сравнение жизни с минным полем, по которому бродят библейские персонажи: «Vездеjší život — pole plné min / Nasad' si masku a tradá! [...] Bojištěm zamořeným bloudí svatý Petr / a v blátě hledá klíč / Je po boji» («Жизнь везде — поле, усеянное минами / Нацепи маску и убирайся! ... Святой Петр бродит по полю битвы / ища ключ в грязи / Бой окончен»)³.

Предельно обобщенному образу Первой мировой войны противопоставлены отсылки к военным конфликтам на Балканах. В стихотворении «Позднее утро...» (*Po ránu je...*) практически не используя прецедентные имена, определяющие время и место происходящего, Малый отражает в стихотворениях впечатления лирического героя от встреч с людьми, столкнувшегося с войной: «Voják, ktorej ztratil dôstojnosť a ciele / Vrávorá a škytá, zakopává o sny / Podíváš se do něj / a hned začne střílet» («Солдат, потерявший свое достоинство и цели / Шатается и икает, спотыкаясь о сны / Посмотришь на него / и он тут же начнет стрелять»)⁴. Неприятие, отторжение человеком войны отражено в стихотворении «Станция Прага, 27.1.2002, 22.54» (*Stanice Praha, 27. 1. 2002, 22.54*), в котором лирический герой встречает трех барабанщиков, побывавших на войне: «První trpí depresí, / ten druhý se pomocije / a ten třetí? Copak mu je? / Nic. Jen srdce nese si // v dlaních horkých, zrosených» («Первый страдает депрессией / второй недержанием, / а третий? Что с ним не так? / Ничего. Он несет свое сердце // в горячих, потных руках»)⁵.

При изображении Второй мировой войны Малый совмещает два подхода к изображению катастрофы: в сборнике есть и отражение впечатлений лирического героя от встречи с ее свидетельствами, и полная несколько опасной двусмысленности игра со знаковыми для этой темы прецедентными именами. Например, в стихотворении «Каждому свое» (*Jedem das Seine*) Малый, по словам чешского литературоведа Ш. Балалика, «создает неуместную, абсурдную связь между формой детских стишков и нацистской пропагандой»: «JEDEM DAS SEINE. / Ale co? / To už je tajné. / Ale co. // ARBEIT MACHT FREI. / Ajaj. / Ajajaj» («КАЖДОМУ СВОЕ. / Но что? / А вот это уже тайна. / Ну и что. // ТРУД ОСВОБОЖДАЕТ. / Айяй. / Айяйяй»)⁶. Лозунги, одни несущие в себе смысл, выполняют роль паттернов, функция которых схожа с функцией топонимов времен Первой мировой войны.

Двусмысленность присутствует и в стихотворении «Мне все еще холодно» (*Es ist mir trotzdem kalt*), где Малый показывает двуличие «Великой Германии»⁷, от лица которой

написано стихотворение. Вначале она обращается со слушателем, маленьким мальчиком, ласково, а после внезапно показывает свое настоящее лицо: фраза-рефрен «Tak rojď blíž / Se přese nebojíš / Vid'?» («Так подойди ближе / Ты ведь не боишься / Правда?»)⁸ из успокаивающей превращается в угрожающую с помощью замены лишь одного слова: «Tak rojď blíž / Se přese nebojíš / žít?» («Так подойди ближе / Ты ведь не боишься / жить?»)⁹. Двусмысленная многоплановость присутствует и в стихотворении «Бухенвальд, 28.11.2000» (*Buchenwald, 28.11.2000*), в котором не до конца понятно, что описывает Малый — историю или современность. Находясь в концлагере — то ли с экскурсией, то ли во время войны, — лирический герой этого стихотворения ощущает себя одновременно и чехом, и эсэсовцем, и евреем¹⁰, разделяя, таким образом, вину за происходившие на территории Чехии преследования — немцами евреев (в период оккупации) и чехами немцев (судьба чешских Судет после окончания Второй мировой войны).

Таким образом, глубоко проникшие в современность образы прошлого — прежде всего войн XX в., — являются определяющими для мироощущения Малого на рубеже тысячелетий. Представив в сборнике три войны, относящиеся к разным временным периодам, Малый использует несколько приемов для воздействия на читательское восприятие: объективизация описываемого, субъективизация ощущений лирического героя и совмещение в образе катастрофы этих двух подходов. С помощью этих приемов в «Вороньих песнях» все войны новейшего времени сливаются в одну катастрофу глобальную вневременную непрекращающуюся катастрофу, характеризующую современный мир.

Рассматривая войны новейшего времени как символы этой катастрофы, Малый ищет в них причину болезненности, надломленности современного мира, вынужденного существовать в атмосфере как уже прошедших, так и надвигающихся в будущем столкновений. Ведь больной мир, как показано в стихотворении «Лобеда-Ост, Тракль» (*Lobeda-Ost, Trakl*), в названии которого содержится отсылка к творче-

ству немецкого поэта-экспрессиониста XX в. Георга Тракля, так и не выздоровел: в этом мире, например, все еще можно встретить неонацистов, чьи «шаги разносятся / по окраинам с горьким запахом»¹¹, а человечество, согласно стихотворению «Штыки» (*Na bodáky*), «все бежит и бежит на штыки»¹², вновь и вновь пополняя ряды могил в мире-кладбище.

Примечания

¹ Hruška P. Poezie // V souřadnicích mnohosti: česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích. / Red. A. Fialová, P. Hruška, L. Jungmannová. Praha: Academia, 2014. S. 70–71.

² Ibler R. Postcatastrophic Approaches to the Shoah in Contemporary Czech Poetry // The Afterlife of the Shoah in Central and Eastern European Cultures: Concepts, Problems, and the Aesthetics of Postcatastrophic Narration (Routledge Studies in Cultural History) / Eds. A. Artwinska, A. Tippner. London, 2021. S. 266.

³ Malý R. Vraní zpěvy. Praha, 2017. S. 112.

⁴ Ibid. S. 10.

⁵ Ibid. S. 15.

⁶ Ibid. S. 30.

⁷ Ibid. S. 31.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. S. 32.

¹¹ Ibid. S. 23.

¹² Ibid. S. 132.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.07

**Смерть как один из основных мотивов
прозы Петре М. Андреевского
(на примере романа «Пырей» (1980)
и сборника рассказов «Все лики смерти»
(1994))**

Полина Данииловна Гаврилова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: gavriloova97@yandex.ru

Ключевые слова: Петре М. Андреевский, македонская литература, роман «Пырей», танатопэтика

**Death as one of the main motifs
in the prose of Petre M. Andreevsky
(using the example of the novel “Wheat-
grass” (1980) and the collection of stories
“All the Faces of Death” (1994))**

Polina D. Gavriloova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: gavriloova97@yandex.ru

Keywords: Petre M. Andreevski, Macedonian literature, novel “Pirej”, thanatopoetics

Человек пытался разгадать тайну смерти на протяжении многих веков, используя мифологию, религию, философию и научные достижения¹. Отсюда возникает интерес, который проявляют к данной проблематике писатели, а вслед за ними и исследователи-литературоведы². В конце XX в. в осмыслении темы смерти появились новые аспекты, что закрепились в новых терминологических определениях, в частности таких, как «танатопэтика». Изначально

термин «танатология» пришел из медицины, но приобрел в гуманитарных науках свое значение, сосредоточившись на философском опыте описания смерти. Затем в 1990-е гг., в трудах известного австрийского слависта Оге Ханзен-Лёве было введено понятие «танатопэтика», под которым подразумевалось изображение смерти в художественном произведении. Акцент делается на совокупности способов и приемов художественной реализации мотива в определенном произведении и у определенного автора (тема, мотив, образ), а также влияния на хромотоп, архитектонику в целом. Естественно, что при обращении писателя к трагическим событиям национальной истории значение и художественная функциональность данного мотива возрастают.

Подтверждением этому служит творчество многих славянских авторов, которые проявляли интерес к данной проблеме, лежащей в основе тех трагических испытаний, без осмысления которых невозможно понять ни прошлое и настоящее, ни национальный характер, ни заглянуть в будущее. Цель данного исследования — показать значение мотива смерти в творчестве одного из самых ярких талантов в современной македонской литературе Петре М. Андреевского и наметить эволюцию писательской трактовки образа смерти в его творчестве и ее возможное соотнесение с жизненным опытом самого автора. Представляется анализ и интерпретация первоисточников: романа «Пырей» (*Пуреј*, 1980)³ и сборника рассказов «Все лики смерти» (*Сите лица на смртта*, 1994)⁴.

Произведения македонского поэта, прозаика и критика Петре М. Андреевского (1934–2006) объединяет интерес к исконным истокам национальной культуры — фольклору, обряду, мифу. Сочетание этих черт создает универсальный художественный мир писателя. В своем творчестве он часто обращается к важным, поворотным, зачастую трагическим моментам истории в жизни своего народа: войнам, эпидемиям, а порой и к счастливым праздникам. Так, например, в романе «Пырей» события развиваются на фоне двух Балканских войн (1912–1913 гг.), а в рассказе «Водици» автор

рассказывает о традициях и обрядах в крещенскую ночь. И, погружаясь в прозу Андреевского, нельзя не обратить внимания, что один из постоянных образов — смерть. Кажется, что именно она становится чуть ли не его главной героиней.

В романе и сборнике рассказов можно обнаружить как минимум три композиционно-нарратологических приема для изображения смерти:

1. Позиция умирающего повествователя (например, Йон, герой романа «Пырей» или Наум Манивилов, герой рассказа «Последняя цель поэта Манивилова» (*Сите лица на смртта*));
2. Позиция наблюдающего автора (так, автор наблюдает, как постепенно и мучительно умирает герой рассказа «Крот» Данаил Кордановски (*Сите лица на смртта*));
3. Наблюдающего повествователя (Велика, главная героиня романа «Пырей» вынуждена видеть и переживать, а затем и рассказывать, как один за другим погибали ее дети из-за болезней и трагических случайностей).

Эти приемы позволяют Андреевскому показать смерть не только внешне (физическая смерть), но и внутренне (духовная смерть). Возможно, изначально писатель задумывал с помощью творчества отрицать самое явление смерти через своеобразные способы ее преодоления (религиозно-мифологические — «смертью смерть поправ» — возрождение отца в новорожденном сыне («Пырей»); победа над смертью через осознанное самоубийство («Последняя цель поэта Манивилова»)). Также в эпитафии заложено сопротивление смерти, жизненная сила народа: подобно сорному пырею, он «прорастет» всегда и везде, ничто и никогда не сможет уничтожить его. Подобное поведение в процессе повествования приобретает героический характер — Велика пытается обмануть смерть и проводит ритуал, чтобы защитить своих детей. Однако Андреевский не оспаривает, что, хотя порой смерть бывает неожиданной, она все равно неизбежна.

Смерть — есть тайна, о которой мы больше молчим, нежели говорим, поэтому главный вопрос данного исследования — как можно говорить о молчании? Можно ли познать неизбежное и удалось ли это Петре М. Андреевскому, писателю? Исследование танатопэтики прозы писателя не только формальный прием, но и всегда неотъемлемая часть философского восприятия мира.

Примечания

- ¹ Красильников Р.Л. О литературоведческой танатологии // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 137–144.
- ² См., например: Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев. М., 1994. С. 417–430.
- ³ Андреевски П.М. Пиреј. Скопје, 1986.
- ⁴ Андреевски П.М. Сите лица на смртта. Скопје, Зумпрес, 1994.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.08

Диалектика материального и духовного в повести В. Паскова «Баллада о Георге Хениге»

Варвара Михайловна Степанова

Институт славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация; e-mail: mirvgorode@gmail.com

Ключевые слова: болгарская литература, болгарская проза, христианские мотивы

Christian motives in V. Paskov's novella "The Ballad of Georg Henig"

Varvara M. Stepanova

Institute of Slavic Culture, RSU named after A.N. Kosygin, Moscow, Russian Federation; e-mail: mirvgorode@gmail.com

Keywords: Bulgarian literature, Bulgarian prose, Christian motives

Виктора Паскова (1949–2009) знают не только как писателя, но и как музыканта, композитора, сценариста, дипломата. До 1980-х годов В. Пасков профессионально занимался музыкой, как и его отец. Он окончил Лейпницкую музыкальную академию и проявил себя в Германии как оперный певец, композитор и музыкальный критик, однако в один момент принял решение завершить музыкальную карьеру, вернуться в Болгарию и начать заниматься литературой.

В 1986 г. вышла первая книга В. Паскова «Незрелые убийства» (*Неврѣстни убийства*) Критики приняли ее неоднозначно: сочетание чёрного юмора и сюрреализма в середине 1980-х для болгарской литературы было новым и пока не до конца понятным явлением.

Спустя год была опубликована его вторая повесть «Баллада о Георге Хениге» (*Балада за Георг Хених*), которая принесла автору известность. Многие считают «Балладу» лучшим произведением Паскова. Болгарский литературный критик Никола Иванов написал, что «в этой книге Виктор Пасков выразил своё идейно-эстетическое кредо, показал свои максимально большие художественно-аналитические возможности и замечательно доказал непримиримость таланта к фальши, к бутафорской стороне жизни»¹. Вскоре Паскову вручили национальную литературную награду и приняли в Союз болгарских писателей. В 1990 г. режиссер Дочо Боджаков снял по мотивам повести фильм «Тот, что на небесах», сценарий к которому написал сам автор.

Название произведения отсылает нас к жанру баллады. Тем самым автор, во-первых, подчеркивает «музыкальность» произведения. В разные исторические периоды для этого жанра были характерны разные признаки, однако можно предположить, что В. Пасков имел в виду именно музыкальную балладу. По мнению болгарской исследовательницы Г. Дечевой, «Баллада о Георге Хениге» имеет все части симфонического произведения: введение, повествование, изложение, контрастную тему, закрепление темы, отступ и концовку. Во-вторых, балладе присущи драматический сюжет и развязка, лирическое начало, таинственность, фантастические черты. Все это мы можем наблюдать в произведении.

В повести автор выстраивает диалектику материального и духовного. Если для Георга Хенига первостепенное (и, возможно, единственное) значение имеют духовные ценности, то все остальные герои обращают внимание в основном на материальные вещи.

Повествование строится от лица мальчика Виктора. Живя в бедном квартале, он часто рассуждает о том, какой он бедный и даже упивается этой мыслью, сравнивая себя с персонажем из романа Гектора Мало «Без семьи» (*Sans famille*). Георг Хениг стремится переубедить его, объясняя, что настоящая бедность — это бедность духовная: «Ти не беден! Я глаза видел, я знаю тебе! Может, квартал беден, но ты не беден. Цар! Цар Виктор, как цар Давид, цар Саул, цар Соломон»², — говорит мастер мальчику, сравнивая его с библейскими персонажами.

Отец мальчика мастерит буфет, о котором мечтает его жена. Буфет в те времена — признак богатства, статуса. Родители мальчика буквально помешались на нем. Отец даже бросает играть на скрипке, оставляет искусство ради изготовления буфета.

Совершенно иначе на мир смотрит Георг Хениг. Он собирается сделать скрипку за шесть дней, как и Господь сотворил мир за шесть дней. В. Пасков обращается к теме единства творчества и Творца. В христианстве материя, видимый мир не является противоположностью духовному миру, в отличие от, например, индуизма или буддизма, в которых материя отрицается. Именно этим и объясняется то, что Георг Хениг воспринимает дерево, как живое, разговаривает с ним: «Дерево хочет знать, что станет. Садись, говори с дерево. Спрашивай, стари или нет, откуда ... Если дерево не хочет — не станет буфет. Дерево разумно, мастер неразумии»³. Мальчик проникается идеями Георга Хенига и перенимает его мировоззрение, несмотря на то что мама убеждала его в том, что Бога не существует. Он тоже начинает воспринимать дерево, как живое: «Там будет и его жена Боженка, брат Антон, отец Иосиф, наверно, и жена Бога тоже будет, ее зовут Матерь Божья. И их сын Иисус, он тоже там будет. Все ждут только тебя! Понимаешь, дерево?»⁴.

Создание скрипок для Георга Хенига — не просто ремесло, каким оно является для его учеников. Скрипка для него — не предмет богатства или статуса, как воспринимает буфет отец мальчика. Искусство в повести приобретает сакральное значение. Именно поэтому мастеру удается создать за шесть дней ту самую скрипку для Бога, которая очень напоминала Божью Матерь. Мальчик также замечает, что она похожа на жену Георга Хенига — Боженку*.

Так, мы видим, что религиозно-философские мотивы выполняют структурообразующую роль в системе персонажей произведения. Благодаря им автор раскрывает образ Георга Хенига, показывает его христианскую мораль и выстраивает оппозицию между ним и остальными персонажами. Противопоставление встречается на протяжении всего повествования. Например, в тексте неоднократно повторяется католическая молитва «Аве Мария». Георг Хениг научил Виктора молиться, рассказал ему про Бога, Матерь Божью, Иисуса. Когда Виктор рассказал об этом матери, она ответила: «Был бы на свете Бог, мы не жили бы так»⁵. Автор показывает наивное восприятие ребенка, который запутался и не понимает, кому верить. Мама говорит мальчику, что в Бога начинают верить одни старики, а Виктор рассуждает: «Стоит ли ждать, покуда постарею, чтобы поверить в него? Не лучше ли поверить в него сегодня?»⁶. В сознании ребенка происходит борьба двух начал — духовного и материального, с помощью этого образа можно особенно отчетливо проследить разницу между миром Георга Хенига и миром остальных героев.

Никола Иванов в статье «Баладата на Виктор Пасков» пишет: «В социальных зарисовках царят скука, мелочная зависть, банальность, серая повседневность. Эти детали являются лишь контрастным фоном духовности, наполняющей

* Считается, что имя Божена означает «*blahoslavená*», «*bohem obdařená*» // «блаженная», «богом одаренная». Это имя достаточно популярно у западных славян, и особенно в Чехии, однако, с учетом всех остальных деталей произведения, выбор именно этого имени кажется неслучайным.

большую часть повествования»⁷. Действительно, все второстепенные персонажи значительно отличаются от Георга Хенига. Чтобы проиллюстрировать это, необходимо рассмотреть систему персонажей в повести сквозь призму смертных грехов, к которым в христианской религии относятся: гордыня, жадность, гнев, зависть, прелюбодеяние, чревоугодие и уныние.

Когда отец мальчика начал мастерить буфет, мать не упускает возможности «посылать маленькие отравленные стрелы в сердца соседок»⁸, то есть рассказывает им о том, как он собирается. Зная, что соседки тоже хотят иметь дома буфет, чрезмерно гордится тем, что он у нее скоро будет. Так, мы видим воплощение *гордыни*.

Жители района постоянно *завидуют* друг другу. Когда в семье мальчика еще не было буфета, мать часто расстраивалась из-за того, что у знакомых женщин он есть: «... у Пеппи есть, у Цанки есть, у Фросы есть, а я не Пеппи, не Цанка, не Фроса»⁹. К тому времени, как отец мальчика начал мастерить буфет, а мама — рассказывать об этом соседям, окружающим это сильно задело: «Квартал сгорал от зависти. Жены ругали мужей за то, что они сидят целыми днями в пивнушке, и ставили в пример моего отца. Мужья пили еще больше и поносили его, вымещая злость на женах»¹⁰.

Зависть персонажей переходит в *гнев*. Так, например, один из жителей района так сильно завидовал отцу мальчика, что при одном только упоминании его имени «схватился за топор и изрубил в куски кровать, стол и стулья, затем выбежал на улицу и в бешенстве принялся рубить фасад дома, ругая фашистов»¹¹. Дети соседей избили Виктора из-за того, что у него дома скоро появится буфет. Нельзя не упомянуть также жестокость соседа Георга Хенига, который скомандовал своей собаке атаковать его за то, что тот не покинул свою квартиру: «Собака соседа. Укусил мне. Сосед бил сердити, зачем я не ушел из дома, и пустил собаку»¹².

В повести также встречается одна из форм проявления *чревоугодия* — пьянство: «Бывший связной партизанского отряда Манолчо пил до умопомрачения и пьяный обычно искал топор, грозясь зарубить жену и детей»¹³.

Ученики Георга Хенига, мастера Франта и Ванда, добились значительного успеха в своем деле. Их мастерские яркие, красивые, богато обустроенные, всюду они развесили указания на их успех. Когда Георгу Хенигу потребовалась небольшая помощь — подтвердить его личность, они отказали. По двум причинам:

- 1) «старик» не согласился продать им инструменты;
- 2) они не могут потратить целый день на хождения в милицию, ведь тогда нарушатся сроки выполнения заказов, и они могут потерять клиентов, деньги.

Так, эти герои воплощают собой чрезмерную жадность, *алчность*.

Еще один грех, порицаемый христианской религией — *уныние*. Мама мальчика была полностью неудовлетворена своей жизнью из-за того, что ее муж не очень много зарабатывал и у них не было буфета: «Моя мать начала замыкаться в себе, скулы ее заострились, на вопросы она отвечала “да” или “нет”, весь свет стал ей не мил. Она все чаще застывала, глядя невидящим взглядом поперх машинки»¹⁴.

Таким образом, в повести «Баллада о Георге Хениге» проявилось явное столкновение материального и духовного начал, которые В. Паскову удалось отобразить особенно трогательно и патетично. Для окружающих мальчика материальные ценности становятся важнее всего, оттого они и несчастны, оттого они постоянно ругаются, завидуют, пребывают в унынии, не могут понять друг друга, услышать. Для Георга Хенига важнее всего Бог, любовь, искусство, человеческие взаимоотношения. Смог ли Георг Хениг донести до еще не сформированного сознания мальчика свои ценности? Хоть на какую-то долю, но смог. В начале произведения рассказчик Виктор предстает перед нами взрослым мужчиной, который собирается вспомнить эту историю, ведь он «почти забыл, кто же в сущности такой»¹⁵. Стал ли бы человек, лишенный представлений о духовном и вечном, рассказывать историю про давно умершего старика, чтобы найти себя, найти ответы на мучающие его вопросы? Вряд ли. Да, Георг Хениг определенно оставил свой след в жизни Виктора. Спу-

стя годы Виктор смог увидеть, насколько сильно мир скрипичного мастера отличался от мира окружающих его людей: «Георг Хениг, царя Виктора душат слезы. Позор всем нам. И мир праху твоему»¹⁶.

Примечания

- ¹ *Иванов Н.* Подрезждане на балната зала. Книга втора. Варна: LiterNet, 2009. [Электронное издательство] URL: https://litenet.bg/publish2/nivanov/podrezhdane_2/content.htm (дата обращения 20.03.2023).
- ² *Пасков В.* Баллада о Георге Хениге // Пасков В. Детские истории взрослого человека. М., 2018. С. 149.
- ³ Там же. С. 154.
- ⁴ Там же. С. 227.
- ⁵ Там же. С. 151.
- ⁶ Там же. С. 151.
- ⁷ *Иванов Н.* Подрезждане на балната зала. Варна: LiterNet, 2009. Книга втора.
- ⁸ *Пасков В.* Баллада о Георге Хениге. С. 144.
- ⁹ Там же. С. 119.
- ¹⁰ Там же. С. 144.
- ¹¹ Там же. С. 145.
- ¹² Там же. С. 203.
- ¹³ Там же. С. 115.
- ¹⁴ Там же. С. 111.
- ¹⁵ Там же. С. 92.
- ¹⁶ Там же. С. 93.

РУССКО-СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.09

Элишка Красногорская – корреспондент А.Н. Пыпина

Ксения Борисовна Егорова

СПбГУ; Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: xenia.egorova@gmail.com

Ключевые слова: чешская литература, славянский комитет,
чешско-русские литературные связи

Eliška Krásnohorská – korrespondent of A.N. Pypin

Kseniia B. Egorova

Saint Petersburg State University,
Russian National Library,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: xenia.egorova@gmail.com

Keywords: Czech literature, literary interconnections, slavic
comitee

Богатым источником для изучения эпизодов русско-чешского взаимодействия является рукописное собрание историка русской и славянских литератур Александра Николаевича Пыпина (РО ИРЛИ, ф. 205). Круг его славянских знакомств был обширен (Вацлав Ганка, Элиза Ожешко, Йозеф Сладек, Омелян Огоновский и др.); богатая корреспонденция со сла-

вянскими литераторами, критиками и переводчиками позволила русскому ученому завершить фундаментальный обзор современных ему славянских литератур и тем заложить основы русской традиции славистических штудий.

Нужно признать, что по интенсивности чешско-русские контакты XIX в., безусловно, уступают польско-русским или сербско-русским культурным взаимосвязям того же периода, но все же внимательное изучение отдельных рукописных документов позволяет сделать вывод о значительном подъеме интереса русских деятелей науки к чешской культуре периода национального возрождения.

Письмо Элишки Красногорской (1847–1926), от 19 октября 1881 г. к русскому филологу, написанное на чешском языке, позволяет реконструировать один эпизод из истории общественной деятельности Славянского благотворительного комитета. Причина, побудившая чешскую писательницу и переводчицу обратиться к Пыпину с письмом была такова: Элишку Красногорскую возмутило, что комитет вручил премию за лучшую трагедию на историческую тему, написанную к открытию чешского национального театра, профессору Карлова университета философу Йозефу Дурдику (1837–1902): «Судьи-драматурги, которые 8 апреля принимали решение о вручении русской награды, не пришли к единому решению и не присудили эту премию ни одному из конкурировавших русских участников, но присудили бы нашей “Гарантовой жене”, если бы тому не помешала благосклонность членов жюри, которую снискал университетский профессор доктор Йозеф Дурдик, бывший в числе участников с трагедией “Станислав и Людмила”, но не сохранивший анонимность»¹.

Послание носило открыто полемический характер и содержало даже косвенные требования пересмотреть результаты конкурса, в конце своего письма Элишка открыто заявила, что считает свои слова важным свидетельством для написания будущей истории премии: «Приношу самые искренние извинения за то, что отправляя Вашей милости нашу работу, присовокупила описание ее судьбы, которая является в то

же время историей премии, которая для нас, чехов, так ценна и значима»².

Красногорская готовила пьесу в соавторстве с известным чешским историком, специалистом по гуситскому движению Франтишком Дворским (1839–1907) к открытию Национального театра в Праге (1881 г.). Однако постановка не состоялась. Причиной могло стать как цензурное решение, запретившее театральные постановки «Гарантовой жень», так и пожар в Национальном театре, случившийся 11 июня 1881 г. Действие трагедии отсылает к событиям начала XVII в., когда Чешское королевство потеряло свою независимость в результате Битвы на Белой Горе (1620 г.). Прототипом героя трагедии был Криштоф Гарант с Полжиц и Бездружич (1564–1621) — чешский писатель и музыкант, путешественник (совершил паломничество к Гробу Господню), участник сражения на Белой Горе, казненный в Праге.

Об обстоятельствах вручения русской премии, а также о разногласиях, возникших в процессе выбора лучшего произведения, практически ничего неизвестно (историография славянских благотворительных обществ насчитывает сотни позиций, но эта премия не была предметом специального научного разыскания). Элишка, вероятно, имеет в виду Петербургское подразделения славянского благотворительного общества (Московское было закрыто в 1878 г., в то время как петербургская ветвь продолжала вести активную деятельность).

В первых чешских отзывах о трагедии «Гарантова жена» достаточно резко высмеивалось желание авторов успеть к конкурсу, отмечалось, что это стремление получить награду не пошло литературному произведению на пользу. Например, критический разбор пьесы в журнале «Люмир» (Lumír) звучит так: «Кроме прочего, она (пьеса. — *К. Е.*) была написана ради похвалы. Мы уверены, что, если бы конкурс на пьесы для национального театра продлился бы дольше, появилась бы перед нами «Гарантова жена» в более совершенной форме»³.

Больше информации о конкурсе на лучшее драматическое произведение на историческую тему, организованному

русской стороной, можно найти в обширной рецензии Франтишка Закрейса (1839–1907), автора ряда популярных чешских драм и комедий. Он оставил рецензии на обе пьесы, вызвавшие скандал. Рецензии были опубликованы в журнале «Освета» (Osvěta)⁴. Именно в этих текстах содержится первое (и, вероятно, единственное) печатное свидетельство об аффилированности философа Йозефа Дурдика, не сохранившего анонимность во время конкурсной процедуры (Закрейс указывает на то, что Дурдик читал отрывки из своей пьесы отдельным членам русского жюри и даже тайно положил в конверт свое имя). Можно предположить, что Закрейс также участвовал в конкурсе, в тот же период выходит его драма на историческую тему «Король своего народа», а в рецензиях он сетует на то, что не может заступиться за свое театральное детище, при этом негативно оценивая работы коллег, в том числе Красногорской, получившей на конкурсе второе место.

Сложно судить об аффилированности Дурдика, на которую красноречиво указывают Красногорская и Закрейс. Можно лишь осторожно отметить, что брат Йозефа Дурдика — Павел Дурдик — несколько лет жил и работал в России (1868–1878), а его переписка с Пыпиным позволяет предположить, что он мог быть одним из консультантов русского литературоведа при подготовке работ по истории славянских литератур (см., например, ответ Павла Дурдика Пыпину о Божене Немцовой, которую Пыпин высоко ценил). В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (Т. 11 за 1894 г.) присутствует весьма солидная статья о работах Йозефа Дурдика по эстетике, содержащая в том числе и хвалебные строки о его драме на историческую тему «Станислав и Людмила», что показывает знакомство русской общественности с творчеством этого чешского ученого: «Драма “Станислав и Людмила” выдается богатством идей, прекрасным языком, но страдает недостатком драматического действия»⁵.

В 16-м томе этого словаря можно также найти весьма скромную статью о Красногорской, а упоминание о пьесе «Гарантова жена» содержится лишь в короткой заметке об историке Франтишке Дворском в 10-м томе за 1893 г.

К сожалению, мы не располагаем достаточными знаниями информация о том, каковы были условия конкурса на лучшую историческую пьесу. Фронтальный просмотр отчетов Славянского благотворительного комитета за 1879–1881 гг., хранящихся в ЦГИА, не выявил документов об этом событии. Известно только одно подобное соревнование: в 1869 г. была учреждена премия за лучшее сочинения о Яне Гусе. За право издать свой труд на русском языке боролись и чешские историки. В настоящий момент проводятся архивные разыскания, которые позволят реконструировать историю этой награды.

Примечания

- ¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 250. Оп. 3. № 239. Л. 1.
- ² Там же. Л. 1 об.
- ³ Lumír. 1881. Č. 31. S. 495.
- ⁴ Osvěta. 1881. Č. 11. S. 1037–1117.
- ⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 тт. СПб., 1894. Т. 11. С. 246.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.10

Universal Robots: рецепция драмы Карела Чапека *R.U.R.* в произведениях Алексея Толстого, Семена Кирсанова и Дмитрия Ратникова

Наталья Сергеевна Рубцова

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского;
Нижний Новгород, Российская Федерация;
Университет Масарика, Брно, Чешская Республика;
e-mail: chuvell@yandex.ru

Ключевые слова: инокультурное произведения, рецепция, робот, философская мысль, Чапек

Universal Robots: K. Čapek's R.U.R. reception in creative works of Aleksey Tolstoy, Semen Kirsanov and Dmitry Ratnikov

Natalia S. Rubtcova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Masaryk University, Brno, Czech Republic;
e-mail: chuvell1@yandex.ru

Keywords: foreign-culture creative work, reception, robot, philosophical thought, Čapek

Один из интересных видов рецепции инокультурного литературного произведения — это создание в недрах принимающей культуры нового произведения на его основе. В этом случае автор нового текста пропускает его через фильтр своей эпохи и культурной среды (говоря словами Й. Павелки, автор вписывает инокультурное литературное произведение в новую для него культурную парадигму¹); не менее важно и личное восприятие автора-реципиента.

Такая рецепция многократно усложняется, если речь идёт не только о тексте, но и об отдельном образе в нем, который с течением времени становится знаковым и накапливает мощный символический потенциал. Тогда при анализе необходимо не только учитывать «прошлое» рецепции данного произведения и данного образа, но и пытаться наметить векторы ее развития в будущем.

В 1921 г. исполнилось 100 лет знаменитой драме Чапека *R.U.R.* и самому слову «робот». Идеи Чапека, заложенные в *R.U.R.* стали одной из вех в развитии мировой социально-философской фантастики. В некоторых литературных произведениях — появившихся практически сразу после *R.U.R.*, написанных значительно позже и, что представляется особенно важным, даже в наши дни — прослеживается

именно чапековское видение проблематики, связанной с роботом.

Карел Чапек — важнейшая фигура для мировой культуры. Тем не менее, путь его к российскому читателю был не прост. В Советском Союзе, в соответствии с господствующей идеологией и в связи с требованиями советской цензуры произведения Чапека в течение долгого времени были доступны читателям лишь в ограниченном виде². Прежде всего пострадали публицистика и малая проза автора, которые либо не печатались вовсе, либо подвергались деформации³. Этот пробел постепенно заполняется — в первую очередь, благодаря неоценимому вкладу богемистов С.В. Никольского и О.М. Малевича.

Судьба драмы Чапека *R.U.R.* была более счастливой. Созданная автором в 1920 г., она относительно быстро попала в СССР и стала первым произведением чешского писателя, получившим здесь известность.

В первую очередь, знакомство с *R.U.R.* состоялось благодаря А.Н. Толстому, который создал на основе *R.U.R.* собственную пьесу «Бунт машин»⁴. В ней заимствована не только тема, но и основные элементы сюжета и характеры. Толстой заметно сужает проблематику и выделяет абсолютно иные аспекты основного конфликта. Философские вопросы псевдо-человека и смерти сознания, духовной искры не оказываются в фокусе внимания Толстого. Его драма из философской превращается в социально-политическую и революционную; автора интересуют классовая борьба и неизбежность революционных изменений.

Считать «Бунт машин» некой «агитационной подделкой», «социологической вульгаризацией»⁵, все же нельзя. Однако невозможно отрицать, что во многом именно «Бунт машин» направил рецепцию драмы Чапека в определенное русло: советское литературоведение всячески поддерживало интерпретацию основного конфликта *R.U.R.* в социальной плоскости — как восстание роботов-угнетенных (рабочих) против угнетателей (капиталистов). При этом Чапека упрекали в отсутствии четко выраженной позиции, в релятивизме и «соглашательстве».

Принципиально новой реакцией на импульс, заданный Чапеком и Толстым, является «Поэма о Роботе», написанная в 1934 г. советским поэтом Семеном Кирсановым⁶.

В этом произведении Кирсанова обнаруживается намного больше взаимосвязей с философской мыслью *R. U. R.* В «Поэме о роботе», несмотря на ее сравнительно небольшой объем, уже можно отметить многогранность проблематики. Здесь прослеживаются и элементы темы фашизма, и противопоставление искусственного существа человеческой природе, и размышления о будущем, где робот претендует стать частью жизни. Важная деталь, отличающая роботов Кирсанова от роботов Чапека, заключается в следующем: в *R. U. R.* роботы по своему строению максимально приближены к человеку. У Кирсанова же Робот *насквозь* технологичен.

Картина будущего у Чапека и Кирсанова, в общем, сходна: у обоих роботы, вероятно, навсегда вошли в жизнь человека. У Кирсанова это выражается не только в использовании солдат-роботов, но, что еще более показательно, — в появлении роботов в Москве. Это уже не насильственное вторжение, а сознательный выбор. «Москва» (воплощающая в себе весь советский народ) сама приняла Робота.

Наш XXI в., с его техногенностью, активным взаимодействием человека и нейросетей, еще больше заостряет философские вопросы, поставленные в *R. U. R.* Драма Чапека, таким образом, нисколько не утрачивает актуальности — напротив, ее рецепция приобретает новые «векторы». Современные реципиенты видят в *R. U. R.* прежде всего драму философскую. В этом смысле она наконец освободилась от «смыслового давления» советского периода, когда ее трактовали в первую очередь как социально-политический памфлет, несправедливо отодвигая философский аспект на задний план.

Так, образ робота стал центральным в поэтических сборниках «Космическая опера» и «Приключения в параллельных мирах, или истории о киборгах и роботах, временных и квантовых парадоксах» Дмитрия Ратникова⁷. Автор явно знаком с произведением Чапека, а в одном из текстов даже прямо упоминает чешского писателя.

Действие стихотворений происходит в условном отдаленном будущем — в частности, в одном из стихотворений упоминается ХХХ в. Человечество, описываемое Ратниковым, деградировало настолько, что даже роботы и киборги, которые сопровождают человека будущего в каждом его минимальном бытовом действии, парадоксальным образом оказываются более «человечными», чем сам человек. Они способны вызвать у читателя бóльший отклик и даже бóльшую симпатию, нежели люди — погрязшие в потреблении, неспособные прожить ни дня без гаджетов. В то время как люди аморфны и совершенно бесплодны духом, роботы пытаются достичь подлинной человечности: киборг Вася пытается стать настоящим поэтом; еще один безымянный киборг мечтает создать семью; в отличие от человека, робот у Ратникова обладает «микропроцессором счастья», который хоть и создан искусственно, но все же ближе к жизни, к живым чувствам, чем скудные эмоции людей. Даже «восстание машин» здесь происходит по другой причине: из-за нежелания «очеловечивающихся» роботов жить рядом с таким «механистическим» человеком, который не способен существовать «без полной автозамены». Таким образом, роботы Ратникова напоминают роботов Приму и Елену в *R. U. R.* Наконец, Ратников подводит читателя к тому же глобальному вопросу, что формулирует и Чапек: «Продвигается ли организация и совершенствование людей в такой же мере, как организация и совершенствование машин»⁸.

Таким образом, несмотря на то что в ходе своего развития проблема соотношения человека и робота получила уже множество интерпретаций в творчестве мировых писателей, ракурс, предложенный Чапеком в *R. U. R.* сегодня не только не утратил актуальности, но и приобрел новые смысловые грани.

Примечания

¹ Pavelka J. Předpoklady literárního dorozumívání. Brno, 1998. S. 101–102.

² Chuveleva N. Апокрифы К. Чапека и их судьба в русской культурной среде // Nosné tradice české slavistiky. 1. vyd./ под ред. И. Поспишила, Й. Шаура. 2012. S. 203–209.

- ³ *Малевич О.М.* Неизвестный Карел Чапек (Новые переводы) // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 266–277.
- ⁴ *Толстой А.Н.* Бунт машин // Звезда. 1924. № 2. С. 44–48.
- ⁵ *Никольский С.В.* К истории знакомства с пьесой Чапека «R.U.R.» в России // Славянский альманах. 2004. № 2003. С. 414.
- ⁶ *Кирсанов С.* Поэма о Роботе // Происшествие в Нескучном саду / сост. В.А. Ревич. М., 1988. С. 413–448.
- ⁷ *Ратников Д.* Космическая опера. М., 2021; *Он же.* Приключения в параллельных мирах, или истории о киборгах и роботах, временных и квантовых парадоксах. М., 2022.
- ⁸ *Чапек К.* Власть машин // Чапек К. Собрание сочинений в 3-х тт. М., 2004. Т. 3. С. 464.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.11

Ф.Л. Челаковский и А.С. Пушкин. Опыт сопоставления

Татьяна Михайловна Столбова

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация;
e-mail: joyspecial@mail.ru

Ключевые слова: Челаковский, возрождение, народная песня, чешская литература

F.L. Chelakovsky's aesthetic views as a scientific basis for Czech literature and philology

Tatiana M. Stolbova

National Research Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: joyspecial@mail.ru

Keywords: Chelakovsky, revival, folk songs, Czech literature

Пушкин и Челаковский принадлежат одной эпохе. Оба родились в 1799 г., видели и переживали одни и те же масштабные исторические события: Тильзитский мир, Отечественная война 1812 г., сражение под Аустерлицем, Бородинская битва, Великая Французская революция. Оба получили отличное образование: Пушкин в Царскосельском лицее, Челаковский в Пражском университете, правда, Челаковский уже в студенческие годы пострадал за «чрезмерную» тягу к знаниям, чтение трудов Яна Гуса — ему пришлось бежать из Праги. Образование он закончил в Австрии. Обоим были известны материальные тяготы: чтобы обеспечивать семью, Челаковский занимался переводами, журнальной корректурой, служил домашним учителем, Пушкин был вынужден ходить на службу, которую ненавидел. Оба сталкивались с притеснениями и гонениями со стороны власти из-за своих взглядов, чрезмерного, по мнению правительства, вольнолюбия, смелого выражения мыслей. Пушкин побывал в ссылке, подвергался цензуре, слежке. Челаковский был уволен из университета, лишился заработка. Сходства между двумя поэтами не ограничиваются сходством их биографий. Их обоих отличает масштаб личности, широкий круг интересов, не только писательских и творческих, но и научных и исследовательских: интерес к славистике, фольклору, славянской культуре, оба увлекались философией, понимали, что ни одна культура не может существовать изолированно. Челаковский искал вдохновение в мотивах, образах и жанрах народного творчества, его мироощущение во многом сложилось как народное. Пушкин собирал народные песни, сказки, сказания, предания, нашедшие отражение в его сказках и подражаниях народным песням. Фольклорные мотивы звучат практически в каждом его произведении, прозаическом, стихотворном, в «Евгении Онегине», «Капитанской дочке». Примечательно, что, как и Челаковский, Пушкин создает произведения на основе фольклора («Песни западных славян», берущие народные творения за образец). Л.Н. Будагова в своей статье делает важное замечание, что функция сближения с фольклором в эту эпоху в Чехии и России не-

одинакова¹. В Чехии фольклор способствовал возрождению чешского языка, придавал вдохновение, пробуждал творческие силы, необходимые для возрождения национальной культуры. В России писатели искали в фольклоре свежую струю, сближение с реальной народной жизнью, настоящие русские характеры. Пушкин писал: «Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен. У нас еще нет ни словесности, ни книг, знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке <...>, проза наша еще так мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных»².

Челаковский собирал и исследовал не только чешский, но и сербский, украинский, польский, словенский фольклор, но особенно привлекала его русская культура: былины, песни, эпос. Оба поэта сыграли значительную роль в формировании и становлении своей национальной литературы. Челаковский стоял у истоков чешской литературы, Пушкин практически создал современный русский литературный язык.

Поэтов роднит широта интересов, тщательная работа с материалом, народными наследием, архивами. Вслед за Пушкиным, Челаковский искал в народном творчестве образцы характеров, поэтичность образов, живую музыкальность языка. Их творческая и идейная близость определила неустанный интерес Челаковского к творчеству Пушкина и его желание познакомить чешский народ с произведениями русского поэта, адаптировать их. Литературная ситуация в России и Чехии сильно отличалась в это время: пушкинское время для русской литературы — лишь один из этапов развития, свое становление русская литература к тому времени уже пережила, шел процесс демократизации языка, переход от высокого стиля речи к простому разговорному.

Это время напряженных литературных дискуссий, ожесточенных споров, полемики западников и славянофилов. В России того периода было много литературных кружков, объединений, периодических изданий. Чехия же активно осваивала опыт западноевропейской литературы, переживая период становления, только начинал формироваться чешский литературный язык, развивалась система жанров, критическую мысль Челаковский и его соратники разрабатывали практически с нуля. Этим объясняется необходимость создания в это время в Чехии словарей, чем и занимался Челаковский. Он и его соратники В. Тамм, А. Пухмайер, прилагая огромные усилия, переломили подражательную тенденцию в чешской литературе, избавив ее от искусственности галантной поэзии и переработав анакреонтические мотивы. Они создали новую литературу, которая стремительно развивалась, освобождаясь от иноземного влияния. Именно потому, что чешский язык был сохранен в народной среде, выходцы из народа (Челаковский и его сподвижники) стремились развить и возродить самобытность чешской культуры. В эпоху, когда чешский язык существовал только в народной сфере, в бытовой среде, в домене эпоса, народных песен, преданий, деятели чешского возрождения стремились вернуть его в общеупотребительную сферу, сделать языком науки и литературы, для чего надо было познакомить образованного читателя с красотой и богатством народного чешского языка, пробудить к нему интерес и веру, что чешский язык занимает достойное место наряду с прочими. Челаковский всю жизнь выступал за придание чешскому языку культуuroобразующей роли.

В журнале чешского музея за 1833–1837 гг. вышли переводы Челаковского стихотворений Пушкина «Делибаш», «Два ворона», «Зимний вечер», «Утопленник», «Гусар». В 1835 г. в «Чешской пчеле» (*Česká včela*) Челаковский поместил двустишие из Пушкина и отрывок из «Литературных летописей», эпиграммы «История стихотворца», «Добрый человек», «Охотник до журнальной драки». Не все переводы Челаковского безупречны, но некоторые очень близки к оригиналам

по форме и содержанию. Особо удачны переводы «Зимнего вечера» и «Двух воронов».

*Mrak a bouře nebe kryje,
V poli vicher zběsilý
Jako zvěř tu děsně vyje,
Tam jak dítě zakvílí;
Hned komínem strašně huče
Krov provívá slaměný,
Hned zas k nám v okénko tluče
Jako poutník zpozděný³.*

Челаковскому удалось сохранить не только размер и мелодику стиха, но и точно передать содержание и авторский настрой. Как и Пушкин, он максимально приблизил стих к фольклорному образцу, заимствовав отсюда ключевую лексику, мелодику, художественные приемы.

Духовный и культурный подъем в России Челаковский связывал именно с творчеством Пушкина и верил, что вслед за русской литературой возрождение переживет и чешская. В 1849 г. в вступительной лекции в Пражском университете Челаковский говорит о перспективах развития славянских литератур: «С Пушкиным вступила в жизнь новая, национальная русская литература, которая развивается год от году и поднимается ко все более и более высоким вершинам. Самосознание своего бытия и своего призвания уже пробудилось в этой самой выразительной ветви славянства, и созревающий к самостоятельности русский дух несомненно будет все больше проявляться и в изящных искусствах, и в науках, что в отдельных областях, как, например, в исторической науке, он уже и подтвердил»⁴. Главную роль в возрождении национального языка, литературы и культуры Челаковский отдает национальным поэтам. Чем сильнее национальная чешская идея подавлялась, поэты терпели репрессии со стороны германского правительства, тем сильнее эта национальная идея проявляла себя.

Примечания

- ¹ Будагова Л.Н. Сопоставляя Челаковского с Пушкиным (К 200-летию со дня рождения Челаковского) // Славянский альманах. М., 1999. С. 238–245.
- ² Пушкин А.С. О причинах, замедливших ход нашей словесности // Собрание сочинений в 10 тт. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6. Критика и публицистика.
- ³ Пушкин А.С. «Зимний вечер» в переводе Ф.Л. Челаковского.
- ⁴ Никольский С.В. Пушкин как источник оптимизма для славянских литератур // Славянский альманах. М., 1998. С. 200–210.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.12

Стихотворение Й. Дучича «Сат» в переводах на русский язык

Алёна Романовна Кашина

РГУ им. А.Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: alenakasina63@gmail.com

Ключевые слова: Й. Дучич, сербская поэзия, переводы на русский язык

The poem “Sat” by Jovan Ducic in Russian translations

Alena R. Kashina

The Kosygin State University of Russia,
Moscow, Russian Federation; e-mail: alenakasina63@gmail.com

Keywords: J. Ducic, Serbian poetry, translations into Russian

Йован Дучич (1874–1943 гг.) — поэт сербского модерна. Он не только обогатил национальную поэзию новыми образами и символами, но и разнообразил содержание пейзажной лирики, придав ей особую психологичность, ассоциативность, вызвав таким образом тонкие движения души.

Однако, помимо природной лирики, Й. Дучич особым образом повлиял и на развитие в литературе темы любви. Поэт обновил ее содержание, уходя от чувства земного, плотского. Как отмечает Р.Ф. Доронина, в творчестве автора особое место занимает абстрактная «философия сердца», которая, несмотря на свою эфемерность, довольно точно передает внутренние переживания лирического героя, подчеркнутые автором с помощью тонких психологических нюансов. Тем не менее, по утверждению исследовательницы, «лучшая часть поэзии Дучича связана с природой»¹.

Человек в стихотворениях сербского автора становится неотъемлемой частью природы и всецело подчиняется ее законам. Описания окружающего мира у Й. Дучича сопровождаются мрачными и гнетущими образами, которые соотносятся с чувством беспросветного одиночества лирического героя. Это единство состояния человека и природы создает поле для особой метафоричности в передаче действительности, она рисуется автором в таинственных тонах и в то же время характеризуется особой точностью и емкостью изложения. В целом в творчестве Й. Дучича традиционно выделяется три этапа²: воиславский, продлившийся до отъезда в Женеву в 1899 г. (в этот период автор тяготел к фольклорным мотивам, ориентировался на опыт отечественных поэтов-романтиков, но в первую очередь на поэзию В. Илича, сербского декадента); символистско-парнасский (продлился вплоть до Первой мировой войны; как следует из названия, в этот период Й. Дучич знакомится с творчеством представителей символизма и парнасской школы); символистский (приведенный этап характеризуется зрелой поэзией автора, в которой в полной мере воплотилась поэтическая манера: таинственность, принципы двуединства, особый размер и т.п.).

В выбранном для анализа стихотворении элегического характера «Сат» (О. Комков «Часы», Е. Полянская «Час») из цикла «Сенке по води» («Тени на воде»), 1900–1901) актуализируются черты, присущие раннему этапу творчества поэта. Произведение тяготеет к философской лирике и обнаруживает значительную связь с сербской романтической тради-

цией. Постараемся сопоставить подходы двух русских переводчиков сербского поэта — О. Комкова (поэт, переводчик, культуролог, герменевт) и Е. Полянской (поэт, переводчик).

В стихотворении (как в оригинальном тексте, так и в переводах) напряженную атмосферу и тревогу лирического героя передают характерные для творчества Й. Дучича образы наступающего ночного мрака и шума тополей: «Над безбојном водом мир вечерњи беше» («Над бесцветной водой был вечерний покой»), «И кад опет изби: с топола се расу / Задње мртво лишће» («И когда снова ударило, с тополя падают мертвые листья»). Эпитеты («болестан», «мутан», «непрозрачно» и т.д.) создают безрадостный и гнетущий пейзаж, что довольно точно отразил О. Комков в своем варианте перевода «Сата»: поэт-переводчик не только сохранил эпитеты «больной и мутный», но и добавил прямое указание на общее состояние окружающего мира, используя в тексте слово «мрачно». В то время как подход Е. Полянской отличает большая самостоятельность и переводческая инициатива: ее вариант страшного пейзажа лишен «тепла и света» — эта важная деталь невольного погружает читателя в атмосферу враждебного внешнего мира и компенсирует отсутствие эпитета «болестан».

Другая важная деталь связана с образом колокольного звона в художественном пространстве стихотворения. Исходный текст в целом характеризуется эфемерностью, неуловимостью пейзажа, которая подчеркивается упоминанием «скрытого колокола» («Но скривено звоно...»), его фигура также остается неясной и туманной. Это позволяет автору создать ощущение скрытой угрозы, что усиливает гнетущую атмосферу.

Оба переводчика несколько оходят от оригинала, привнося новые детали и смысловые оттенки. О. Комков указывает незримый источник страшного звука — это колокол «исторгает стынущие звуки», что удачно передает ощущение бесконечного холода «ледяного свода» («...под сводом ледним») и общей безысходности, что соотносится с образно-стилистическим строем оригинала. В варианте перевода Е. По-

лянской в конце появляется проблеск надежды, которого нет в художественном пространстве исходного текста: здесь звон колокола «прорывает своды ледяного плена», вступая в своего рода борьбу со «смертным ужасом вселенной».

Еще один значимый для стихотворения образ — упавшее с ветки гнездо. В исходном тексте оно, как и многие другие детали, дано Й. Дучичем довольно общо: «Једно гнездо паде високо са стране». Оба поэта-переводчика пересмотрели первоначальный вариант: О. Комков, передавая эти строки, заменил стилистически нейтральный глагол «пасти» на драматически звучащий «сорваться», что делает движение более стремительным. В свою очередь Е. Полянская оставляет стилистически нейтральный глагол «упасть», однако усиливает народное начало: учитывая, что стихотворение относится к первому (во многом романтическому) периоду творчества поэта, она удачно использует уменьшительно-ласкательную форму «гнездышко» в сочетании с инверсией, привнося в перевод фольклорные мотивы, к которым тяготел тогда автор («Лишь упало с ветки гнёздышко пустое»).

Также важно обратить внимание на то, как поэты-переводчики передали форму и звуковую сторону исходного текста. Оба использовали аналогичный оригиналу шестистопный хорей с перекрестной рифмовкой, однако «музыкальность» произведения Й. Дучича каждый из них отразил по-своему. О. Комков довольно точно воссоздал значительное количество сонорных согласных в полнозвучных сочетаниях с гласными, сохраняя ассонанс, использованный автором, что можно увидеть уже в первых строках стихотворений (ср.: «Сат Дан болестан, мутан, небо непрозирно. / Над безбојном водом мир вечерњи беше» и «День большой и мутный; небо непрозрачно»). Однако Полянской удалось уловить не только эту тягучую музыкальность и звучность исходного текста, в целом характерную для сербского языка, но и передать тихое, мертвенное спокойствие наступающих сумерек, сохраняя шипящие звуки, чего нет у О. Комкова (например, в оригинале: «потоње руже лагано помреше»; в переводе Е. Полянской: «увяли розы тихо и послушно»).

В целом можно отметить, что перевод Е. Полянской также отличается большей абстрактностью образов (например, у нее появляются такие слова, как «вселенная», «бремя», «плен», которых нет в исходном тексте) и использованием эпитетов, отсутствовавших в оригинале, которые, однако, придают им большую предметность (день «без тепла и света», гнездышко «пустое», «ужас смертных тварей», розы увядают «тихо и послушно»; тогда как в оригинале: «Сат Дан болестан, мутан», «Једно гнездо паде високо са гране», «ужасном стрепњом, и паником ствари» («День больной, пасмурный», «Одно гнездо с ветки высоко упало», «страшной тревогой, и паникой вещей»)). На основании этого можно заключить, что художественное пространство становится дуалистичным, связанным с движением по вертикали, строящимся на противопоставлении: использование уже в первом стихе предлогов «под» («день *под* серым небом») и «над» («*над* водою тусклой») позволяет сохранить противопоставление; «часы пробили еле слышно *где-то*» и розы уже *здесь* погибают «тихо и послушно»; мертвые листья и «гнездышко пустое», падающие сверху вниз, противопоставлены колокольному звону, исходящему «из глубин деревьев», который, как можно предположить, двигаясь от корней вертикально вверх, прорывает своды «ледяного плена» («Из глубин деревьев колокол ударит, / Прорывая своды ледяного плена»). Подобная оппозиция в некоторой степени соотносится с концепцией романтического двоимирия, которое не так очевидно, но все же представлено в оригинальном тексте за счет разграничения реального мира, в котором находится лирический герой, и иного, где располагаются источник звона колокола и связанного с этим мотива страха и болезни. Таким образом, нельзя говорить, что перевод Е. Полянской кардинально меняет образно-стилистический строй оригинала: предложенные изменения соответствуют характеру творчества Дучича в рассматриваемый период.

Что касается метода О. Комкова, то можно отметить, что переводчик в целом довольно строго придерживается как ритмики, так и образного ряда исходного текста. Однако и

здесь есть некоторые расхождения: важными элементами являются образы гнезда и колокола как источника страшного звука, подчеркнутыми в переводе. Помимо этого, переводчик с помощью сравнения ненавязчиво усиливает христианский мотив, не так очевидно звучащий в оригинале: «словно дух без тела, / Вниз гнездо сорвалось» (ср.: «тихо у том часу / Једно гнездо паде високо са гране» («тихо в этот час / Одно гнездо с ветки высоко упало»)). В связи с этим финальный стих приобретает особый смысл («И тоской, и страхом неизбежной муки»), поскольку упомянутое сравнение в сочетании со словом «муки» не может не отсылать читателя к библейским сюжетам христовых мук. Атмосфера мрака, создаваемая поэтом, также оказывается созвучна тому состоянию мрака, в котором пребывает Иисус, в ожидании неизбежного. Так, мотивы, которые только подразумеваются в произведении сербского поэта, О. Комков выражает эксплицитно, выводя их на первый план.

В заключение стоит отметить, что оба переводчика, сохранив первоначальную форму стихотворения и его идею, привнесли некоторые новые смыслы в произведение Й. Дучича. Е. Полянской удалось удачно передать влияние фольклорной и романтической традиции на поэта в романтический этап его творчества, тогда как О. Комков в большей степени отразил образно-стилистический строй оригинала и акцентировал внимание на христианских мотивах и образах, которые имеют особое значение для поэзии Дучича в целом.

Примечания

¹ Доронина Р.Ф. Дучич Йован // Лексикон јужнославјанских литератур / под ред. Г.Я. Ильиной. М.: Индрик, 2012. С. 126.

² Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд: Нолит, 1983. С. 108.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.13

Балканские поверья о вампирах в русской литературе XVIII – первой трети XIX в.

Юлия Анатольевна Долгих

Библиотека Российской академии наук (БАН),
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ju-d@mail.ru

Ключевые слова: вампир, Visum et Repertum, журнал «Примечания на Санкт-Петербургские Ведомости», Проспер Мери́ме

Balkan beliefs about vampires in Russian literature of the 18th and the first third of the 19th centuries

Julia A. Dolgikh

Russian Academy of Sciences Library,
St. Petersburg, Russia
e-mail: ju-d@mail.ru

Keywords: Vampire, Visum et Repertum, magazine «Notes on the St. Petersburg Vedomosti» magazine, Prosper Merimee

Появление «вампирского» сюжета в русских художественных произведениях во многом навеяно его развитием в западноевропейской культуре и влиянием авторов, чьи произведения активно читались и переводились на русский язык¹. Поверья о вампирах связывали в первую очередь с греческим и сербским фольклором, а именно с народными суевериями, интерес к которым усилился благодаря вниманию западноевропейского общества к «вампирской»² эпидемии на Балканском полуострове в 1725–1732 гг. В этот

период австрийским оккупационным властям поступали сообщения жителей Боснии и Сербии о череде скоростижных смертей. Ввиду того, что суеверия о вампирах были чрезвычайно распространены на Балканском полуострове, местные жители считали, что «нечистые» мертвецы выходили из могил и умерщвляли живых. Серия эпизодов, связанных с «вампирской» эпидемией, зафиксирована в литературе, начиная с публикации в Венской газете 1725 г.³ отчета камерал-провизора Фромбальда о неразложившемся трупе вампира Петера Плогойвича (Peter Plojojoviz, он же Petar Vladojević). Венская публикация 1725 г. под заголовком «Ужасное происшествие в деревне Кисолова в Верхней Венгрии несколько дней назад» приковала внимание общественности к балканским вампирам, о которых снова заговорили в связи с аналогичной вспышкой смертей в 1731 г. в Сербии, в деревне Медвегия (*Medwegya, Medreiga*, — существуют разные написания). Отчет прибывшего на место врача-эпидемиолога Глазера со свидетельством о неразлагаемости трупов вызвал дискуссии в медицинских журналах, а результаты следующего исследования, которое провел врач Иоганн Флюкингер, закрепились в документе под названием *Visum et Repertum*⁴, текст которого многократно перепечатывался⁵. Событиям «вампирской» эпидемии уделено достаточно много внимания в западных исследованиях, при этом ключевым⁶ для них стал трактат бенедиктинского монаха Дома Августина Калме⁷, включивший в себя документ *Visum et Repertum*, содержащий рассказы жителей об умерших и суеверия о вампирах.

Таким образом, закрепившиеся в прессе и научных трактатах суеверные рассказы о вампирах на Балканском полуострове вошли в историю западноевропейской и отчасти русской литературы.

Самой ранней публикацией рассказа о «вампирской» эпидемии в отечественной прессе можно считать анонимную⁸ статью «О вампирах» в «Примечаниях на Санкт-Петербургские ведомости»⁹ 1739 г. Именно в тексте этой статьи «Словарь русского языка XVIII в.»¹⁰ фиксирует первое упо-

требление слова «вампир». Повествование включает в себя описание поверий о вампирах с корпусом фольклорных сюжетов, которые были отражены в сочинениях западноевропейских путешественников и богословов XVII — начала XVIII в. Упоминаются труды Льва Аллация «О некоторых воззрениях современных греков» 1645 г. (*De Graecorum hodie quorundam opinationibus*), «Адский Протей или Тысячеискусный изобразитель...» 1690 г. (*Der Höllische Proteus, oder Tausendkünstige Versteller...*) Эразма Франциска, «Путешествие в Левант» 1717 г. (*Relation d'un voyage du Levant...*) французского ботаника Жозефа Питона де Тунефорта и др. Вслед за выписками историй о вампирах из вышеупомянутых сочинений следует пересказ содержания уже упомянутого документа *Visum et Repertum*.

Таким образом, первое знакомство русских читателей с поверьями о вампирах и с «происшествиями», которые с ними связаны, состоялось благодаря статье «Примечаний» 1739 г. В 1769 г. в словаре Н.Г. Курганова¹¹ появляется слово «вампир» в том же значении, что в вышеупомянутой статье: «кровопийца». Других названий, обозначающих вампира, в этом словаре нет. Однако в статье «Примечаний», помимо слова «вампир» употребляется и другое — «бурколак» (также его формы «булколак», «бутерлак»), которое имеет греческое происхождение. С этим же словом русский читатель снова встретится уже в XIX в., в рецепции творчества П. Мериме у А.С. Пушкина и других авторов, переведивших «Гузлу»¹² (1827). В примечании к стихотворению «Вурдалак» Пушкин приводит три синонима, обозначающих вампира: «вурдалаки, вудкодлаки, упыри»¹³, не делая между ними семантического различия. У Мериме, чьи «иллирийские песни» послужили основой для написания «Песен западных славян» (опубликованы в 1835 г.), встречаются разные словоформы: если в *Jeannot* Мериме пишет *brucolaque*, к которому делает примечание «вид вампира», то в эссе «О вампиризме»¹⁴ появляется *vudkodlak*¹⁵.

Это эссе отсылает читателя к событиям «вампирской» эпидемии на Балканах, которые к началу XIX в. были уже доста-

точно хорошо знакомы европейскому читателю, чтобы стать предметом травестии. Ирония проявляется и у Мериме: герой приезжает в сербскую деревню и становится свидетелем того, как дочь хозяина смертельно заболевает, думая, что ночью ее укусил вампир¹⁶. Заметим, что в различных переложениях вышеупомянутого документа *Visum et Repertum* есть рассказ о дочери¹⁷ гайдука, которая смертельно заболевает от того, что ночью ее душил вампир. Мериме передает этот сюжет из трактата Калме, прежде чем перейти к собственному рассказу, в котором тот же сюжет получает иное осмысление: причиной смерти девушки оказывается не нападение вампира, а местные суеверия и богатое воображение пострадавшей.

Эссе «О вампиризме» не было переведено Пушкиным, но оно было опубликовано в 1828 г. в журнале «Атеней». Анонимный переводчик журнала сократил первую часть текста Мериме, убрав ссылку на Калме и оставив лишь описание поверий о вампирах. После этого следовал рассказ о событии с дочерью хозяина, который без цитаты Калме выглядел как репортаж о реальном происшествии. Кроме того, переводчик самостоятельно дополняет и некоторые детали. Так, в оригинале Мериме эссе начинается со слов: «В Иллирии, <...> вам бросили бы упрек в безверии и безнравственности, если бы вы стали публично отрицать существование вампиров»¹⁸. Переводчик журнала «Атеней» добавляет ссылку на «Путешествие в Левант» Тунефорта: «Один французский путешественник удостоверяет, что в Иллирии...»¹⁹. При этом название «бурколак», которое встречается в сочинении французского ботаника, переводчик опускает. Формулировку Мериме «вампир по-иллирийски вудкодлак» переводчик заменяет на: «по-славянски вампир называется тенец»²⁰. Подобная вольность с текстом может говорить о достаточной осведомленности переводчика: трактат Калме был известен русским читателям в начале XIX в. во французском варианте (на русский язык он переведен в 1866 г.), поэтому поверья о балканских вампирах и эпидемии 1725–1732 гг., вероятно, были хорошо знакомы образованной аудитории, — если не по статье «Примечаний...», то по их пересказу у Калме.

Таким образом, к моменту появления художественных произведений о вампирах в русской литературе XIX в. в публикациях уже присутствовали упоминания о связанных с ними суевериях. Статья из «Примечаний на ведомости» 1739 г. знакомила русского читателя не только с содержанием документа *Visum et Repertum*, но и представляла возможность узнать о более ранних западноевропейских сочинениях по этой теме. В XIX в. Мериме в эссе вновь обратил к событиям на Балканах. Реминисценции сюжетов, описанных в переложениях *Visum et Repertum*, возникают в русских «таинственных» повестях и наиболее ярко проявляются в произведениях русского писателя и поэта А.К. Толстого «Упырь» и «Семья вурдалака», в которых между строк упоминаются события балканской эпидемии.

Примечания

- ¹ Измайлов Н.В. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию академика М.П. Алексеева / отв. ред. А.С. Бушмин. Л.: Наука, 1976. С. 511.
- ² Обычно таким условным оборотом обозначают события, происходившие на Балканах, в зарубежных исследованиях, напр: Bräunlein P.J. The frightening borderlands of Enlightenment: The vampire problem // Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 43(3). 2012. P. 710–719.; Bohn Th.M. Vampirismus in Österreich und Preußen. Von der Entdeckung einer Seuche zum Narrativ der Gegenkolonisation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, Bd. 56, H. 2 (2008), P. 161–177.
- ³ Frombald. Copia eines Schreibens aus dem Gradisker District. Wienerisches Diarium vom 21. Juli 1725, S. 11–12. URL: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?apm=0&aid=wrz&datum=17250721&seite=11&zoom=2> (дата обращения: 05.05.2023).
- ⁴ Дословно: «Увидено и найдено». Термин, применявшийся в судмедэкспертизе.
- ⁵ Напр.: W. S. G. E. Curieuse und sehr wunderbare Relation, von denen sich neuer Dingen in Servien erzeugenden Blut-Saugern oder Vampyrn, aus authentischen Nachrichten mitgetheilet, und mit Historischen und Philosophischen Reflexionen begleitet. [S.l.], 1732. С этого источника выполнен русский перевод *Visum et Repertum* в издании: *Visum et Repertum: Документы первых вампирических расследований с приложением некоторых известий о вурколаках, протовампирах и ревенантах / сост., предисл., пер. и комм. С. Шаргородского. [Б.м.]: Salamandra P.V.V., 2018.*
- ⁶ Исследование Калме стало источником для последующих опытов раскрытия темы вампиризма, не только в научной области, но и в литературной. См.: Антонов С.А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: Сборник / пер. с англ., нем., фр. СПб.: Азбука-классика, 2000. С. 21–24.

- ⁷ Дом Огюстен Калме (Dom Augustin Calmet) (1672–1757), автор трактата «Рассуждения о явлении ангелов, демонов и духов, а также призраков и вампиров, в Венгрии, Моравии и Силезии» (*Dissertations sur les Apparitions des Anges, des Démons & des Esprits, et sur les Revenans et Vampires de Hongrie, de Boheme, de Moravie & de Silesie*), 1746.
- ⁸ По мнению П.П. Пекарского, автором статьи можно предполагать академика Х.Э. Геллерта, однако атрибуция требует уточнений. См.: *Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге*. СПб, 1870. Т. 1.
- ⁹ Примечания на «Ведомости». СПб, 1739. Ч. 27–33.
- ¹⁰ Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Вып. 7. 1992.
- ¹¹ *Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей. Во граде св. Петра, [тип. Морск. кад. корпуса], 1769. С. 387.*
- ¹² *Prosper Mérimée. La Guzla, ou Choix de poesies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, La Croatie et l’Hertzegowine.* Далее французский текст этого сочинения цитируется по изданию: Мериме — Пушкин: Сборник / сост. З.И. Киринозе. М.: Радуга, 1987.
- ¹³ Мериме — Пушкин. С. 164
- ¹⁴ *Mérimée P. Sur le vampirisme // Мериме — Пушкин. С. 68–74*
- ¹⁵ Там же. С. 68.
- ¹⁶ Тот же мотив появляется у О.М. Сомова в «Ночлеге гайдамаков»: девушка, думая, что видела ночью вампира (своего мнимо умершего возлюбленного), от страха заболела и умерла. Девушку звали Хавой, как у Мериме (Khava).
- ¹⁷ В статье «Примечаний...» — невестка.
- ¹⁸ «En Illyrie <...> on s’exposerait au reproche d’irréligion et d’immoralité, si l’on niait publiquement l’existence des vampires». Русский перевод цитируется по изд.: «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: Сборник / пер. с англ., нем., фр. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 56–60 (перевод Н.Я. Рыковой).
- ¹⁹ Атений: Журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикатов. М.: Изд. Михаилом Павловым, 1828. С. 380.
- ²⁰ Там же. С. 380.

В КРУГУ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.14

Эволюция мотива путешествия в прозе Павла Виликовского

Анастасия Владимировна Бырина

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: Biely.Kvet@yandex.ru

Ключевые слова: Павел Виликовский, словацкая литература,
мотив путешествия

The evolution of the travel motif in the prose of Pavel Vilikovský

Anastasiia V. Byrina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: Biely.Kvet@yandex.ru

Keywords: Pavel Vilikovský, Slovak literature, motive of travel

Мотив путешествия является сквозным в творчестве словацкого писателя Павла Виликовского (1941–2020) и представлен в трех формах: реальное физическое перемещение по Словакии и за ее пределами, путешествие в мир фантазии и путешествие сквозь время, то есть от детства и юности к зрелости и старости.

При исследовании такого рода основную сложность составляет проблема периодизации творчества П. Виликовского. Некоторые произведения, написанные им начиная со второй половины 1960-х годов и примерно до середины 1980-х гг.,

были опубликованы лишь в конце 1980-х годов. «Трудно ответить на вопрос, был ли Павел Виликовский запрещенным автором в период нормализации, — пишет Михал Гарпань. В каком-то смысле да, но это был внутренний запрет, молчаливый отказ от идеологии нормализации <...>, потому что писать прозу он не перестал»¹. По этой причине А.Г. Машкова предлагает отказаться от хронологического анализа произведений писателя и предпочесть ему «сквозное исследование», включающее «тематику, мотивы, поэтику»².

Мотив реального путешествия присутствует в романах «Последний конь Помпей» (*Posledný koň Pompejí*, 2001), «Собака на дороге» (*Pes na ceste*, 2010), «Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня» (*Krásna strojvodkyňa, krutá vojvodkyňa*, 2017), «Когда уходит страсть к жизни» (*RAJc je preč*, 2018), в рассказах «Воспитание чувств в марте» (*Citová výchova v marci*, 1965), «Из жалоб прекрасной оружейницы» (*Lamentácie krásnej zbrojmajstrovej*, 1968), «Слово о Турчине» (*Slovo o Turčíne*, издан в 1989 г.), «Конь на этаже, слепой во Врablyах» (*Koň na poschodí, slepec vo Vrábľoch*, 1989) и др.

Путешествуя по Словакии, герои Виликовского, как правило, отдают предпочтение поездкам. Потому, вероятно, так часто в его произведениях встречается образ вокзала. Ночной вокзал олицетворяет истинное лицо города. Виликовский пишет: «Это, пожалуй, смешная гипотеза, но я верю, что быстрее всего человек сближается с городом, когда проводит с ним ночь, и не в постели четырехзвездочного отеля, а на его голом немытом теле <...>, вы подышите его интимным запахом, и он уже никогда не будет для вас совершенно чужим. По этому запаху вы всегда его узнаете»³. Так в раннем рассказе писателя «Воспитание чувств в марте» ночная станция становится местом получения первого сексуального опыта героев. Виликовский описывает противоречивые чувства молодых людей: их сильное желание и стыд. А в его последнем романе «Когда уходит страсть к жизни» мы становимся свидетелями ночного разговора на вокзале уже сорокалетних любовников.

Путешествие как таковое неизбежно затрагивает тему «своей/чужой». Герои Виликовского — словаки на чужбине

или словаки, утратившие свои корни, — задаются вопросом: «Кто я такой, и где мой дом?» Другим примером реально путешествия является путешествие словаков за границу. Поскольку П. Виликовский окончил философский факультет Университета имени Я.А. Коменского в Братиславе по специальности англистика и словакистика и дважды проходил в Англии на стажировку, то первой страной, куда он отправил своих героев, становится Англия. П. Заяц пишет, что впервые «лондонский» мотив появляется у писателя в рассказе «Из жалоб прекрасной оружейницы»⁴. Это название Виликовский позаимствовал у французского поэта Франсуа Вийона⁵. Так называлась баллада из поэмы «Большое Завещание», написанной Вийоном в конце 1461 г. или в начале 1462 г. Пожилая оружейница вспоминает свою молодость и с самоиронией описывает себя нынешнюю. Прекрасная оружейница Виликовского — в одиночестве гуляет по Лондону и вспоминает себя в детстве и в юности. Рассказ заканчивается словами героини, что вчера ей исполнилось двадцать семь лет. Этот мотив повторяется в рассказе «Конь на этаже, слепой во Врablyах» и в романах «Последний конь Помпей» и «Когда уходит страсть к жизни».

Еще одним направлением для путешествий становится ближайшая заграница. Герой романа «Собака на дороге» — зрелый или даже пожилой человек. Икс Ипсилон путешествует по Австрии и Германии и читает лекции о словацкой литературе. В Австрии он знакомится с перебравшейся в Америку австрийкой Маргарет (Гретка), чей прадед был словаком, — и у них завязывается роман. В рассказе «Воспитание чувств в марте» юноша, глядя на девушку, лежащую с ним рядом, думает о ее теле как о чем-то чужом для него. А в романе «Собака на дороге» граница между своим и чужим исчезает, по крайней мере для героя. Икс Ипсилон не всегда понимает, что по-немецки говорит ему Гретка, но это не имеет значения, ведь тела и души говорят на одном языке. А Гретка завязывает с ним знакомство, потому что ее привлекла его национальность. Через героя она пытается стать цельной, настоящей — собой.

Иной тип покинувших страну словаков представлен в романе «Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня». Герцогиня Мари Дюплесси Бургундская говорит о Словакии: «Все здесь воняет человеком, поэтому я так люблю сюда возвращаться»⁶. Однако она давно оставила позади свою прошлую жизнь в Словакии, и даже свое словацкое имя. Когда-то она была юной машинисткой Маришкой Шлагоровой — первой словацкой машинисткой на маршруте Трнава — Куты, своеобразной сенсацией, а теперь она — модный французский фотограф. Героиня «не обманывала, только не сказала, что любит возвращаться в родные края, на мгновение, но жить в этой человеческой вони она бы не хотела. Уже не смогла бы»⁷.

Сигналом пересечения границы между своим и чужим является не только смена диалекта или языка, но и правил поведения в обществе. Действие романа «Последний конь Помпей» происходит примерно в середине 1980-х годов. Словацкий студент проходит стажировку в Лондоне. Научный руководитель-англичанин предлагает ему написать исследование на тему «Элементы славянской чувствительности в произведениях Джозефа Конрада» — и герой пытается найти определение, хотя бы для самого себя, что есть славянская чувствительность. Он сравнивает более сдержанных и кажущихся со стороны неистребимыми оптимистами европейцев со славянами: «Типичная славянская чувствительность <...> — начать жалеть своих близких, а закончить жалостью к самому себе»⁸. Схожие наблюдения о своих соотечественниках высказывает и Икс Ипсилон: «Причитание — это национальный спорт, если бы он вошел в число олимпийских дисциплин, то медаль, возможно и золотую, мы бы получили без сомнения»⁹. Однако целью такого, несколько карикатурного, описания — не является исключительно изобличение. Это также повод провести демифологизацию представлений о разных национальностях (словаках, англичанах, немцах, австрийцах), снять все наносное и добраться до личностного, общечеловеческого. «Я не верю, что народы имеют врожденные особенности. Мы не рождаемся с национальностью, национальность мы получаем»¹⁰, — говорит Икс

Ипси́лон. — Национальным является костюм, национальной является боровичка или пасхальный кнут с ленточками <...>. Наиболее национальными, на мой взгляд, являются те ассоциации и рефлексy, которые у нас возникают при определенном слове или ситуации»¹¹.

Когда речь заходит о путешествии в мир фантазии, герои Виликовского мысленно отправляются в прошлое, где ведут воображаемые разговоры с умершим близким родственником (рассказ «Господин воспоминаний», 2005) или давно покинувшим этот мир незнакомцем, чья история их заинтересовала, и они желают разобраться в мотивах его поступков и обстоятельствах гибели: убитая девушка (рассказ «Мария Б. крупным планом», 1996), уведенная в Освенцим Эмма Шлёзингер (роман «Первая и последняя любовь», 2013).

Еще одним вариантом путешествия-фантазии является разговор героя-писателя с недовольным своим описанием и ролью в сюжете героем его произведения: второразрядный писатель Куцанский-Смит и инспектор Коллинз (рассказ «Синий (голубой) период Куцанского-Смита», 2005), писатель Обычан и Иван («Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня»). Название рассказа является отсылкой к рассказу Дж.Д. Сэлинджера «Голубой период де Домье-Смита» из сборника «Девять рассказов» (1953). Де Домье-Смит — псевдоним третьеразрядного художника, преподавателя на курсах живописи.

Самое долгое путешествие, без возможности вернуться назад, — это путешествие сквозь время. В рассказе «Иди, не беги» (1965) путешествие на поезде символизирует постепенное течение жизни. Из окна герой видит себя ребенком, играющим с матерью. Затем в его купе по очереди заходят старые приятели и школьная учительница. А выйдя из поезда, он попадает в настоящее: к любимой жене и маленькой дочери. Герой романа «Когда проходит страсть к жизни», даже не выезжая за пределы Братиславы, берет нас с собой в путешествие по своим воспоминаниям — и мы узнаем о его географических перемещениях, взрослении и приключениях, о том, как всю жизнь он учился быть собой. Несмотря на

название романа, герой утверждает, что нужно продолжать искать то, что будет разжигать в нас азарт и жажду исследования, ведь старая страсть проходит, но и мы не остаемся прежними, а значит: «Мы просто должны найти новую страсть»¹².

Мотив движения появляется уже в первых произведениях Павла Виликовского. В Словакии и за рубежом его герои учатся быть наедине с самими собой и ищут корни своего я. Их чувства универсальны, и потому нам так легко присоединиться к ним в их путешествии.

Примечания

¹ *Harpák M.* Autor je preč... Rozlúčka s autorom // Slovenské literárne centrum. 2020. URL: <https://www.litcentrum.sk/clanok/autor-je-prec>.

² *Машкова А.Г.* К истории словацкого постмодернизма: проза Павла Виликовского // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 239–240.

³ *Vilikovský P.* RAJc je preč. Bratislava, 2018. S. 53.

⁴ *Zajac P.* Od totálnej citovosti k autografickej pamäti // Pavel Vilikovský: Prózy. Bratislava, 2005. S. 820.

⁵ *Вийон Ф.* Из жалоб прекрасной оружейницы // Антология РуСтих. URL: <https://rustih.ru/fransua-vijon-iz-zhalob-prekrasnoj-oruzhejnicy/>.

⁶ *Vilikovský P.* Krásna strojvodkyňa, krutá vojvodkyňa. Bratislava, 2017. S. 151.

⁷ Ibid. S. 151.

⁸ *Vilikovský P.* Posledný kôň Pompeji. Bratislava, 2001. S. 16.

⁹ *Vilikovský P.* Pes na ceste. Bratislava, 2010. S. 98.

¹⁰ Ibid. S. 14.

¹¹ Ibid. S. 14–15.

¹² *Vilikovský P.* RAJc je preč. S. 284.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.15

Особенности топоса Праги в чешском постмодернизме (на примере романа М. Урбана «Семь храмов»)

Глеб Владимирович Климанов

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: gleb-kl@yandex.ru

Ключевые слова: урбанистика, Милош Урбан, Семь храмов

The trends of the Czech urban studies in the novel “The Seven Churches” by Miloš Urban

Gleb V. Klimanov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: gleb-kl@yandex.ru

Keywords: Czech urban studies, Miloš Urban

На рубеже XX–XXI вв. топос Праги в чешской литературе переходит на новый этап формирования. В произведениях современных писателей этот город сочетает в себе те функции, которые были ему присущи на предыдущих стадиях развития, и некоторые вновь обретенные значения. Прага в чешской литературе эпохи постмодернизма служит и национальным символом, и историко-архитектурным памятником, и мистическим пространством, наполненным особой местной мифологией. Таков образ города в текстах Михала Айваза, Даниэлы Годровой и др. Одним из самых показательных, в этом аспекте, авторов становится Милош Урбан.

«Семь храмов» — дебютный роман в библиографии автора, вышедший в 1999 г. Книга была написана на рубеже

веков, когда не только чешских, но и европейских писателей особенно волновали проблемы человеческого существования и поиска новых путей развития жизни. С момента выхода романа прошло уже двадцать четыре года, однако текст по-прежнему привлекает современников сочетанием детективного сюжета и детальных городских пейзажей. Роман Урбана был также высоко оценен критикой и воспринят, по словам чешской исследовательницы Сильвы Фицовой, как «хорошо написанный и остроумный постмодернистский роман, каких мало в современной чешской литературе»¹.

В центре сюжета — детективная история с таинственной загадкой. Полицейские, вместе с главным героем по имени Кветослав Швах и группой городских энтузиастов во главе с историком Гмюндом, расследуют серию убийств в Праге. Жертвами становятся городские архитекторы, а сами преступления так или иначе связаны с историческими архитектурными локациями чешской столицы — храмами, мостами, деловыми центрами. В результате выясняется, что жертвы связаны общим прошлым — они были задействованы в строительстве жилых кварталов на окраинах Праги, в которых впоследствии жильцы погибали из-за опасных стройматериалов.

Текст романа имеет несколько смысловых уровней. В нем сочетаются и детективная история, и психологический анализ, и общеполитический смысловой пласт.

Для понимания образа города в «Семи храмах» важной становится фигура рассказчика. Повествование в романе ведется от первого лица. Автор посвящает биографии главного героя две главы в начале повествования, и эта вставка становится единственным отрывком, действие которого полностью происходит не в Праге. Город в романе «Семь храмов» описан таким, как его видит молодой человек из провинции с интересной и нелегкой судьбой. С одной стороны, на образ влияет личное восприятие героя — его страх и неприязнь к большому городу. С другой — исторический контекст повествования — действие разворачивается на рубеже веков, в 1990-е годы, после распада Чехословацкой республики и установления нового политического строя в стране.

В «Семи храмах» пространство Праги разделяется на три значимых территории. В качестве отдельной локации Урбан выносит Семихрамье — квартал в центре Праги, в районе Новый город. Это ключевое для текста пространство автор определяет не по улицам, а по зданиям — готическим храмам, которые герои условно (а в дальнейшем — и физически, с помощью стены) объединяют, подчеркивая отрешенность места от остальной Праги. При этом из семи храмов Семихрамья конкретно названы лишь шесть реально существующих пражских церквей, последней точкой в структуре этой локации становится исчезнувшая часовня Тела Господня. Ее восстановление и, соответственно, окончательное закрепление единства Семихрамья становится одной из главных задач для героев и поводом к развитию сюжета романа.

«Остальной» город у Урбана не ограничивается лишь центром. Наравне с узнаваемыми локациями «старой» Праги персонажи говорят или прямо посещают спальные районы 1970-х годов, новейшие к моменту создания текста торговые и деловые центры. Одним из значимых для всего сюжета пражских мест становится Вышеград, где находится и древний готический замок, и стеклобетонный деловой центр. Урбановский город, как и реальная Прага, простирается вдаль в разных направлениях, и нельзя четко его ограничить. Это насыщенное событиями и персонажами пространство, включающее в себя и центр, и периферию.

Структуризация пражских территорий у Урбана во многом определяется архитектурными признаками. Кветослав, приверженец готики и, соответственно, исторического центра, настаивает на необходимости «совпадения» частей Праги с их архитектурным обликом. У него вызывает ужас ситуация, когда, например, в историческом готическом квартале возникает здание, построенное в 1920-х годах. В результате возникает четкая оппозиция «центр — периферия». Каждая из этих частей построена по принципу лабиринта, о котором писал еще В.Н. Топоров². Конкретные локации особенно важны для автора в тексте «Семи храмов». Неслучайно событие, предшествующее основному сюжету, однако напрямую

на него повлиявшее — гибель двух десятков людей в небезопасных «панельных» домах — Урбан привязывает к конкретному району Опатов. По локациям же нередко определяются и другие события романа. Например, убийства, происходящие серийно одно за другим, персонажи различают не столько по имени жертвы, сколько именно по месту, где убийство было совершено.

Наконец, текст «Семи храмов» становится воплощением философских рассуждений автора: о прошлом и будущем, о чешском «национальном мифе», об устройстве города и взаимодействии его жителей. В уста главного героя Урбан вкладывает идею «порочности» современного городского общества. Одним из постоянных мотивов становится, например, мотив боли и болезни. Боль испытывают разные герои на протяжении всего текста. По большей части боль в романе связана с многочисленными жестокими убийствами, при которых жертвы испытывают страдания. Удивительно, в каких подробностях описывает Урбан физические недомогания людей перед смертью. Чего стоит одна только первая глава, где перед читателем предстает следующая картина: «Окровавленная голова моталась на уровне моей груди, глаза были плотно закрыты, кожа посинела. И только слабые стоны, срывавшиеся с губ, свидетельствовали о том, что человек жив»³. Автор делает болезненность неотъемлемой частью Праги, как бы подчеркивая болезненное состояние города и необходимость его скорейшего «излечения» от бед современности. Через сюжет автор как бы доказывает необходимость отвергнуть достижения современности и обратиться к классическим образцам национальной культуры. При этом в порыве стремления к «аутентичности» писатель нередко доходит до абсурда (о этом говорит в своих работах и Е.Н. Ковтун⁴), что роднит урбановскую Прагу, например, с фантастически-абсурдным «другим городом» писателя Айваза — ещё одним образцом постмодернистской Праги.

Подводя итог, скажем, что топос Праги в романе «Семь храмов» как в показательном тексте чешского постмодернизма формируется благодаря сочетанию нескольких смысло-

вых уровней. При этом значимым для раскрытия этих смыслов является разделение самого городского пространства на три территории, каждая из которых является символической и играет сюжетобразующую роль в тексте.

Примечания

- ¹ *Ficová S.* Román z Prahy // Tvar. 2000. Roč. 11. Č. 12. S. 13.
- ² *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. 263 с.
- ³ *Урбан М.* Семь храмов. Пражский готический роман. М., 2005. С. 22.
- ⁴ *Ковтун Е.Н.* Фантастика и национальная идентичность: чешская литературная версия // Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. 2018. № 1. С. 22–40.

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.16

Притчевое начало в романе Станислава Билера «Деструкция»

Анна Васильевна Грасько

Институт славяноведения Российской академии наук;
МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Ключевые слова: роман-притча, Станислав Билер, современная чешская литература

Features of a parable in Stanislav Bieler's novel "Destruction"

Anna V. Grasko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Keywords: parable novel, Stanislav Biler, modern Czech literature

В современной литературе жанр притчи чаще всего не встречается в чистом классическом виде — то есть в виде небольшого текста «дедактико-аллегорического» характера (определение С.С. Аверинцева)¹. Поэтому часто говорят о притчевости того или иного произведения, притчевых элементах, которые соединяются с другими литературными жанрами, составляя с ними единое целое. Если обобщить разные суждения, можно сказать, что отличие произведений, имеющих притчевое начало, от произведений реалистических заключается в том, что все элементы художественной формы в них в большей степени скрепляет не сюжет и его логическое развитие, соотношенное с током жизни, реальными человеческими судьбами, а некая философская идея. Таким образом, описываемая действительность превращается в определенную мыслительную конструкцию, более или менее условную.

Подобный опыт романа-притчи или романа с элементами притчи демонстрирует и современная чешская литература — таков роман «Деструкция» (*Destrukce*), написанный молодым чешским автором, социологом по профессии, Станиславом Билером. Немало важно, что именно эта книга является победителем почетной чешской литературной премии «Magnesia Litera» за 2022 г. в номинации «проза». Как отмечают издатели, читатели, и разнообразные комментаторы и критики, роман является необычным явлением для чешской литературы, занимает в ней особое место. Характерно и то, что ведущий интервью с Билером², говоря о романе и стремясь выстроить литературные параллели, вспоминал «Замок» Франца Кафки и абсурдную драматургию Вацлава Гавела.

В начале роман производит впечатление реалистического и экзистенциального. Повествователь и он же главный герой, молодой учитель, своеобразный «герой нашего времени», страдает от потери смысла жизни и неуверенности в жизненных началах. Искать их он решает в деревне, где, как он думает, до сих пор действуют естественные жизненные законы — люди живут вместе и в соответствии с собой,

а не против самих себя, добро и зло по-прежнему хорошо различимы и в целом мир устроен просто и правильно. Именно эту простоту и ясность ищет герой.

Однако деревня сразу предстает как недружественный мир для такого «постороннего». Только приехав, герой отправляется прогуляться, спотыкается, разбивает лицо об мерзлое поле, причем автором подчеркивается, что на поле не остается следа от его падения, а на лице — остался след поля (одна из символических деталей в романе). Жители, еще не зная, что новый пришелец — учитель, начинают беспокоиться, что кто-то праздно разгуливает по окрестностям, учителя останавливает местная полиция. Дом, который выделяют учителю — неухоженный, покрытый плесенью. Все это сразу позволяет почувствовать определенную нездоровую атмосферу, царящую в деревне. Несмотря на это, главный герой вначале пытается понять логику грубоватых рассуждений сельчан, проникнуться непривычным деревенским укладом, найти в нем скрытый за внешней грубостью сакральный смысл. Эти попытки ни к чему не приводят, герой не может встроиться в чуждый для него деревенский социум, остается для жителей опасным «посторонним». Именно такой фокус восприятия — индивидуально-психологический сначала моделируется автором, заставляя вспомнить героя А. Камю из романа «Посторонний», который также оказывается затерян в жизни и в обществе.

С другой стороны, развитие романа больше напоминает другое произведение Камю — его роман-притчу «Чума», также примешиваются элементы драмы абсурда и традиционный для чехов черный юмор. Центральное место в романе занимает не проблема индивидуума, а обнажение проблем самой действительности, которые существуют объективно вне зависимости от чувств и ощущений главного героя. Различные негативные элементы — засуха, несчастные случаи, происходящие с жителями, их черствость, грубость, ограниченность — складываются в мрачную закономерность и создают гнетущую атмосферу, которая нарастает к финалу романа. Главный герой воспринимается уже не как лич-

ность, противопоставленная социуму, а скорее как расследователь преступления. Именно в конце романа по закону детективной интриги, обнажаются и скрытые механизмы, и причины, которые лежат в основе неблагополучия деревни. Оказывается, что тотальная депрессия, деструкция, связаны с засухой, которая охватила всю деревню, однако самое ужасное в том, что она рукотворна и происходит от завода минеральной воды, который, собственно, выкачивает всю воду.

Абсурдность ситуации заключается в том, что все жители работают на заводе и в отличие от главного героя и читателя, прекрасно знают о причинах засухи, но не предпринимают никаких попыток протеста. Их умами владеют местные идеологи — директор завода и староста — они ловко манипулируют традиционными ценностям и утверждают, что именно завод — гарантия их благополучия и процветания и что им удастся сохранять настоящие традиции и будет, что передать детям. При этом дети, остро чувствующие неблагополучие и напряжение, тоже находятся в депрессии, а один мальчик бросается в пустой колодец и разбивается в нем. Сами жители находятся в жесточайших кредитных кандалах у инвесторов, которые отпускают им кредиты в счет работы на заводе минеральной воды. И даже когда мир жителей деревни в буквальном смысле рушится — происходит ряд самоубийств, по стенам идут трещины, обваливается школа — все стараются этого не замечать, а на разрушенной школе пишут «не смотреть». Финал в романе открытый и далекий от какого-то гуманного исхода. Директор завода, который предвидит катастрофу, ведь воды уже действительно не осталось и завод нужно закрывать, намеревается бежать, однако сообщница главного героя убивает его. Что будет дальше с деревней — остается неизвестно.

В целом описанная в романе ситуация, доведенная до абсурдного предела, конечно, выходит за рамки реалистической истории. Таким образом, деревня, не имеющая названия, с заводом, который является с одной стороны, необходимым для жизни, а с другой стороны — страшным тотализатором, причиной ее гибели, выглядит в романе как

полуреальная-полуабстрактная конструкция, абсурдная антиутопическая модель мира. Эта искусственность, экспрессивность пространства подчеркивается в повествовании и некоторыми символическими деталями — так, например, герой замечает, что дома в деревне, хотя и новые, но выкрашены в совершенно дикие, яркие цвета. Ее жители — с одной стороны — живые люди, наделенные положительными и отрицательными свойствами характера, а с другой стороны — актеры драмы абсурда, повторяющие бессмысленные слова, неадекватно реагирующие на трагические обстоятельства. Главный герой, экзистенциальные переживания и поиски которого, кажется, должны стать центральной темой в романе, тоже оказывается схематичен. Его имя встречается в романе лишь единожды, читатель не знает, из какого города он, собственно, приехал, его личностного развития в романе не происходит, а его линия полностью подчинена разгадке тайны деревни.

Таким образом, перед нами художественный текст, в котором, безусловно, присутствует притчевое начало, которое проявляется в схематичности созданной модели мира, условности персонажей, в наличии символических деталей и определенном философско-дидактическом посыле.

Однако вместе с тем нужно заметить, что структура притчи в романе соотносится именно с новым усложненным типом литературных притч, которые возникли в литературе XX в. По сравнению с классической притчей, в которой проблема видна на поверхности и за рассказанной историей неизменно следует мораль, новая литературная притча менее конкретно отражает недостатки и проблемы общества, лишь намечая кризисные явления и чаще всего имеет открытый финал. Сам автор, комментируя свой роман в уже упомянутом интервью, достаточно размыто говорит о том, что в его основе — размышления о кризисе «рационального мышления», кризисе человеческих ценностей, климатических кризисах. При этом он подтверждает, что не собирался давать определенных рецептов по исправлению общества.

Примечания

- ¹ Аверинцев С.С. Притча // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 305.
- ² См. интервью с Билером. URL: <https://youtu.be/Q9mrwZgE3Gw> (дата обращения: 22.05.2023).

DOI: 10.31168/2619-0869.2023.3.17

Образ Яны Илинды в романе Теодоры Димовой «Эмине»

Людмила Викторовна Швыдюк

РГУ имени А.Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: mishkajaponchik54@gmail.com

Ключевые слова: Теодора Димова, Эмине, болгарский роман

The image of Yana Ilinda in the novel by T. Dimova "Emine"

Ludmila V. Shvydyuk

Russian State University named after A.N. Kosygin
e-mail: mishkajaponchik54@gmail.com

Keywords: Teodora Dimova, Emine, Bulgarian novel

В ряду современных болгарских романов наибольший интерес для исследователей сегодня представляют постмодернистские романы. Их авторы часто соотносят своих персонажей с героями известных произведений, чтобы акцентировать определенную сторону какого-то вопроса. Теодора Димова (р. 1960) — болгарская писательница, драматург и

прозаик. Она в своих произведениях «активно использует христианские мотивы, библейские легенды, евангельские притчи»¹. Герои ее произведений не могут найти свое место в обществе, от жестокости реальности и непонимания окружающими они, по словам З.И. Карцевой, «убегают» в другие Явь и Новь²», то есть в другие временные и пространственные измерения. Особенно хорошо такой тип героинь показан в первом романе Т. Димовой — «Эмине» (2001). По авторскому замыслу это должна была быть пьеса, однако «драматургическая форма отторгала эту идею»³. Вероятно, было сложно передать смешение временных пластов в пьесе, поэтому возник постмодернистский роман с повествованием в различных нарративах.

Роман «Эмине» назван по имени женщины, жизнь которой во снах увидела маленькая девочка Яна Илинда и приняла как основу для своего мировосприятия. Поэтому в шестилетнем возрасте Яна Илинда думает, что она взрослая замужняя женщина Эмине, живущая в большом белом доме с молитвенной комнатой, вокруг дома растут цветы и видно лес. Эмине действительно когда-то существовала, у нее был муж Мина, но она умерла при рождении сына. Однако Эмине нельзя рассматривать как отдельного персонажа, потому что она символизирует светлую часть дуалистичной души Яны Илинды, тогда как темная раскрывается через реальную жизнь самой героини.

Временное пространство в романе не является линейным и закольцовывается в конце, для читателя персонаж Эмине долгое время остается неявным, он присутствует только как некая неясная часть сознания Яны Илинды. Если выстроить события романа в хронологическом порядке, то получается следующая история: маленькая девочка Яна Илинда думает, что является нравственно-прекрасной женщиной Эмине из своих снов. Она пытается узнать у родных и близких, почему ее жизнь не совпадает с той, что у Эмине. Окружающие запрещают говорить ей о какой-то другой жизни из ее снов, для них Эмине — это детская фантазия. Они не понимают, что Яна Илинда стремится к духовному идеа-

лу, который для нее воплощен в образе женщины из снов Эмине. Не встретив понимания в своем окружении, Яна Илинда еще девочкой пытается убежать в тот другой дом к якобы своему мужу Мине (это муж Эмине, но Яна Илинда думает, что она и есть Эмине) и по дороге встречает цыганку, которая ее понимает. От нее Яна Илинда узнает о том, что взрослой перестанет помнить про Эмине, выйдет замуж. Почти так и происходит, Яна Илинда вырастает и выходит замуж, рождает дочь Неду. А потом все-таки находит Мину, который отказывается признавать ее как свою умершую, а теперь живую, но в ином теле, жену Эмине. И Яна Илинда возвращается к дочери и своему настоящему мужу Силияну.

Через персональную перцептивную точку зрения самой Яны Илинды читатель постепенно начинает понимать, что она правда ощущает себя другим человеком, который реально существует (или когда-то существовал). Взгляды на жизнь Яны Илинды в детстве совпадают со взглядами Эмине, она перенимает их: думает, что ей надо родить сына своему мужу, молиться в комнатке с Иисусом, жить свято, безгрешно. Маленькая Яна Илинда не понимает, почему существует разрыв между ее жизнью и Эмине, она стремится стать ею по-настоящему, чтобы ее внутренне ощущение себя совпадало с внешним проявлением. После запретов, угроз и избиений из-за мечты быть другой, Яна Илинда как бы «отрывается» от личности Эмине, начинает примерять разные роли, чтобы найти себя. Однако ее душа помнит и стремится к мечте об идеале, к Эмине как воплощению нравственных ценностей. Сама же Яна Илинда не может достичь обычного для человека счастья. Для нее главная цель — это найти себя, пройти процесс самопознания, познать границы дозволенного, добра и зла, вступить в согласие с собой. Ее двойственная личность исследует грех — уже находясь в отношениях с Силияном, она проводит ночи с другими мужчинами. И она оказывается, по словам С. Стояновой, «нравственной чужеземкой⁴», которая не способна преодолеть свою греховную блудную натуру через привычную парадигму дом — муж — ребенок. Стоянова сравнивает Эмине с Девой Марией, тог-

да как Яна Илинда ближе к образу Евы. И Яна Илинда, впадая в различные искушения, проходит путь, на котором она, изначально безгрешная, совершает моральное падение в поисках себя настоящей, а затем возвращается к своему мужу и ребенку. Она и для Силияна является соблазном, через который он впадает в грех: из-за ее постоянных измен Силиян тоже изменяет ей, ради мечты Яны Илинды о большом доме становится бандитом.

М. Черни, чешский переводчик и исследователь, отмечает, что темную сторону личности Яны Илинды можно объяснить детскими травмами, которые возникли «от нестабильной семейной среды и нарушенных взаимоотношений с родителями, в основном, матерями»⁵. Когда Яна Илинда просит мать или свою гувернантку Мари отвести ее в большой белый дом с комнаткой, где можно молиться Иисусу, то есть, в дом Эмине, они запрещают ей говорить что-то подобное. Ее близки ей не верят, не понимают, не хотят разобраться в том, почему девочка стремится к чему-то возвышенному и духовному. Примечателен эпизод, когда Яна Илинда на званом ужине своей матери говорит всем о том, что сейчас пост перед Рождеством, поэтому она не будет есть мясо. Ее мать сначала хочет перевести ее слова в шутку, но, когда Яна Илинда продолжает настаивать, что ее семья всегда отмечала Рождество, ее мать выходит из себя и кричит на нее. После этого ужина она избивает Яну Илинду, зовет врача и запрещает говорить ей что-либо подобное. В этом моменте хорошо отражено отношение матери к Яне Илинде: пока та не причиняет ей неудобства перед другими, она отмахивается от всего происходящего с дочерью, не хочет замечать ее состояние. Страх перед матерью трансформировался затем в ужас у Яны Илинды перед беременностью и детьми. Она знала, как Силиян хотел ребенка, из-за него прошла обследование у врачей, но не могла ни признаться ему в нежелании иметь детей, ни перестать тайно принимать противозачаточные. Яна Илинда все-таки рождает дочь Неду ради мужа, но оказывается неспособной любить ее и преданно заботиться о ней. Е. Борисова отмечает, что в произведениях

Димовой мать хочет причинить боль своему ребенку, ребенок должен страдать, потому что мать страдает из-за него: «желание матери ранить своего ребенка, который ощущается как тяжесть, потому что она сама носит на своих плечах тяжесть»⁶. Яна Илинда оказывается практически такой же, как и ее мать, ей сложно принять свою дочь.

Т. Димова в своих следующих произведениях продолжает исследовать вопросы особенностей женского восприятия жизни и материнства через соотнесение с духовным и христианским идеалом. Не случайно поворотная сюжетная линия в «Эмине» — это рождение дочери. Для женских персонажей Димовой материнство или мысли о нем часто становятся испытанием. Следующий ее роман «Матери» (2004) тоже посвящен историям разных матерей, которые не смогли научить своих детей нравственным ценностям. Женский образ Яны Илинды, для которого характерны душевные метания, принятие и непринятие себя как матери и жены, можно считать началом прозаических размышлений Т. Димовой над темой порой непростых отношений между матерью и детьми.

Примечания

- ¹ Карцева З.И. Поздний синтетический постмодернизм (старое и новое в болгарском романе наших дней) // Славяноведение. 2015. № 6. С. 12–25.
- ² Карцева З.И. Мифологема бегства как модель мироустройства в новой болгарской прозе // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 4. С. 66–74.
- ³ Никифорова С. Литературные страницы: Теодора Димова. Рано или поздно каждый из нас встречается с Богом. 2014. URL: <https://bnr.bg/ru/post/100401808> (дата обращения: 22.05.2023).
- ⁴ Стоянова С. Реквием за една мръсница (Жената *като такава* в романа «Эмина» на Теодора Димова). Электронно списание LiterNet, 09.09.2009, N 9 (118). URL: https://litenet.bg/publish23/sv_stoianova/rekviem.htm (дата обращения: 22.05.2023).
- ⁵ Черни М. Майки-немайки (Превод от чешки Евгения Стойкова). 2015. URL: <https://kultura.bg/web/майки-немайки/> (дата обращения: 22.05.2023).
- ⁶ Борисова Е. Автотекстуалността в романите на Теодора Димова // Филологически форум. 2016. N 1 (3). С. 131–141.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

Россия и славянские народы в XIX–XX вв.

Д.И. Никифоров

Участие Петра Афанасьевича Шеншина в событиях,
связанных с Восточным кризисом (1875–1878 гг.) 4

Т.Р. Семакина

Антоний Слонимский открывает пролетарскую культуру:
путешествие польского интеллектуала в Страну Советов 9

Роль границ и пограничий в истории славянских народов и их соседей

К.А. Юрьев

Франки, авары и мораване на рубеже VIII–IX вв. 14

А.М. Дронов

Вопрос Срема и проект хорватско-сербской федерации
июня 1848 г. 19

В.И. Короневский

«Предать земле означенное езуитское тело»:
Бюрократия и культы местных католических святых
на территории Западных губерний Российской империи
(1850-е – начало 1870-х годов) 25

М.А. Мартыненко

Легитимация западных рубежей
Польской Народной Республики
средствами исторической политики
(случай «Возвращенных земель») 30

Женщина на Балканах

К.В. Мельчакова

Мария Перович (Иогансон) в Герцеговине (1866–1868 гг.).
Из истории школы для девочек в Мостаре 34

Л.К. Новосельцева

- «Идеальное детство» по версии журнала *Жена*
(по материалам издания 1911–1914 гг.) 41

**Проблемы сохранения исторической памяти
у славянских народов**

Ю.А. Чупрына

- Историческая память Малой Руси первой половины XVII века:
работы полемистов 46

Луциана Гоптова

- Памятник павшим русским воинам на востоке Словакии 50

О.В. Михин

- Кашубская культура в пропаганде польской Морской и речной
(колониальной) лиги в 1920–1930-е гг. 56

**Страны Центральной и Юго-Восточной Европы
на современном этапе развития:
конфликты и попытки их преодоления**

Д.П. Ерёмин

- Деятельность ОБСЕ в рамках избирательной кампании
в Боснии и Герцеговине в 1996 г. 61

Н.Ю. Шишов

- От конфликта к конфликту:
политические взаимоотношения Будапешта и Брюсселя
в 2020–2021 гг. 66

А.К. Александрова

- Греция и Турция: дипломатия катастроф (1999, 2023) 72

**Развитие историографии:
от века XIX до наших дней**

А.Ю. Перетяцько

- Этнографическая характеристика М.Н. Харузиным
донского казачества 78

Т.В. Гимадеев

- Гуситское движение как предтеча модерна
в историософской концепции Э. фон Кюнельт-Леддина 84

Янь Лэй

- Китайские ученые о распаде Югославии 89

**Славянские страны
в системе международных отношений
в 1950–1980-е гг.**

С.С. Маклашкин

- Влияние внешнеполитической конъюнктуры
на оборонную доктрину ФНРЮ (1951–1953 гг.) 96

Т.В. Рутковская

- Хартия 77 и еврокоммунисты 100

Е.П. Каткова

- Движение неприсоединения во внешней политике
Югославии в 1980-е годы 104

**Образ «другого»
в религиозных и мирских сочинениях**

Н.В. Евстафьев

- Мусульманское право Османской империи
в житиях балканских мучеников XVI в. 110

К.М. Медведев

- «Духу Святому и исхождению Его
от Отца и Сына противные»: «схизматические» казаки
и «Украина» в творчестве Киприана Жоховского 115

**Культурные аспекты
истории западных славян**

Н.Р. Белова

- Страх и надежда в сочинениях чешских католиков
эпохи Барокко 120

А.М. Ланцева

- Особенности структуры чешского канционала
Яна Йозефа Божана «Райский соловей» 125

В.В. Котов

- Маскарады-«шибржинки» как элемент
сокольской культуры 129

И.Д. Ерофеев

- Особенности католического модернизма
 Мариана Здзеховского 135

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**Современные славянские языки:
 глобализация – этнизация****И.И. Казаков, А.И. Чиварзина**

- Социолингвистические особенности надписей
 на кладбищах Крушево и влашских сел округа Битола 140

С.А. Борисов, В.А. Немчинов

- «Особенности эпиграфики чешских надгробий
 на трех кладбищах в Центральной Хорватии
 (Междурич, Горни-Дарувар, Каптол)» 145

В.И. Бёрезнев

- Языковая ситуация у национальных меньшинств
 Сербии (АК Воеводина) и Боснии и Герцеговины
 (по материалам экспедиции 2023 г.) 151

А.Д. Васюков

- Верхняя Силезия во второй половине XX в.:
 языковая гомогенизация как инструмент
 национальной интеграции 158

П.И. Долгополов

- Ударение в верхнелужицком языке в свете особенностей
 верхнелужицкого стихосложения 163

Е.А. Стецкова

- Исследования гендерно-чувствительного языка в Сербии 166

**Этнолингвистические исследования
 славянских ареалов****А.И. Чиварзина, А.П. Якимова**

- Одежда и ее цвет в песенном фольклоре
 македонцев и болгар 174

Янтун Чжэн

- Представление об оппозиции «мужской – женский»
 на материале родинной и похоронной обрядности в Сербии 179

С.К. Мамонова

- Символика волос в восточнославянских обрядах
жизненного цикла 183

Жоши Кан

- Журавль в белорусском и китайском ассоциативном поле 188

О.А. Королёва

- Топоним Смоленск как носитель многоплановой
лингвокультурологической информации 196

**Славянские языки
в прошлом и настоящем**

М.М. Громова

- Кластеризуемые клитики в словенских диалектах:
архаизмы и инновации 201

В.В. Каприелова

- Семантические особенности сербских глаголов речи
(*говорити, казати, причати, рећи*) 206

А.С. Тепсаев

- Заемствованные соматизмы в чешских диалектах 211

Балаж Вереш

- Технологический детерминизм как экстралингвистический
фактор онлайн-коммуникации 216

В.И. Бужинская

- Вопросительные конструкции в заголовках
современной польской прессы (на примере журналов
Wysokie Obcasy. Kraj u Men's Health) 221

К.А. Лукашук

- К вопросу о транскрипции и транслитерации
французской лексики в болгарском языке 226

**Актуальные вопросы грамматики и семантики
в славянских языках**

П.Ю. Караваева

- Некоторые грамматические особенности славянского
перевода Жития Святого Григория Синаита 232

А.А. Токсубаева

О графико-орфографических и фонетических особенностях
 текстов маргиналий Христинопольского Апостола XII века 237

М.А. Гаврилков

Особенности исследования библейских цитат
 в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв. 241

К.П. Костомарова

Об одном семантическом сдвиге в истории
 прилагательного *хороший* 247

И.И. Колесниченко

О семантическом развитии русского наречия *зря* ‘напрасно’ 251

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**Поэтика литературы****В.В. Старкова**

Доминанты мотивной структуры краткой прозы И. Цанкара
 (сборник «Книга для легкомысленных людей», 1901) 258

П.С. Левина

Импульс классических сюжетов в драматургии
 Вацлава Гавела (на примере пьес «Искушение» и «Уход») 262

А.А. Конева

Интертекстуальность гимна бывшей Югославии:
 истоки, идеи, эволюция 267

А.А. Широкова

Еще раз о первоцвете: некоторые элементы образа цветка
 в стихотворении Адама Мицкевича «Pierwiosnek» 272

Литературно-философские парадигмы**И.А. Либина**

Роль метафизического пространства в религиозно-философской
 концепции книги «Земля Ульро» Ч. Милоша 277

Л.А. Винокурова

Тема катастрофы в поэтическом сборнике
 Радека Малого «Вороньи песни» 282

П.Д. Гаврилова

- Смерть как один из основных мотивов прозы
Петре М. Андреевского (на примере романа «Пырей» (1980)
и сборника рассказов «Все лики смерти» (1994)) 287

В.М. Степанова

- Диалектика материального и духовного в повести
В. Паскова «Баллада о Георге Хениге» 290

Русско-славянские литературные связи**К.Б. Егорова**

- Элишка Красногорская — корреспондент А.Н. Пыпина 297

Н.С. Рубцова

- Universal Robots: рецепция драмы Карела Чапека *R.U.R.*
в произведениях Алексея Толстого, Семена Кирсанова
и Дмитрия Ратникова 301

Т.М. Столбова

- Ф.Л. Челаковский и А.С. Пушкин. Опыт сопоставления 306

А.Р. Кашина

- Стихотворение Й. Дучича «Сат»
в переводах на русский язык 311

Ю.А. Долгих

- Балканские поверья о вампирах в русской литературе
XVIII — первой трети XIX в. 317

В кругу современных славянских литератур**А.В. Бырина**

- Эволюция мотива путешествия в прозе Павла Виликовского 323

Г.В. Климанов

- Особенности топоса Праги в чешском постмодернизме
(на примере романа М. Урбана «Семь храмов») 329

А.В. Грасько

- Притчевое начало в романе Станислава Билера «Деструкция» ... 333

Л.В. Швыдюк

- Образ Яны Илинды в романе Теодоры Димовой «Эмине» 338

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

Материалы
конференции молодых ученых
в рамках Дней славянской письменности и культуры,
23–24 мая 2023 г.

Ответственные редакторы:
Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова

Редактор:
Л.А. Авакова

Компьютерная верстка:
П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 15.12.2023. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,35
Объем 21,88 печ. л.

Заказ № 62.

Тираж 500 экз.